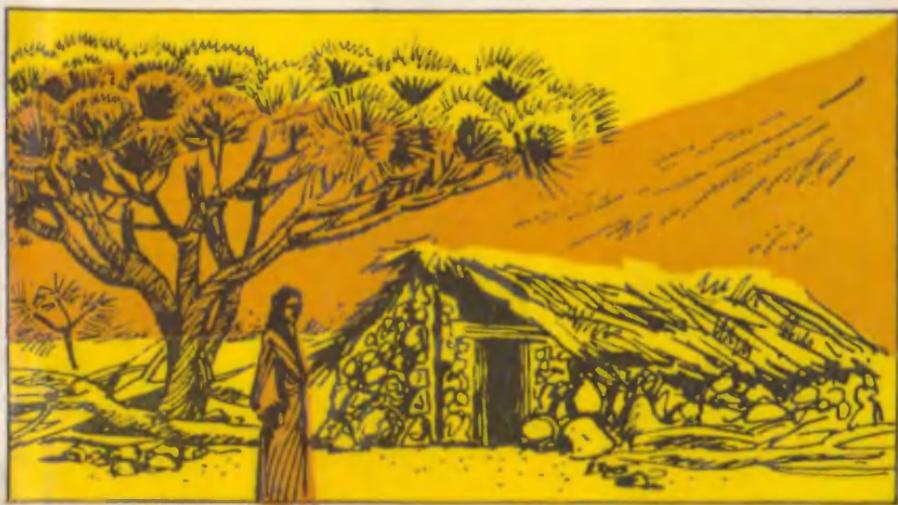

ПУТЕШЕСТВИЯ
ПО СТРАНАМ
ВОСТОКА

В.В.Наумкин

ТАМ, ГДЕ
ВОЗРОЖДАЛАСЬ
ПТИЦА ФЕНИКС

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

В. В. Наумкин

**ТАМ, ГДЕ
ВОЗРОЖДАЛАСЬ
ПТИЦА ФЕНИКС**

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1977

Редколлегия

К. В. Малаховский (председатель), *А. Б. Давидсон*,
Н. Б. Зубков, *Г. Г. Котовский*, *Н. А. Симония*

Ответственный редактор

А. Б. Куделин

Фотографии автора и министерства информации НДРЙ
(с. 23, 91, 125)

Наумкин В. В.

ИЗ4 Там, где возрождалась птица феникс. М., Главная редакция восточной литературы изд-ва «Наука», 1977.

134 с. с ил. («Путешествия по странам Востока»).

Автор излагает свои впечатления о поездке на о-в Сокотра, с которым в древности и средневековье было связано много легенд, касаясь истории острова, проблем его развития.

И $\frac{20901-045}{013(02)-77}$ 138-77

91 (И5)

© Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука», 1977.

Если ты станешь путешественником, всегда имей глаза сокола, уши осли, лицо обезьяны, плечи верблюда, ноги оленя и никогда не надейся, что тебе может хватить терпения и денег.

Флорио

ПРЕДИСЛОВИЕ

Сокотра... Это слово вызывает у арабиста трепет, как нечто настолько древнее, чье реальное существование представляется почти фантастическим. Сходные чувства вызывают египетские пирамиды, храмы Луксора и Карнака — но там работает мощная туристская индустрия, превратившая памятники седой старины в привычные атрибуты современных увеселений, так что трепет быстро сменяют иные чувства.

С Сокотрой все по-другому. На протяжении многих столетий время словно огибало этот остров, как бы консервируя там архаические условия жизни, обычаи, традиции. Сокотра — своего рода заповедник реликтовой флоры и древних стадий развития человеческого общества. Здесь живут потомки древнейших народов Востока, создавших когда-то на юге Аравийского полуострова высокоразвитую культуру, государства. Немного известно науке об истории этих государств, еще меньше — о народе Сокотры, его языке и образе жизни.

Между тем изучение обычаев, обрядов и всего строя жизни сокотрийцев может приоткрыть для нас забытую страницу мировой истории, связанную с ролью древней Аравии в развитии цивилизации. Исследование быта и языка сокотрийцев существенно и для решения вопроса о происхождении семитских народов и семитских языков: южноаравийские языки, к которым относится и сокотрийский, наименее всего изучены среди прочих семитских.

Сокотра — природный ботанический музей, где в естественных условиях можно найти около двухсот видов растений, нигде более не встречающихся. Здесь немало интересного также для орнитологов и энтомологов. Остров представляет большой интерес и с геологической точки зрения, поскольку его горный массив — один из древнейших на земном шаре. Очевидно, ценный материал могли бы дать археологические раскопки на острове. В целом комплексное изучение острова поможет решить многие научные проблемы, связанные с ранней историей земли и человечества.

Остров Сокотра расположен в бассейне Индийского океана, между $12^{\circ}19'$ и $12^{\circ}42'$ северной широты и $43^{\circ}20'$ и $54^{\circ}30'$ восточной долготы, будучи удален от ближайшей точки на южном побережье Аравийского полуострова примерно на 300 км, а от восточного побережья Африки (мыс Гвардафуй) немногим более чем на 200 км. Мыс Гвардафуй — самая ближняя к Сокотре точка континента, в иные геологические эпохи Сокотра и прилегающие к ней острова были соединены с этим мысом. Площадь Сокотры (все еще не измеренная точно) составляет от 4150 до 5100 кв. км.

Сокотра протянулась примерно на 120 км с востока на запад и на 35 км с севера на юг. С 30 ноября 1967 г. — дня освобождения народа юга Аравии от господства английского колониализма, она входит на правах округа в молодое развивающееся государство — Народную Демократическую Республику Йемен. От столицы НДРЙ города Адена до Сокотры около 800 км, от крупнейшего восточного порта НДРЙ, города Мукаллы — 480 км.

К западу от Сокотры, на полпути между нею и мысом Гвардафуй, расположен входящий в тот же округ остров Абд эль-Кури; между Абд эль-Кури и Сокотрой лежат еще два небольших острова — Дарса и Самха, называемых Братьями, и совсем уж крошечные островки — Халь Фарук и Самбуя. Из всех этих островов заселен только Абд эль-Кури.

Глубина океана у берегов Сокотры достигает в некоторых местах 900 м.

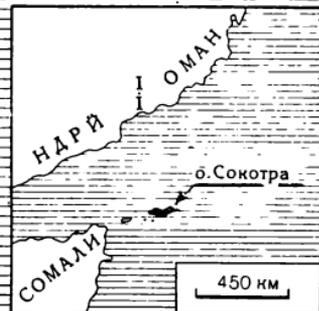
Остров стоит на гранитном основании, из гранита также сложены горные вершины Хагьера (горного массива в центральной части острова), поднимающиеся на высоту до 1500 м. По данным геологов, в известняковых

А Р А В И Й С К О Е М О Р Е

И Н Д И Й С К И Й О К Е А Н

12 0 12 24 км

Остров Сокотра

образованиях на Сокотре можно обнаружить следы вулканического извержения, происшедшего около 60 млн. лет назад.

Население острова точно не подсчитано. Научные экспедиции на Сокотре в пятидесятых-шестидесятых годах оценивали его всего в 7000—9000 человек. Однако результаты неполной переписи, проведенной на острове в 1973 г., показали, что в настоящее время там проживает не менее 30 тыс. человек.

Я давно мечтал попасть на Сокотру, но уж, конечно, не предполагал, что мне, первому из советских людей, выпадет случай провести на острове довольно много времени, побывать там, где еще не ступала нога советского человека. Когда летом 1974 г. я получил приглашение побывать на острове и осмотреть его, я все еще не верил в реальность этого путешествия — пока не увидел под крылом самолета покрытые облаками пики Хаггера.

Из впечатлений от путешествия по острову родилась эта книга. В нее включены также необходимые исторические сведения об острове, без которых нельзя правильно понять и оценить его современное положение. В некоторых случаях я полагал необходимым высказать свое мнение по поводу гипотез о прошлом острова, дать интерпретации некоторых исторических фактов — порой они основаны прежде всего на интуиции, личных впечатлениях. Надеюсь, это не смутит читателя — ведь изучение Сокотры лишь начинается.

Разобраться в пестрых впечатлениях, привезенных с Сокотры, нелегко, тщательным образом не изучив все, что было написано об острове. Но если в древности название острова фигурировало в десятках легенд, в летописях и трудах средневековых историков и географов, то в наши дни число книг, посвященных острову, весьма скудно. Можно лишь удивляться тому, что большой остров, расположенный на пересечении мировых торговых путей, в хорошо изученном районе, продолжает быть таким же загадочным, как и много столетий назад.

Из опубликованных работ по Сокотре наиболее ценные сведения содержат труды так называемой Оксфордской экспедиции. Эта комплексная экспедиция, в состав которой входило шесть английских ученых (четверо из Оксфордского университета и двое из Кэмбриджского), в 1956 г. в течение двух месяцев работала на острове.

Экспедицию возглавлял Дуглас Боттинг, написавший в 1958 г. книгу «Страна „драконова дерева“». В 1964—1965 гг., а затем в 1967 г. остров посетила еще одна экспедиция, под руководством Д. Б. Доу, который несколько лет возглавлял Департамент древностей Аденской колонии, и П. Дж. Боксхолла. В 1970 г. Д. Б. Доу опубликовал в США книгу «Сокотра. Археологический обзор 1967 года». О Сокотре писали также другие английские авторы, в частности Г. Инграмс, английский советник при хадрамаутских султанах, более десяти лет проживший на юге Аравии.

В начале 1975 г. в Адене проходил международный симпозиум по изучению древнейших цивилизаций, на котором было подчеркнуто значение исследования языка и культуры сокотрийцев.

К сожалению, наша отечественная наука Сокотрой пока не занималась. Может быть, эта книга привлечет внимание наших ученых к интересному острову, к языку и обычаям его жителей, его флоре и фауне? Ведь недавно между Академией наук СССР и министерством культуры и туризма НДРЙ было достигнуто соглашение о научном обмене, и в будущем на Сокотру должна выехать комплексная советско-йеменская экспедиция, в которую войдут специалисты по различным отраслям знания, представляющие НДРЙ и Географическое общество СССР. Будем надеяться, что экспедиция проведет плодотворную работу и советские ученые значительно расширят знания об острове. Пока же мне остается гордиться, что я был одним из первых советских гостей на острове. В связи с этим мне хотелось бы выразить благодарность сокотрийцам — людям чрезвычайно добрым и благожелательным — за их гостеприимство и помощь, а властям НДРЙ за предоставленную возможность побывать на острове.

Наш самолет приземлился в Моури — поселке на северном побережье Сокотры, где ровная и твердая каменистая почва образует естественный аэродром. Ночь мы провели в казарме местного гарнизона: завернувшись в теплые одеяла из овечьей шерсти, расположились прямо на брошенных на каменном полу тюфяках и долго слушали отчаянные завывания ветра. Наутро же вместе с несколькими сокотрийцами, направляющимися в столицу Сокотры Хадибо, сели в джип, который, подпрыгивая

на дорожных камнях и поднимая клубы пыли, пересек каменистую равнину, где росли странного вида деревья — невысокие, со скрюченными ветками, почти лишенными листьев. Минут через тридцать пять подъехали к горному перевалу. Здесь мы простились с нашими провожатыми из местного гарнизона — дальше надо было подниматься пешком. После крутого подъема, который занял минут двадцать, мы добрались до дорожных рабочих — группы молодежи, работающей на строительстве дороги Хадибо — Моури. Большая часть дороги уже готова, дальше можно ехать «на колесах». Нас встречает «лэндровер», прибывший из Хадибо. Еще полчаса езды по узкой дороге, бегущей то вверх, то вниз по изрезанному трещинами, усыпанному огромными желтыми валунами высокому морскому берегу. Вокруг преобладают четыре краски: желтый, временами переходящий в светло-красный, цвет скал, камней и дороги, оливково-зеленый цвет скудной растительности, светлый голубой тон неба и сочная лазурь океана, уходящего вдаль, к горизонту.

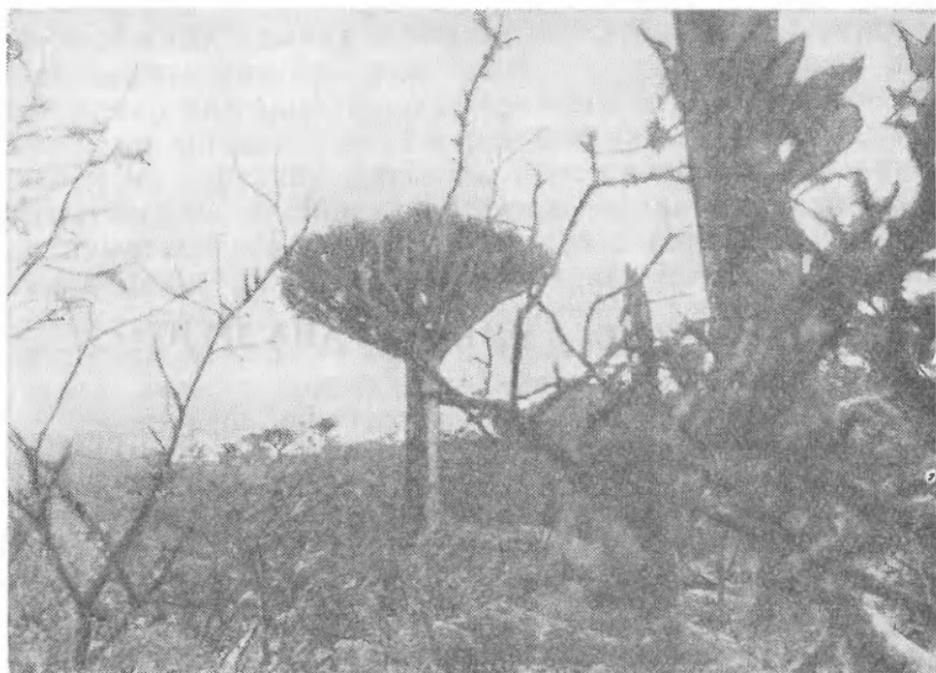
Но вот мы в столице Сокотры — Хадибо. Это, в сущности, небольшой поселок, скопление одноэтажных домиков, с обмазанными глиной стенами. На узеньких улочках почти не видно людей. Отсюда мы и начнем свое путешествие в прошлое и настоящее Сокотры.

Глава I

«НОЕВ КОВЧЕГ» ИЛИ «СТРАНА ПУНТ»?

Наиболее характерные формы жизни на Сокотре, наверное, все-таки растительные: это прежде всего деревья, которые делают сокотрийский пейзаж таким странным, почти неземным. На горных склонах лепятся неуклюжие, будто раздутые снизу огуречные деревья — *зуфорбии*. Их серые туловища налиты густым молокообразным соком, короткие загнутые вверх ветки со скрученными листочками цветут мелкими желтыми цветами и дают несъедобные плоды, напоминающие огурец. На эти деревья похожи *адениум арабикум*, растущие выше; они, пожалуй, еще более гротескны: толстые стволы подобны огромным серо-коричневым пузатым бутылкам, которые, кажется, вот-вот лопнут от переполняющей их жидкости. Иногда от одного основания расходятся два-три ствола. Бутылкообразные стволы завершает неожиданно жалкая крона из чахлах листиков, которые опадают, едва начинается пора цветения.

Адениум арабикум известен не только на Сокотре. На юге Аравии также кое-где встречается разновидность этого дерева, только пониже, всего около метра высотой, тогда как на Сокотре я видел *адениум*, достигающий пяти метров. У его малорослого брата, которого йеменцы называют *адан*, а сокотрийцы *триму*, тоже толстый ствол и короткие пухлые ветки, с редкими мелкими листьями. В период цветения их почти не видно из-за цветов, распустившихся прямо на ветках. Это дерево может расти там, где не выживают другие, так как способно добывать из почвы и сохранять в своем стволе влагу. Млечный сок его ядовит, в Африке, где тоже растет один из видов *адениума*, он использовался прежде для отравленных наконецников стрел. Из этого сока Лепрэнс выделил веществ-

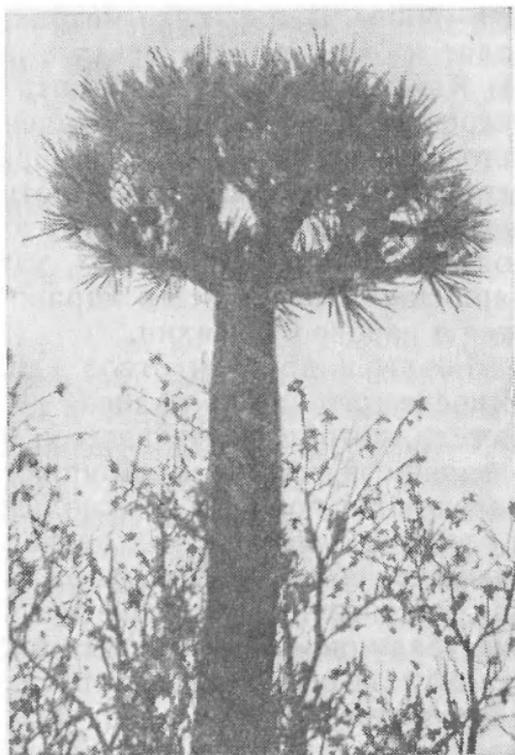
Сокотрийский пейзаж

во, которое было названо «адениин». Оно, как и дигиталин, поражает сердце, кроме того, губительно действует и на центральную нервную систему. Однако жители Сокотры употребляют сок *адениума* для лечения глазных болезней.

Но, конечно, самое удивительное растение острова — это «драконово дерево», необычное как видом, так и названием. Гигантские зонтики этих деревьев торчат повсюду, на каждом склоне, на каждом утесе. Сокотрийцы называют их *арихиё* или *ариб*, арабы же — *дам аль-ахавейн* («кровь двух братьев»), что связано с алой камедью, которую из них добывают. По поводу происхождения этого названия существует несколько версий. Д. Боттинг ошибочно приписывает изобретение его самим сокотрийцам, но на самом деле островитянам ничего не известно о «двух братьях» и смысл этого названия не могут объяснить даже образованные и говорящие по-арабски жители Сокотры. Арабы заимствовали наименование дерева из индийской легенды. Это неудивительно, ведь произведения индийской литературы были хоро-

10

шо известны арабам (вспомним знаменитую «Калилу и Димну»), Сокотра же служила своеобразным транзитным пунктом между Индией и арабским миром. По индийским преданиям, драконы искони враждовали со слонами и питали страсти к слоновьей крови. Они стремились добраться до заветного местечка за ухом слона, чтобы, прокусив кожу, одним духом выпить всю кровь. Но однажды умирающий слон, падая, задавил своим телом дракона. Кровь дракона и слона смешалась, оросила землю, и эта смесь была названа киноварью

«Драконово дерево»

(сульфид ртути), позднее так стали называть и смолу «драконова дерева». Эта легенда легла в основу английского названия дерева *dragon's blood*, буквально «кровь дракона», и арабского — «кровь двух братьев»¹.

«Драконово дерево» растет только в горном районе острова, который называется Хагьер, на высоте не менее

¹ Само соединение арабами индийской легенды с сокотрийским деревом служит косвенным свидетельством древних индо-сокотрийских связей. Некоторые факты указывают, что индийцы жили на острове в I в. до н. э. Английскими солдатами, стоявшими на острове в период второй мировой войны, была найдена табличка с надписью на языке гуджарати, переданная затем в Аденский музей. Даже в XVII в. моряки-гуджарати заключали временные браки с сокотрийскими бедуинками.

Вариантом индийской саги о битве между слоном и драконом, видимо, является популярный в странах Средиземноморья рассказ о битве между святым Георгием и драконом. Можно ли проследить связь между этим фактом и тем, что в христианскую эпоху островитяне поклонялись святому Георгию?

650—700 м. В трех-пяти метрах над землей от ствола отходят во все стороны прямые ветви, словно спицы колеса. Каждые двадцать-тридцать сантиметров они, в свою очередь, разветвляются. Красивое переплетение серых веток с зелеными листьями образует густую крону, а все дерево достигает обычно высоты пяти-шести метров. Эти необычные деревья растут в самых, казалось бы, неподходящих местах: на скалах, узких террасах, склонах и карнизах. Больше всего «драконовых деревьев» встречается в районе Феримхин.

Горцы надрезают ствол «драконова дерева» ножом и, после того как из надреза вытечет достаточно красной камеди, которая, затвердевая, буреет, отламывают образовавшиеся сгустки и собирают их. Куски камеди измельчают в порошок и используют для лечения кожных и глазных болезней, как дезинфицирующее и останавливающее кровь средство (при лечении ран, например) и как краситель. Некоторое количество «драконовой крови» традиционно через Аден вывозят за границу. Там эта камедь используется для изготовления зубных паст и порошков, так как она укрепляет десны, а также в фармацевтике. Во время привала под зонтиком одного такого дерева мне удалось самому собрать несколько сгустков уникальной смолы, которые и сейчас напоминают мне о путешествии по «острову легенд».

Растет на острове и дикий кат², который сами сокотрийцы не употребляют. Однако действие его известно местным жителям: их верблюды в поисках водоносных растений в период засухи иногда набредают на этот кустарник. Если животные съедят много листьев ката, у них могут отняться конечности. Поэтому бедуины тщательно следят, чтобы верблюд, ищущий влаги, не трогал ката.

Сокотра — одно из немногих мест в мире, где произрастают благовония. Здесь можно встретить шесть видов ладана и три-четыре вида миррового дерева. Этих деревьев много в горах и особенно в долине, ведущей в Калансию. Летом, когда мирра в цвету, долина полна изу-

² Кат — растение *Catha edulis*, сок листьев которого имеет слабое наркотическое действие. Эти листья употребляются как наркотическая жвачка повсеместно на юге Аравии, особенно в Йемене, а также в Эфиопии.

мительным благоуханием. Большинство ладаноносных деревьев растет в районе Фахир.

Сейчас Сокотра не вывозит ни ладан, ни мирру. Но когда-то она вместе с Южной Аравией составляла область, известную по всему миру как «страна благовоний», — ведь в древнем мире благовония были одним из наиболее ценных продуктов, их потребляли в огромных количествах и при исполнении религиозных обрядов, и в быту.

«Отец истории» Геродот (V в. до н. э.) сообщал, что «ни в одной другой земле, кроме Аравии, не растут ладан, мирра, касия, кинамом и ледан. Все эти благовония, за исключением мирры, арабы добывают с трудом. Так, ладан они получают, сжигая стирак, который ввозят в Элладу финикияне. Сжигая этот стирак, они получают ладан. Ведь деревья, дающие ладан, стерегут крылатые змеи, маленькие и пестрые, которые ютятся во множестве около каждого дерева».

Далее Геродот сообщает, что арабы добывают касию в мелком озере, обвязавшись бычьими шкурами, а в этом озере живут крылатые звери, очень похожие на летучих мышей. Корицу же они добывают «еще более удивительным способом». Большие птицы приносят сухие полоски коры, которые называют финикийским именем «кинамом». Арабы же «туши павших быков, ослов и прочих вьючных животных... разрубаят сколь возможно большими кусками и привозят в эти места. Свалив мясо вблизи гнезд, они затем удаляются. А птицы слетаются и уносят куски мяса в свои гнезда. Гнезда же не могут выдержать тяжести и рушатся на землю. Тогда арабы возвращаются и собирают корицу...»

«А ледан, который у арабов зовется ладаном, добывают еще более удивительным способом. Это вещество самое благовонное, хотя и происходит из самого зловонного места. Оно находится на бородах козлов и зарождается там, как смола на деревьях. Его применяют для многих благовонных мазей, и арабы употребляют его главным образом для курений».

Благовония и сейчас очень популярны в Аравии. В Северном Йемене женщины после родов «очищаются» обкуриванием благовониями. Аравийские женщины непременно пропитывают благовониями свои одежды. В Хадрамауте человек, совершивший поступок, который

За камедью

может навлечь беду на племя, искупает вину воскуриванием ладана. Там курят ладан также во время церемонии обмывания покойника и при других обрядах.

Сокотрийцы тоже употребляют благовония и для лечебных целей, и в быту, и при отправлении религиозных обрядов. Жених почти всегда дарит невесте благовония. В первую брачную ночь невеста окуривает брачное ложе мускусом и ладаном, да и в дальнейшем, ожидая мужа на ложе, она возжигает благовония. Иногда сухие благовония подкладывают под голову.

Мирровое дерево (*коммифора*) напоминает миниатюрный кедр. *Босвеллия* — ладаноносное дерево — со своими твердыми низкими ветвями, редкими, причудливо изогнутыми листьями похоже на какое-то чудовище, простирающее к земле шупальца. Из толстой коры *бос-*

веллии бедуины иногда плетут корзины. Древесные волокна сильно пропитаны соком, а скапливающаяся в надрезах смола — желтовато-белая и очень ароматная. Цветов на ладане бывает мало, плоды похожи на небольшие ягоды.

Летом местные жители собирают с деревьев смолу. На взрослом дереве делают десять-двенадцать глубоких косых надрезов, а кору под ними надрывают. В эти пазухи и натекает смола. Примерно через месяц слегка затвердевшую смолу собирают и на дереве делают новые надрезы.

Примерно так же происходит сбор *гумми* — смолы *коммифоры*, дерева, дающего мирру. Мирру отличает остро-пряный горький вкус и приятный сильный аромат. Используют ее не только как благовоние, но и как лекарство (дезинфицирующего действия), а также в качестве пряности.

Подобно тому как в наше время аравийская нефть делает вчерашних бедуинов — полуграмотных аравийских шейхов — самыми богатыми людьми в мире, так в древности благовония приносили богатство тем, кто добывал их или торговал ими. Да и потребность в благовониях в древнем мире напоминает нынешний спрос на горючее. Халдейские жрецы ежегодно сжигали перед алтарем Баала на 10 тыс. талантов благовоний! В Иерусалиме были построены гигантские амбары, содержащие этот дар, жертву богу. В Греции повсюду курили благовония в честь Зевса, а позднее корабли, груженные благовониями, стали совершать регулярные рейсы в Рим.

В древнем мире ладан почитался священным. В нем, по преданию, умирала птица феникс, а люди употребляли его для религиозного очищения. О священной природе ладана говорил, например, римский историк Плиний, сообщавший, что сезон сбора ладана начинался только тогда, когда было получено доброе предзнаменование, толкуемое как знак от бога. Сборщики ладана во время сезона должны были избегать близости с женщиной и посещения похорон, т. е. того, что считалось нечистым.

Об употреблении ладана в доисламской Аравии известно мало, однако ладан был найден в остатках алтаря языческой богини арабов аль-Лат в Таифе. Из южно-аравийских надписей мы знаем, что благовония здесь курили, чтобы определить, не возражают ли боги против

того или иного поступка, например постройки нового дома, или чтобы оградить от злых духов покойника (курильницы с благовониями помещали около могилы).

В Евангелии волхвы, увидевшие вифлеемскую звезду, принесли младенцу Иисусу три дара: «Увидевши же звезду, они возрадовались радостью весьма великою, и вошедши в дом, увидели Младенца с Мариєю, Матерью Его, и падши поклонились Ему, и, открывши сокровища свои, принесли Ему дары: золото, ладан и смирну» (Матф., 2, 10—11). Золото по восточной традиции олицетворяло власть, царство, ладан — божественность, а смирна (т. е. мирра) — способность исцелять.

Может быть, самыми крупными потребителями благовоний были древние египтяне. Около 1200 г. до н. э. в храм бога Амона в Фивах было доставлено 2189 кувшинов и 304 093 бочонка благовоний, стоимость которых была поистине астрономической. Египтяне употребляли благовония как лекарство и как основной элемент религиозных ритуалов. Хадрамаут³, Сомали, Дофар⁴ и Сокотра — только эти области производили главный товар Востока.

Незадолго до начала нашей эры знаменитый греческий историк, автор «Исторической библиотеки» Диодор Сицилийский (90—21 гг. до н. э.) писал о благовонной Аравии: «Естественным ароматом напоена вся страна... Вдоль побережья растет то, что называют бальзамом и корицей, и еще одна совершенно особенная трава: только что срезанная, она очень приятна для глаз, но потом быстро увядает. В глубине страны стоят густые леса, в которых рядом произрастают большие ладаноносные и мирровые деревья, а также пальмы, аир, киннамон и другие душистые растения. И совершенно невозможно распознать особенности и природу каждого из них, ибо число их велико, а ароматы смешаны в один общий аромат. Он кажется необъяснимым и божественным и поражает обоняние и чувства каждого. И даже путешественники, проезжающие вдали от берега, становятся причастны этому наслаждению. Ибо летом, когда ветер дует

³ Хадрамаут — область в центральной части Южной Аравии, в настоящее время — Пятая провинция Народной Демократической Республики Йемен.

⁴ Дофар — западная область Омана, на востоке граничит с НДРИ.

со стороны материка, случается, что ароматы мирровых и других благоухающих деревьев разносятся ветром и распространяются на близлежащие морские пространства... Тот, кто вдохнул от этих ароматов, поверил, что вкусил амброзию». В описании своего путешествия по Эритрейскому (Красному) морю Диодор сообщал об острове, на котором росло много благовоний и ароматических веществ; там был также храм бога Юпитера. Возможно, что он писал о Сокотре. Однако некоторые исследователи считают, что описанный Диодором остров находился у южного побережья Аравии, но потом в результате опустошительного извержения вулкана был поглощен морем.

Во времена древних египтян верблюжьи караваны с благовониями шли по аравийской «дороге благовоний» из Хадрамаута и Дофара через Йемен к побережью Красного моря. Оттуда одни направлялись в Египет, другие — в Месопотамию. Египтяне, постоянно закупавшие огромное количество благовоний и платившие за них баснословную цену, однажды решили снарядить специальную экспедицию за драгоценными смолами: самим собрать их, а также привезти в Египет семена кустарников и вырастить благовония у себя дома. Такая экспедиция отправилась в легендарную «страну Пунт» примерно в III тысячелетии до н. э. Не исключено, что эта первая морская экспедиция в «страну Пунт», богатую благовониями, золотом и серебром, была организована египтянами в правление фараона Сахура из V династии (2553—2541 гг. до н. э.).

Достоверных сведений об этой экспедиции сохранилось мало, трудно даже уверенно сказать, в каком направлении она плыла после выхода из Красного моря, однако известно, что египтяне привезли обратно 80 000 мер мирры и 2600 кусков драгоценной древесины. В течение сотен лет египтяне не раз снаряжали подобные экспедиции, которые привозили из «страны Пунт» бесценные благовония. Фараоны XVIII династии уже держали свой флот на Красном море, а фараоны XII династии, возможно, подчинили себе народы, живущие на африканском побережье Красного моря, и даже высаживались на берегах Аравии. Геродот рассказывает о некоем царе Сесострисе: «Сесострис, как говорили жрецы, первым отправился на военных кораблях из Аравийско-

го залива и покори́л народы на Красном море». Красным морем здесь Геродот называет уже Индийский океан.

Самая крупная экспедиция был отправлена в Пунт при знаменитой царице Хатшепсут в 1493 г. до н. э. Рисунки и надписи на стенах храма в Дейр аль-Бахри рассказывают об отплытии этой экспедиции.

Египтяне так и не открыли нам тайну «страны Пунт», откуда они привозили сказочные богатства: ладан, мирру, корицу, дерево. И сейчас трудно определить, где, собственно, она находилась, нам приходится лишь строить догадки. Но сам выбор, так сказать, арена поисков, невелик: Южная Аравия, Сокотра или Сомали. Сторопники сокотрийской локализации чудесной страны (которых, правда, не так уж много) подкрепляют свою точку зрения следующими фактами.

Во-первых, на Сокотре произрастает наибольшее число различных видов ладанов и мирры, а также ценимое в древнем мире алоэ и «драконово дерево». Во-вторых, египетские мореплаватели, даже если они направлялись в Дофар, Хадрамаут или Сомали, не могли проплыть мимо Сокотры. В-третьих, египтяне, вероятно, знали о Сокотре, и своеобразии ее растительного мира. Здесь приверженцы отождествления «страны Пунт» с Сокотрой приводят древнюю египетскую сказку о знатном египтянине, попавшем в результате кораблекрушения на чудесный остров, где росли всевозможные плоды, фрукты, водились птицы и рыбы. На острове его встречает гигантский змей⁵, который, как оказывается, правит Страной Благовоний, Страной Пунт, а также и этим островом. Змей помогает египтянину вернуться на родину. Остров, который египтянин называет Па-анч — Остров Духов, населяют еще семьдесят пять змеев и одна девушка. Знатный египтянин обещает вознаградить змея из сокровищницы фараона, но змей отвечает: «Вы не владеете миррой, все, что у вас есть, это лишь простые благовония. У меня же, правителя страны Пунт, есть собственная мирра! А что до тех благовоний, которые ты обещаешь мне прислать, то ведь и их привозят с нашего

⁵ Здесь возникает интересная ассоциация с одной из аравийских легенд, по которой каждое благовонное дерево охраняется змеем.

острова». Змей пожаловал египтянину ценные подарки, в том числе большой груз мирры и других благовоний.

В этой сказке, действительно, многое указывает на Сокотру. Нет другого острова, на котором росли бы ладаноносные и мирровые деревья. Сокотра в древности была владением правителей «Страны Благовоний», т. е. правителей южноаравийских царств. Да и позднее Сокотра входила в султанат Махры и Сокотры, включавший те же «благовонные» земли.

Еще одно свидетельство: на рисунках в Дейр аль-Бахри помимо прочих животных из «страны Пунт» изображены маленькие безгорбые коровы. Такие коровы и по сей день водятся на Сокотре (хотя на близлежащих побережьях Африки, Аравии и Индии можно встретить только зебу — коров с горбом). Расстояние от носа до крестца у них всего один метр двадцать сантиметров. На вопрос о том, откуда вообще взялись эти коровы на Сокотре, разные ученые отвечают по-разному. Одни приписывают заслугу внедрения этой породы португальцам, полагая, что в течение столетий крупные животные европейской породы, на которую похожи сокотрийские коровенки, могли выродиться, порода измельчала. Другие считают, что коровы были завезены на остров гораздо раньше. Третьи утверждают, что в древние времена такие коровы могли быть распространены и в других районах, скажем, на юге Аравии, но потом их вытеснила другая порода, и они исчезли. В любом случае коровы на рисунках дают в руки сторонникам сокотрийской гипотезы еще один довод.

Противники этой гипотезы (а многие считают, что Пунт был в Сомали или в Аравии) могут усомниться в том, что с Сокотры вывозились какие-либо ценные породы дерева, золото и звериные шкуры (если следовать за египетской легендой о Пунте), да и вообще в существовании на острове таких богатств и развитой культуры.

Существует еще одна точка зрения. Эмиссары правившего после Хатшепсут фараона Тутмоса III в 1479 г. до н. э. также привезли из Пунта «слоновью кость, черное дерево, шкуры пантер и рабов». Поскольку подобные товары могли быть привезены только из Йемена, ряд ученых склоняется к выводу, что Пунтом египтяне называли области, расположенные по обе стороны Баб эль-Мандебского пролива.

Все рассуждения о «стране Пунт» еще более увеличивают интерес к Сокотре. Может быть, в руки исследователей попадут когда-нибудь новые доказательства того, что на острове в древности существовала самобытная культура, а богатства его жителей были и в самом деле столь велики, что породили рой легенд, сказок и преданий.

Интересно, что Диодор Сицилийский, чьи свидетельства весьма высоко ценятся во всех этих поисках, говорил о существовании трех островов: Сокотры, Абдель Кури и Гиеры (или Панчайи, римской версии от Па-анч, египетского названия острова). Но у Диодора рассказы о подлинной Сокотре перемежаются с легендами о Панчайе, так что непонятно, об одном острове идет речь или о двух.

Наука доказала, что горные пики Хагьера являются одним из наиболее древних участков земной поверхности, не подвергшимся затоплению во время постоянных катаклизмов и колебаний уровня мирового океана в древнюю эпоху. Это доказывается тем, что и по сей день в горах сохранились растения (в меньшей степени — животные), которых нет нигде более в мире. Таких растений на Сокотре около двухсот. Сокотра — своего рода музей естественной истории. Много миллионов лет назад остров составлял единое целое с Африканским и Азиатским континентами. Затем произошла одна из древних геологических катастроф, что превращали части континентов в острова, затопляли большие участки суши, создавали новые горные массивы, перераспределяя земную поверхность между вечно воюющими водой и сушей. В результате Индия стала островом, океан подступил к самому подножию Гималаев. Район нынешней Сокотры тоже погрузился в волны, но древние горы Хагьера уцелели, там продолжалась жизнь, в то время как полмира было залито водами Мирового океана. Геологи говорят, что после этого океан отступил, и Сокотру, возможно, некоторое время соединяли с Аравией и сомалийским берегом Африки сухопутные «мосты». Но вскоре уровень воды поднялся снова, и остров был отрезан от материков навсегда.

На Сокотре находят много уникальных видов растительного и животного мира. Они представляют чрезвычайную ценность для науки и своим возрастом, и генетическими связями с другими видами в различных частях

света. И так, Сокотра — это «Ноев ковчег», сохранивший до наших дней многие реликтовые виды жизни.

Сокотра вызывала и продолжает вызывать большой интерес ботаников. Ботанические экспедиции, обследовавшие Сокотру (хотя флора острова все еще недостаточно изучена), обнаружили значительную разницу между бедной, характерной для полупустынь растительностью прибрежных равнин и богатым растительным миром горных районов, напоминающим европейские альпийские луга. Флора различных горных районов также заметно отличается между собой. Это бросается в глаза даже неспециалисту. У подножия гор, сложенных из красного песчаника, и в нижних частях *вади* (долин) встречашь только кустарник да огуречное дерево. Постепенно поднимаясь в горы Хагьера, я не наблюдал особых изменений в растительности, но примерно на высоте в тысячу метров картина резко менялась, будто попадаешь в другой мир. Из мясистых пыльно-зеленых листьев алоэ тянулись вверх алые соцветья, напоминающие гиацинты, то тут, то там возвышались пышные зонты «драконовых деревьев», повсюду буйно росли дикие апельсины, акации, гибискус и *адениум обесум*. Преодолев первое плато зеленых лугов, я поднялся еще на двести-триста метров — вокруг появились новые растения: крокусы, чабрец, различные виды горечавки и грибы. На высоте полутора километров гранитные скалы покрыты струпьями лишайника, а в расщелинах прячутся альпийские цветы. Иногда из трещины гранита выглядывает ветка в мелких светло-зеленых листьях, усыпанная ярко-желтыми цветами. Ботаники говорят, что именно на вершинах Хагьера встречаются наиболее интересные экземпляры, хотя на первый взгляд ничего особенного в этих растениях нет. Но, если представить себе эти древние скалы торчащими над Мировым океаном среди бушующих волн, понимаешь, что так и должно быть: они стали хранителями доисторической, «допотопной» флоры.

Животный мир на острове представлен более скупо. Пожалуй, низшие виды животных интересны, так как они тоже обнаруживают черты сходства с дальними родичами в Африке, Азии и Полинезии. Это относится к змеям, ящерицам, моллюскам, скорпионам, летучим мышам. Когда я впервые увидел в горном ручье на высоте более тысячи метров над уровнем моря пурпурного кра-

ба, я не поверил своим глазам. Однако пурпурный краб водится во всех пресноводных горных водоемах Сокотры. На острове встречается также гигантская стоножка длиной двадцать пять — тридцать сантиметров, толщиной с большой палец, каждая «нога» которой ядовита. Есть на Сокотре и крупный ядовитый паук, *фитамэ*, как его называют местные жители, яд которого смертелен для человека и верблюда. Сокотрийцы говорят, что случаи гибели от укуса *фитамэ* нередки.

Одной из загадок сокотрийской фауны, над которой ломают голову зоологи, является почти полное отсутствие на острове диких млекопитающих. Может быть, причина кроется в том, что остров отделился от материка до появления млекопитающих на земле?

Из диких животных на Сокотре обитают только дикие козлы, ослы и дикий «мускусный кот». Однако, вероятно, все эти животные были завезены на остров сравнительно поздно.

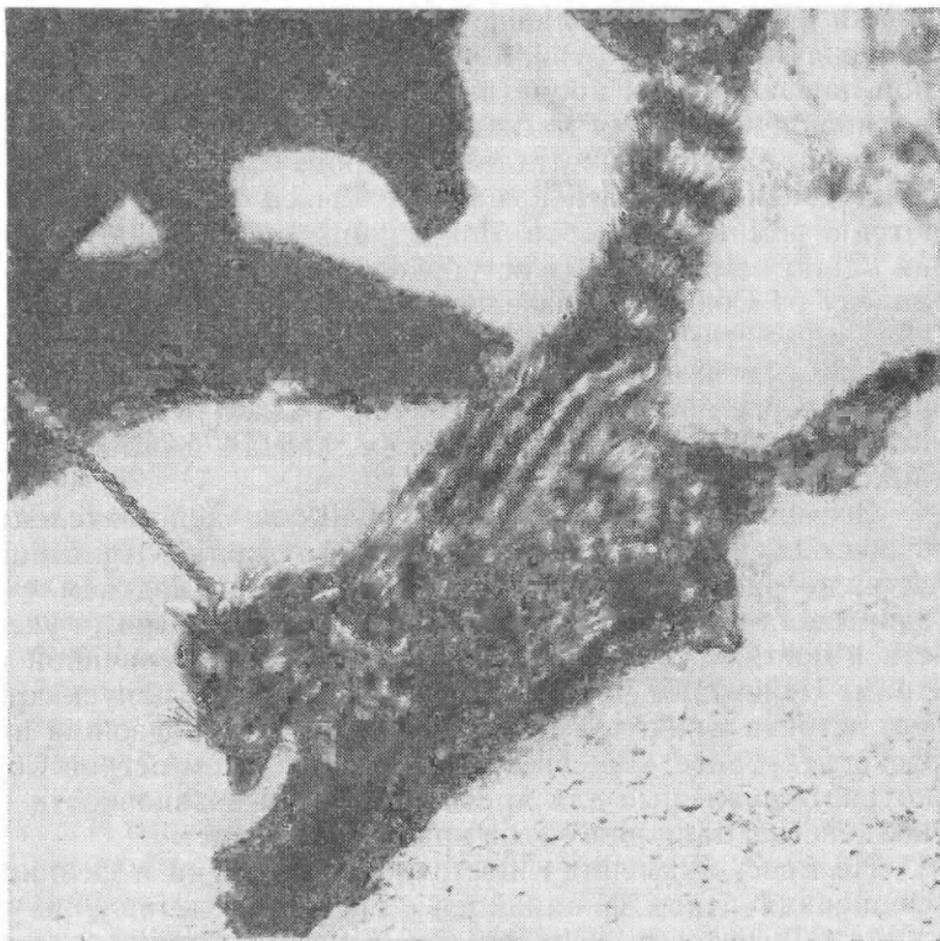
Дикие ослы весьма резвы и очень агрессивны. Когда я увидел пасущихся на горном лугу красивых серо-белых животных с белой мордой и черными полосами на плечах, мне захотелось подойти и погладить необыкновенных ослов, но местные жители отсоветовали: дикий осел может быть опасен, и сокотрийцы организуют специальный отлов ослов, чтобы использовать их затем как выючное животное.

Полагают, что козлы и ослы — одичавшие потомки завезенных на остров в давние времена домашних животных. Предками сокотрийских ослов, в частности, считают ослов абиссино-нубийской породы, когда-то завезенных на остров египетскими купцами.

Кстати, дикие ослы-онагры, которых теперь почти не осталось на земле, тоже отличались буйным нравом. В древности охота на диких ослов считалась столь же опасной, как охота на львов.

Пожалуй, наиболее интересным млекопитающим Сокотры является «мускусный кот», как его называют местные жители⁶. Это чрезвычайно свирепое животное размером чуть больше домашней кошки. Шкурка зверька

⁶ На самом деле это животное не имеет отношения к кошкам: это так называемая малая цивета из семейства виверровых (*viverricula indica*), завезенная на остров в средние века.

Пойманный «мускусный кот»

разрисована бело-черными полосами, хвост тоже в кольцах полос, лапы черные. Зверь питается финиками, но иногда нападает и на домашнюю птицу. Когда английские ученые пытались изловить «кота» живьем, это им долго не удавалось, так как «кот», несмотря на свои размеры, умудрялся вылезти из ловушки через дюймовую щель. Будучи пойман, он вел себя столь свирепо, что ученые не решались взять шипящего и вонючего зверя в руки даже в толстых кожаных перчатках.

Главной особенностью этого животного является ароматичный мускус, который вырабатывают особые железы, расположенные под хвостом. Местные жители ставят ловушки на «котов», подкладывая в качестве при-

манки финики, выдавливают мускус на нож, а зверька отпускают. Мускус используется для изготовления местной парфюмерии и косметики: сокотрийские женщины натирают мускусным маслом лицо и тело.

Помимо этих животных на острове можно обнаружить только мышей и крыс, зато крысы иногда попадаются огромных размеров. Сокотрийцы рассказывают, что на одном из безлюдных островков, расположенных неподалеку от Сокотры, развелось такое множество гигантских крыс, что его прозвали «Крысиным островом».

На Сокотре довольно много птиц: и обыкновенный воробей, и орел-стервятник, и голуби. Только легендарную птицу Рухх, описанную в арабских сказках, да птицу феникс мне не пришлось повидать.

Возможно, что птицей Рухх называли действительно существовавшего когда-то гигантского орла. Арабские легенды рассказывали, что Рухх, пролетая над землей, закрывала небо для тех, кто стоял внизу. Она могла унести в когтях слона и откладывала яйца величиной с храм. Некоторые чересчур смелые авторы допускают, что встреча Синдбада с легендарной Рухх произошла на Сокотре, вернее, что сокотрийский орел и сам остров Сокотра, окруженные для древних ореолом загадочности и колдовства, дали пищу этой красивой легенде.

Не менее знаменит в восточной мифологии и феникс, священная птица финикийцев. По их представлениям, жила она пятьсот-шестьсот лет, а умирать прилетала в город Солнца Панашню (это название тоже происходит от египетского Па-анч).

Плиний писал о птице феникс:

«...эта известная аравийская птица размером с орла. Она имеет великолепное оперение вокруг шеи, все тело ее пурпурное, только перья хвоста лазурного цвета, но перемежаются с перьями розоватого оттенка. Шея украшена гривой, а голова хохолком из перьев. Она посвящает себя солнцу и, когда становится старой, строит гнездо из корицы и веточек ладана, наполняющих его благоуханными ароматами, а затем ложится в него умирать. Из ее костей и костного мозга образуется маленький червячок, который вырастает в маленькую птицу. Первое, что она делает, это захоронение ее предка и перенесение гнезда в Город Солнца около Панчайи. Там она возлагает его на божественный алтарь. Круг великого года за-

вершается с жизнью этой птицы и вновь наступает новый цикл, такой же, как и предыдущий, по сезонам и появлению звезд».

О фениксе писал и Геродот. Он утверждал, что не видел феникса живым, так как тот редко прилетает в Египет: в Гелиополе говорят, что только раз в 500 лет.

«Прилетает же феникс только, когда умирает его отец. Если его изображение верно, то внешний вид этой птицы и величина вот какие. Его оперение частично золотистое, а отчасти красное. Видом и величиной он более всего похож на орла. О нем рассказывают вот что (мне этот рассказ кажется неправдоподобным). Феникс прилетает будто бы из Аравии и несет с собой умщенное смирной (т. е. миррой. — В. Н.) тело отца в храм Гелиоса, где его и погребает. Несет же его вот как. Сначала готовится из смиры большое яйцо, какое только может унести, а потом пробует его поднять. После такой пробы феникс пробивает яйцо и кладет тело отца. Затем опять заклеивает смирой пробитое место в яйце, куда положил тело отца. Яйцо с телом отца становится теперь таким же тяжелым, как и прежде. Тогда феникс несет яйцо [с собой] в Египет в храм Гелиоса. Вот что, по рассказам, делает эта птица».

И птица Рухх и сказочный феникс — птицы легендарного острова Панчайя, прообразом которого был остров Сокотра.

Считают также, что представления о Сокотре могли отразиться в сказаниях о таинственном острове Вак аль-Вак, который занимает немалое место в арабском фольклоре.

Если сопоставить то, что Диодор Сицилийский писал о двух островах, Сокотре и Панчайе, перемешивая достоверные сведения с легендой, то можно выявить другие любопытные данные об острове. Остров, по словам Диодора, снабжал весь мир миррой, ладаном и другими ароматическими растениями. Жители его продавали арабам с материка благовония, а те отправляли их в Египет, Сирию и другие страны. Обитали на острове четыре группы людей: аборигены, греки, индийцы и аравийцы, среди которых были пастухи, земледельцы, воины, ремесленники и священники. (Очевидно, среди них были и торговцы, продававшие благовония.) Таким был остров в I в. до н. э.

Логично было бы предположить, что, торгуя драгоценными благовониями, сокотрийцы могли разбогатеть. Это вполне соответствует свидетельствам о том, что с острова египтяне привозили золото и дорогую ароматическую древесину: такие товары могли быть завезены сюда ранее с материка, из Йемена, в обмен на благовония. (Это, однако, сомнительно, поскольку на материке достаточно своих благовоний!)

Диодор приводит сведения о богатом и прекрасном храме Юпитера, украшенном массивными колоннами и красивейшими статуями. Могла ли на острове возникнуть высокая цивилизация? Сейчас невозможно ответить на этот вопрос, его могут прояснить лишь археологические изыскания, подробное изучение острова.

Легенды об «острове блаженства» долгое время волновали древних. Но прошли века, и посетившие остров европейские мореплаватели нашли там лишь ведущих полуголодное существование аборигенов, не обнаружив никаких следов развитой цивилизации. Только растительный и животный мир Сокотры, уникальный и загадочный, не дал умереть легендам о чудесном острове, сохраняя интерес к нему. Но ароматы ладана и мирры уже перестали привлекать к Сокотре народы: в новом мире благовония потеряли былую ценность.

Глава II

СОКОТРИЙЦЫ — КТО ОНИ?

Этническая история населения Сокотры не изучена. Однако можно привести несколько любопытных фактов, которые помогут составить представление об обитателях острова.

Среди сокотрийцев можно определенно выделить несколько различных этнических и расовых групп — не менее трех.

Первую группу составляют негроиды и метисы с негроидными признаками. Они темнокожи, низкорослы, имеют характерный тип лица, курчавые волосы. Многие из них являются прямыми потомками тех обитателей Во-

сточной Африки, которые когда-то были привезены на остров в качестве рабов или на военную службу. Негроидный тип сокотрийцев населяет только прибрежные районы острова. Они продолжают строить такие же пальмовые хижины, какие можно встретить в африканских деревнях.

Впрочем, возможно, что часть сокотрийских негроидов — потомки солдат из стран Западной Африки, которые служили во французской армии во время второй мировой войны и были расквартированы на острове¹.

Вторую группу образуют жители сокотрийских равнин. (Это выделение довольно условно, поскольку тот же тип населения живет и на побережье.) Они низкорослы, смуглы, по внешнему виду похожи на йеменцев или хадрамаутцев.

Третья группа — горцы, изолированные от жителей других районов острова. Это рослые крепкие люди, со светлой кожей, крупными руками и ногами, прямыми волосами. Внешностью они напоминают европейцев.

Как обнаружила Оксфордская экспедиция, сокотрий-

Житель Хадибо

¹ С этими солдатами однажды произошла забавная история. На Сокотре в изобилии имеются раковины коурн, служившие прежде «ходячей монетой» в Западной Африке. Солдаты-африканцы набрали полные мешки этих раковин, надеясь увезти их на родину во время эвакуации с острова. Однако начальство распорядилось выбросить мешки за борт. Бедняги горевали так, будто их лишили настоящих сокровищ.

цы в основном представлены «круглоголовыми», т. е. принадлежат к тому типу людей, у которых ширина головы составляет более 80% ее длины. (Подавляющая часть арабов принадлежит к «длинноголовому» типу, у которого ширина головы менее 80% ее длины.) На южном побережье Аравийского полуострова к круглоголовому типу относятся лишь несколько групп — прежде всего жители Махры² и Дофара, низкорослые, темнокожие с вьющимися волосами. Это свидетельствует о генетическом родстве жителей названных районов.

Район Дофара вообще очень напоминает Сокотру. На здешних горах тоже растут благовонные деревья, бедуины Дофара тоже живут в пещерах, собирают финики, пасут овец и коз. Они столь же безразличны к мусульманской религии, как и сокотрийцы (впрочем, это можно сказать и о населении ряда других областей Южной Аравии).

Махрийцы и дофарцы говорят на языках, близких к сокотрийскому и не известных нигде, кроме этих областей. Конечно, родство языков само по себе еще не доказывает общего происхождения говорящих на них народов, но в данном случае это весьма существенно. Сокотрийский язык менее других подвергся внешним влияниям, в частности воздействию арабского языка. Махрийский, дофарский и сокотрийский находятся в близком родстве с древними языками Аравии: сабейским, минейским, хадрамаутским и катабапейским. Любопытно, что клейма, которыми сокотрийцы метят своих верблюдов, представляют собой видоизмененные буквы (или части букв) сабейского алфавита. Англичанин Теодор Бент, посетивший остров в 1897 г., сообщал, что нашел на горе близ Каленсии сабейские надписи. Все эти данные свидетельствуют в пользу близкого родства сокотрийцев с древними жителями юга Аравии.

Разобраться в происхождении и генетических связях сокотрийцев невозможно без изучения истории их языка. А для того чтобы представить себе историю сокотрийского языка, необходимо знать хотя бы основные сведения о семитских языках вообще. Эти языки, многие из которых уже вымерли, входят в так называемую афразийскую,

² Махра — область в центральной части Южной Аравии, в настоящее время — Шестая провинция ИДРИ.

или семито-хамитскую, языковую семью³. Она делится на пять ветвей: египетскую (древнеегипетский язык), берберскую (языки берберского населения Северной Африки и Сахары), кушитскую (языки Восточной Африки), чадскую (языки Центрального Судана) и семитскую. Семитские языки, в свою очередь, объединяют четыре группы языков: северноцентральный (арамейский, древнееврейский и др.), севернопериферийный (аккадский), южноцентральный (арабский) и южнопериферийный, которая и является сейчас предметом нашего внимания. Все семитские языки восходят к общему предку — древнему протосемитскому языку, разделившемуся на многие в результате исторического развития семитических народов.

Южнопериферийная группа семитских языков в древности объединяла языки, на которых говорили народы Южной Аравии. Это сабейский, минейский, катабанейский и хадрамаутский диалекты. На сабейском говорили жители древнего аравийского государства Саба, на минейском — жители Маина, на катабанейском — Катабана, на хадрамаутском — Хадрамаута. Эти государства существовали в Южной Аравии в период между XV в. до н. э. и VI в. н. э. Кроме южноаравийских диалектов к южнопериферийной группе относится также и древний эфиопский язык — геэз. Этот язык был распространен в Северной Эфиопии с начала I тысячелетия до н. э. по I тысячелетие н. э. В 300 г. н. э. на геэз была переведена Библия. Почему же эфиопы говорили на языке, который зародился в Южной Аравии? На самом деле это вовсе не удивительно, так как заселение Эфиопии в древние времена происходило из Южной Аравии. Позднее пришельцы смешались с местным населением, положив начало тому этническому типу, который мы знаем теперь как современных эфиопов. Тогда из южнопериферийной группы семитских языков и выделилась эфиопско-амхарская подгруппа. Это могло случиться только после заселения Эфиопии древними южноаравийцами, т. е. предположительно к началу I тысячелетия до н. э. Эфиопское письмо, ведущее начало от южноаравийского варианта раннего семитского алфавита, до сих пор используется всеми языками Эфиопии.

³ Здесь и далее сведения об афразийских языках даны на основе классификации видного советского ученого И. М. Дьяконова.

Древние языки южнопериферийной группы давно вымерли. Но от них произошли другие языки, некоторые живут и сейчас. Новые языки этой группы делятся на две подгруппы: южноаравийскую и эфиопско-амхарскую. Эфиопско-амхарская подгруппа имеет три ветви: североэфиопскую, ближе всего стоящую к геэзу (тигре, тигринья или тиграй), центральноэфиопскую (амхарский, вымирающий аргобба и вымерший гафат) и языки группы гураге. Южноаравийская подгруппа объединяет махри, шахри (эхкали), харсуси, батхари — языки, распространенные на побережье Южной Аравии в Махре (НДРИ) и Дофаре (Оман), и сокотри — язык острова Сокотра. Конечно, сейчас мы не можем определенно утверждать, что сокотрийский язык произошел непосредственно от сабейского. Вполне возможно, что он восходит к какому-нибудь другому, ныне неизвестному диалекту южнопериферийной группы.

В истории отношений между южноаравийской и эфиопской цивилизациями вообще немало интересных, хотя зачастую и парадоксальных, моментов. Эфиопы и йеменцы, например, до сих пор оспаривают друг у друга право считаться наследниками царицы Савской, имя которой прекрасная библейская легенда связала с именем царя Соломона. Жители Эфиопии убеждены в том, что царица Савская правила в Аксуме; различные сказания эфиопского эпоса повествуют о том, как царица отправилась в гости к мудрому царю. Одно из таких сказаний, бытующих у народа тигре, было, в частности, записано в прошлом веке шведским миссионером Сундстремом. Национальный эпос эфиопов «Кебра Негаст» возводит происхождение эфиопских императоров к царице. Йеменцы, в свою очередь, считают, что легендарная царица была правительницей Сабы, области Южной Аравии.

Но не будем углубляться в дебаты, не утихающие между сторонниками эфиопского и южноаравийского происхождения царицы Савской, а также теми, кто считает ее мифической фигурой, встречающейся в эпосе разных южносемитских народов. Легенда о царице лишь подчеркивает родственную взаимосвязь эфиопов и южноаравийцев, а также их древние связи с семитским населением севера Аравии и Палестины.

Южная Аравия и Эфиопия оспаривают друг у друга также честь называться родиной кофе. Долгие годы счи-

талось, что кофе подарила миру Аравия. Ведь именно отсюда кофе распространился повсеместно, а название йеменского порта Моха дало имя знаменитому сорту кофе — «мокко». Однако впоследствии выяснилось, что йеменцы привезли кофе из Эфиопии и лишь позднее стали выращивать его на горных террасах своей страны. Возможно, кофе доставили йеменские путешественники, не исключено также, что его завезли в Аравию абиссинские рабы. Еще в 1678 г. в «Путешествии в поисках истоков Нила» английский путешественник Брус сообщал, что эфиопы, совершая утомительный переход через пустыню в абиссинские нагорья, вместо пищи брали с собой только шарики размером с небольшое куриное яйцо, скатанные из смеси молотого поджаренного кофе, растительного масла и жира: этот припас они несли в кожаных торбах. Одного шарика было достаточно, чтобы поддерживать силы человека в течение суток.

В Аравии, однако, существует предание, что кофе открыли местные пастухи, заметившие, как их козы, наевшись плодов неизвестного им прежде дерева, начали бегать и прыгать с необычайной легкостью.

Точно так же и Йемен, и Эфиопия отстаивают свой приоритет в употреблении ката, неизвестного в других районах земного шара.

Связи южноаравийцев с эфиопами продолжались во время существования развитых государств Южной Аравии. Известно, что сабейцы переселялись в Эфиопию в период между 450 и 300 гг. до н. э.; к этому времени относятся надписи на сабейском языке, обнаруженные в Эфиопии. Правда, объяснить, почему все эти надписи были сделаны только в указанный период, пока не удастся. У специалистов возникает и ряд других вопросов. Однако несомненно, что сабейцы в эти годы (хотя поселиться в Эфиопии они могли и несколько раньше) имели большое культурное влияние на эфиопов, а возможно, играли какую-то важную роль в политической жизни.

Итак, из двухсот-трехсот надписей, обнаруженных в Эфиопии и относящихся к периоду 450—300 гг. до н. э., лишь около пятидесяти написаны на языке геэз, все остальные — на сабейском. При этом любопытно, что часть надписей написана на правильном литературном сабейском языке, а другая — на ломаном сабейском и содержит ряд грамматических ошибок: видимо, пи-

сали их не сабейцы, а эфиопы. Таким образом, можно полагать, что в тот период некоторые эфиопы знали сабейский язык. Может быть, к тому же периоду относятся обнаруженная Т. Бенгом сабейская надпись и непонятные письма, напоминавшие ему виденные возле Аксума. Вероятно, то было время сабейской экспансии в соседние страны. Примерно к тем же годам относится и сообщение греческого философа Феофраста о «сабеях», торгующих алоэ. Опять к Сокотре протягивается нить, связывающая ее с южноаравийцами и эфиопами.

К VI в. н. э. южноаравийские цивилизации зачахли, и в 525 г. уже эфиопы завоевали юг Аравии и на некоторое время установили там свое господство. Примерно тогда же часть южноаравийских племен мигрировала на север Аравии, в Сирию и Ирак. Некоторые из них (например, кинда), смешавшись там с местным населением, стали впоследствии основными племенами нового народа — арабов.

Но только ли на север и в Эфиопию двигались древние южноаравийцы? В «Одиссее» Гомера рассказывается, что на острове Схерия (прообразом которого могла быть Сокотра) жил народ мореходов — феаки, или феакийцы. Они якобы переселились туда из Гиперийской, т. е. «запредельной», земли. Гомер в «Одиссее» повторяет известные в греческой мифологии сведения о феаках. Аполлodor в «Мифологической библиотеке» (Эпитама, VII, 25) тоже сообщает, что феаки были отличными мореходами. Это вполне применимо к древним аравийцам. В отличие от других народов феаки не были воинами — это тоже подходит к сокотрийским аборигенам, которые и сейчас отличаются удивительным миролюбием. Когда феаки помогли Одиссею отправиться домой, пишет Аполлodor, Посейдон разгневался на них и спрятал этот народ «за высокими горами». «Высокие горы» — опять совпадение? Или же феаки — древние сокотрийцы? Быть может, указание на то, что они прибыли из «запредельной земли», означает, что они когда-то переселились на остров из Аравии?

Можно предположить, что древние жители Аравии попали на Сокотру очень давно, возможно, одновременно с заселением Эфиопии. Но сабейцы или другие южноаравийские племена могли появиться там и позже. Для опытных мореходов это не было сложным делом. Впро-

чем, обстоятельства заселения острова скрыты толщей времени. Не исключено, что на неприветливом острове укрывались изгнанные или опальные подданные сабейских царей или даже преступники. Возможно также, что поселения сабейцев или других южноаравийцев возникли из крестьян (или рабов?), отправленных туда с материка возделывать алоэ и собирать камедь «драконова дерева».

Когда греческий философ, ученик Аристотеля, Феофраст перечислял жителей Аравии, он называл среди них неких «сабеев» (сабейцев), описывая их как земледельцев, воинов, купцов и мореходов. Он сообщал, что самым доходным в их деятельности была перевозка в соседние страны растений под названием *ларимна* (алоэ), «аромат которого превосходит ароматы всех других благоволий». Не сокотрийский ли алоэ перевозили сабейцы? Если нет, то откуда воспитанник Аристотеля Феофраст мог знать о том, что Сокотра богата алоэ? Видимо, к тому времени (IV в. до н. э.) сабейцы, намного ранее заселившие остров, уже причисли сокотрийскому алоэ известность.

Многие вопросы, касающиеся происхождения и истории сокотрийцев, были бы разрешены, если бы на Сокотре удалось найти какие-либо письменные памятники.

Т. Бент в 1897 г. сообщал об обнаруженных им надписях на известняковом камне около Эриоша, расположенного недалеко от моря в западной части северной прибрежной равнины. Вскоре после посещения острова Бент умер. Последующие исследователи хотели проверить справедливость его интерпретации находки. (Бент считал эриошские письма очень похожими на те, что он видел на церковной лестнице и на склоне холма около Аксума, древней столицы Эфиопии. Это сходство не оставляло у него сомнения в том, что письма — эфиопские.) Бент датировал находку VI в. н. э., исходя из того, что эфиопы могли побывать на острове, когда они оккупировали побережье Южной Аравии (525 г. н. э.).

Английский археолог П. Шинни во время работы на острове в 1956 г. тоже решил добраться до надписи и осмотреть ее. Его рассказ представляет для нас известный интерес:

«Эта деревня ловцов жемчуга (Дихана — местечко по дороге в Эриош, где остановился Шинни. — В. Н.) на

дете просто грязный поселок, самый убогий из всех, что я видел на Сокотре. Многие жилища там построены из пустых жестяных коробок и покрыты листами рифленого цинка, принесенными с аэродрома. Жители, однако, проявили радушие: они предоставили нам место для трапезы, очень соленую воду, которую они для нас вскипятили, и финики. За финиками они ходят через весь остров, в Ноугед, где они покупают их по шиллингу за два фунта, поскольку сами они ничего не выращивают. Позже они дали нам еще и пресной воды, которую им приносят с гор бедуины по двадцать шиллингов за бармил (бочку. — В. Н.). Надо полагать, сами они получают неплохой доход в сезон добычи жемчуга.

После обеда наш хозяин Ахмад показал нам дорогу, попросив за все, что он сделал для нас, двадцать шиллингов. Минувя другую деревню, мы встретили мужчин, вышедших приветствовать нас и спросить, куда мы идем. Поскольку дорога казалась трудной, мы попросили одного из них, Халифу, проводить нас. Мы долго и шумно торговались, а затем Халифа все-таки согласился проводить нас за пять шиллингов...

В Эриош мы пришли в середине дня и действительно обнаружили там известняковую плиту, покрытую письменами. Первое впечатление было такое, будто на ней отпечатались следы ног людей и верблюдов, но там были и знаки, похожие на буквы какого-то алфавита, соединенные друг с другом длинными змеевидными линиями: в промежутках между ними выбиты изображения верблюдов. Неподалеку находились развалины каких-то строений, вероятно домов с дворами».

От жителей Диханы Шинни не смог получить вразумительного объяснения происхождения этих письмен. Когда он спрашивал, кем, по их мнению, были вырезаны на плите «отпечатки ног»: мусульманами или христианами, те неизменно отвечали: «Это отпечатки ног ангелов, человеческое существо не могло оставить их».

Историю сокотрийцев нельзя рассматривать в отрыве от древней истории Аравии, именно она дает ключ к разгадке их происхождения.

На юге Аравии человек жил еще в доисторические времена, это подтверждается последними находками во Второй провинции НДРЙ, расположенной к северо-западу от Адена. Здесь, близ горы Тала, недавно были обна-

ружены следы древней стоянки человека каменного века, найдены орудия (рубила, скребла, наконечники), изготовленные за 500—200 тыс. лет до н. э. Это важное открытие еще не в полной мере освоено и оценено наукой: предметы, найденные у горы Тала, не были отмечены на сводной карте всех находок, относящихся к каменному веку, которую опубликовал «Курьер ЮНЕСКО». Можно надеяться, что в процессе археологических изысканий в районе стоянки будут получены новые результаты. По мнению советского археолога С. Ширинского, составившего обзор археологических памятников на территории НДРГ и собравшего каменные орудия около горы Тала, эти экземпляры служат необходимым связующим звеном между следами поселений человека каменного века в Африке и в Южной Азии. Найденные орудия пока единственные свидетельства обитания древнейшего человека на территории Аравийского полуострова.

Йеменские находки подтверждают автохтонное происхождение жителей Южной Аравии и подвергают сомнению предположение, что юг полуострова впервые был заселен пришельцами с севера. Конечно, те жители Южной Аравии, которые впоследствии создавали здесь самобытную цивилизацию, могли быть не прямыми потомками древнего аравийского человека, могли появиться в результате смешения автохтонов с кем-то еще. Сейчас трудно решить, мигрировали ли сабейцы и химьяриты, говорившие на одном из семитских языков, с севера или же их предки сами были теми прасемитами, которые потом распространились на север, а возможно и в Африку. Во всяком случае, следы древних перемещений видны в генеалогии южноаравийских племен.

Что касается происхождения прасемитов, то по мере накопления конкретного материала ученые выдвигали на этот счет самые различные предположения. Родиной прасемитов объявлялась то Африка, то Месопотамия, то Аравия. По одной из гипотез, таким районом должна быть область, где прасемиты могли контактировать с праиндоевропейцами: на такие контакты, по-видимому, указывает наличие ряда общих корней в индоевропейских и семитских языках⁴. Из этой области (предполо-

⁴ Среди таких корней, например, слово *sab'* — *cent* («семь»), которое индоевропейцы, видимо, заимствовали у семитов. О контактах свидетельствует и ряд других лингвистических фактов.

жительно, Малой Азии) праиндоевропейцы двумя волнами двинулись в Европу и в Индию, где смешались с местным населением и положили начало развитию индоевропейских языков, распространенных в настоящее время как в Европе, так и в Азии.

Была ли Сокотра заселена человеком в древние времена? Пока на острове не удалось найти свидетельств существования там древнего человека. Поэтому ученые, в частности руководители комплексной научной экспедиции 1967 г. Д. Доу и П. Боксхолл, считают достаточно вероятным, что человек поселился на острове довольно поздно: ради сбора благовоний, когда они стали «золотом Востока». Как известно, к IV в. спрос на этот товар резко упал, и знаменитая «дорога благовоний» на юге Аравии потеряла свое значение. Возможно тогда-то, предполагает Доу, сокотрийцам пришлось целиком положиться на скотоводство и рыбную ловлю, что привело к печальным последствиям.

Если собрать отрывочные сведения о сокотрийцах, дошедшие до нас, присовокупив к ним то, что известно об их языке (а также дать некоторую свободу фантазии), можно представить себе историю заселения острова следующим образом.

Когда-то, много тысяч лет назад, в Аравии обитал древний прасемитский народ, прародитель ассирийцев, вавилонян, сабейцев, химьяритов, арамейцев, халдейцев, финикийцев, эфиопов, евреев и арабов. Очевидно, этот народ был преимущественно пастушеским, а кроме кочевого скотоводства занимался рыболовством (в прибрежных районах Красного и Аравийского морей). Вскоре вследствие ряда объективных причин этот народ вышел за пределы Аравийского полуострова. Различные прасемитские племена мигрировали в Египет, где, слившись с местным населением, в IV тысячелетии до н. э. образовали новый народ — древних египтян, создавших известную всему миру великую цивилизацию. Другие волны миграции направились на север — в Месопотамию. К тому времени там уже обосновался другой высокоразвитый народ несемитского происхождения — шумеры. Семиты-кочевники смешались с шумерами, и в результате этой ассимиляции в долине Тигра и Евфрата возникла новая цивилизация — вавилонская. Египетская и месопотамские цивилизации заложили основы средиземно-

морской культуры, которой суждено было сыграть столь большую роль в становлении современного цивилизованного мира.

В то же время на юге Аравии продолжало обитать коренное автохтонное население, которое самостоятельно перешло к оседлому образу жизни, стало заниматься земледелием и объединилось в развитые государства Южной Аравии — Сабейское, Минейское, Катабанейское, Хадрамаутское и Химьярское. К тому времени семитические народы говорили уже на разных языках, удалявшихся друг от друга все больше. Да и этнический состав этих государств претерпел изменения, ибо в Южную Аравию пришла волна миграции с аравийского севера, а также, возможно, из района Палестины. Не случайно именно в Южной Аравии позднее распространился иудаизм, возникший у европейских племен Палестины. Что же произошло с древнейшими южноаравийскими автохтонами после прихода северных семитов? Конечно, большая часть их смешалась с пришельцами, и этот тип послужил основой формирования сабейских, минейских и других народностей.

Однако можно предположить, что не все жители Южной Аравии смешались с северными и центральноаравийскими племенами. Часть аборигенов могла найти приют в труднодоступных районах Махры и Дофара, а также уплыть на Сокотру. В таком случае, автохтонное население Южной Аравии и было первыми жителями острова Сокотра.

Если Сокотра послужила в доисторические времена «Ноевым ковчегом» для животных и растений, Махра, Дофар, да и Сокотра могли быть такими же убежищами, где более или менее изолированно продолжали жить потомки тех, кто в глубокой древности населял юг Аравии.

Существует мнение, что сокотрийских и дофарских скотоводов, ютящихся в пещерах, пасущих коз и овец и питающихся пахтой, следует считать «подлинными арабами», т. е. настоящими автохтонами Аравии. Правда, особо убедительных доказательств сторонники этой гипотезы представить пока не могут. Однако эта теория помогает прояснить сразу многое: загадки сокотрийского языка, существование безгорбых коров, малое сходство сокотрийцев с арабами и т. п. Аборигены Аравии могли от-

плыть от Рас Фартака⁵ на Сокотру, основать там первые поселения. Для проверки этой интересной гипотезы следовало бы провести комплексное этнографическое и археологическое изучение как Сокотры, так и Махры и Дофара.

Остается непонятным, почему же столь умелые мореходы, как древнейшие аравийские переселенцы, полностью утратили свое искусство кораблевождения. Может быть, сохранить его помешало отсутствие на острове дерева, необходимого для строительства кораблей? Во всяком случае, хозяйство острова в древности основывалось на участии в аравийской торговле благовониями, пастушестве и рыбной ловле. Какого уровня культуры достиг этот народ, на каком уровне находился в тот период, когда перебрался на остров, неизвестно. Сабейские надписи около Калансии и непонятные письма в Эриоше свидетельствуют о том, что какая-то часть этого населения умела писать.

Итак, допустим, что жители Аравии, овладев искусством навигации, прибыли на остров как торговцы. Из мореходного руководства под названием «Перипл Эритрейского моря», написанного в I в. н. э. неким греком, известно, что последующее заселение острова произошло в I в. н. э. Автор «Перипла» сообщал: «Население немногочисленно и обитает на северном побережье... Они чужестранцы, смесь арабов, индийцев и греков, которые переселились на остров, чтобы вести там торговлю».

Таким образом, в этом старом наставлении для мореходов ничего не сказано об аборигенах, которые жили бы в горах. Говорится только о смешанных торговых поселениях на северном побережье острова. Правда, коль скоро автор «Перипла» называет поселенцев «чужестранцами», можно заключить, что на острове были и аборигены. Вполне вероятно, что и две тысячи лет назад в горах Сокотры так же, как теперь, в пещерах и сложенных из камней домах обитало автохтонное население, главным занятием которого было пастушество, а грекороманские и индийские купцы — колонисты с побережья — ничего не знали о его существовании. Это находит частичное подтверждение в сообщении греческого

⁵ Рас Фартак — мыс на побережье Южной Аравии, расположенный прямо напротив Сокотры.

историка Диодора Сицилийского, датируемом несколькими годами ранее, будто кроме чужеземного торгового поселения там жило «местное население этой страны».

В древности муссонные ветры, дующие в Индийском океане, казались загадкой мореплавателям. Только около 100 г. до н. э. греческий кормчий Гипалл открыл секрет этих ветров, меняющих направление в зависимости от сезона. Он сумел использовать свои наблюдения в мореходстве. Отплыв летом из порта на побережье Восточной Африки, Гипалл, подгоняемый муссоном, благополучно добрался до Индии, а зимой, когда ветер дул в обратную сторону, вернулся домой. Вскоре греко-римские парусники стали доплывать от Египта до Индии за два месяца. Эти суда перевозили как торговые грузы, так и пассажиров. Некоторые корабли держали курс на юг, к берегам Восточной Африки, где были созданы первые римские торговые поселения.

Многие из торговых судов заходили на Сокотру. Из греко-римской литературы мы узнаем, что античному миру было известно об острове в 300 г. до н. э. Есть в античных источниках и сведения, что остров считался важным торговым центром еще до греко-римской эпохи. Возможно, что Сокотра давно служила перевалочным пунктом в торговле между Индией и Египтом.

В «Перипле Эритрейского моря» дано подробное описание острова, там он именуется Диоскоридой. Одна из версий происхождения этого слова — от санскритского или сингальского *двина сукхадара* («земля блаженства»). Отсюда же, как считают некоторые исследователи, произошло и название «Сокотра»⁶. Анонимный греческий мореход писал:

«Диоскорида очень велика, но пустынна и болотиста. На ней много рек, в которых живут крокодилы, много змей и больших ящериц, мясо которых едят, а жир вытапливают и употребляют вместо оливкового масла. Остров не производит ни фруктов, ни вина, ни зерна. Жители малочисленны, они селятся на берегу, к северу... Они чужеземцы, помесь арабов (т. е. аравийцев. — В. Н.), индийцев и греков, которые перебрались туда, чтобы ве-

⁶ Другая версия происхождения названия острова возводит его к арабскому *сук кутра*, что означает «рынок капель», т. е. камеди «драконова дерева», которую арабы вывозили с острова.

сти торговлю. На острове добывают настоящих морских черепах, белых черепах, чрезвычайно многочисленных; их предпочитают из-за больших панцирей, а также черепах горных, которые крупнее всех и имеют самый толстый панцирь. Эти панцири бесполезны, так как они слишком крепки и их невозможно разрезать, ценятся же те, которые можно резать и делать из них сосуды, тарелки, блюда и прочую посуду. На острове также получают киноварь, называемую индийской, ее собирают по каплям. Возможно, что островом правит король Страны Благовоний. Там ведут также торговлю те, кто приезжает туда из Дамирики и Баригазы (древние порты в устье Инда. — В. Н.). Они привозят рис, пшеницу, индийские одежды и немного рабынь, а вывозят огромное количество черепашьих панцирей».

Неизвестно, насколько правдивы те сведения, которые сообщает греческий автор о жителях острова и местной фауне. Морских черепах на острове вылавливают довольно много и сейчас, и можно считать достоверным, что в древности Сокотра поставляла античному миру черепашьи панцири. От крокодилов же, огромных ящериц и массы сухопутных черепах не осталось и следа. Сомнительно, что они когда-либо существовали здесь, скорее всего, рассказы о гигантских белых черепахах — это плод воображения автора. Оксфордские ученые облазили немало пещер в надежде обнаружить хотя бы остатки крупных сухопутных черепах, подобных тем, что водятся на Галапагосских островах, но безуспешно. Из описания автора «Перипла» можно сделать лишь заключение, что черепашьи панцири для античного мира были весьма ценным товаром, раз автор счел это достаточным поводом для того, чтобы посетить остров.

Известно, что Сокотра играла также определенную посредническую роль в международной торговле.

Знаменитый средневековый арабский географ Йакут (ум. в 1228 г.) в своем «Словаре стран» («Муджам аль-бульдан») писал о Сокотре:

«Это название обширного острова, на котором находятся несколько деревень и городов. Он расположен к югу от Адена, причем ближе к берегу арабов, чем к берегу индийцев. Тот, кто плывет в страну зинджей, заходит на остров. Большинство его жителей — арабы-христиане. Оттуда привозят алоэ и „кровь двух братьев“, ко-

торая представляет собой камедь дерева, растущего только на этом острове и нигде более. Эту камедь называют „каплями“, и она бывает двух сортов: первый сорт похож по качеству на *гумми*, только цвет его будто самое красное, что только создано всевышним, второй же сорт его то, что сделано из первого. Аристотель писал об этом острове Александру (Македонскому. — *В. Н.*), когда тот отправился в Сирию, советуя ему послать туда несколько греков, чтобы поселились они там ради алоэ... И Александр отправил туда несколько греков, в основном из города, откуда родом Аристотель, а именно из города Стагиры, на кораблях вместе с их семьями. Он отправил их Кульзумским морем (Красное море. — *В. Н.*), и когда прибыли они туда, то побили всех индийцев, которые там были, и завладели всем островом целиком. Был там у индийцев огромный идол, он был тогда отправлен в Индию при обстоятельствах, описание которых затянулось бы. А когда умер Александр и появился Масих, сын Марьям (Иисус Христос. — *В. Н.*), мир ему, обратились в христианство все греки, которые были на острове, и остались так вплоть до сего времени. Нет в мире другого места, кроме Сокотры, да ведает про то Аллах, где люди из греков сохраняли бы чистоту своей расы, и никто другой с ними не смешался бы. На остров приплывали корабли индийцев, которые грабят путешественников из купцов, сейчас же этого уже нет».

Как видим, Иакут повторяет известную греческую версию о греках, заселивших остров и насадивших там христианство. По поводу всех этих сообщений можно только сказать, что они требуют подтверждения археологическим материалом. Но можно сказать с уверенностью, что и греки, и индийцы, а возможно и более древние пришельцы, внесли свою лепту в жизнь острова, известного всему древнему миру.

В сообщении Иакута стоит отметить еще замечание о том, что на Сокотре базировались «корабли индийцев, которые грабят путешественников из купцов». Собственно, утверждать, что эти корабли были индийскими, трудно. Однако то обстоятельство, что район Сокотры в IX—X вв. был центром пиратства, видимо, можно считать установленным, во всяком случае, многие арабские географы повторяют это сообщение. Поскольку через Сокотру

проходили морские пути, этот район легко мог стать ареной деятельности пиратов.

Знаменитый йеменский историк аль-Хамадани (ум. около 945 г.) писал:

«Из островов, расположенных около Йемена — остров Сокотра, с которого происходит сокотрийский алоэ. Это остров варваров. Он расположен между Аденом и страной негров, и если путешественник выедет из Адена, направляясь в страну негров, он поплывет так, будто направляется в Оман, и остров Сокотра останется у него по правую руку, а затем он приостановится и свернет в сторону Моря Зинджей. Длинной тот остров в восемьдесят фарсахов⁷, и живут на нем люди из каждого племени Махры. Там около десяти тысяч воинов, и все они христиане. Упоминают, что люди из страны Рум были оставлены там кесарем, а затем там высадились племена из Махры и поселились на нем, и некоторые из них тоже приняли христианство. На острове много пальм, там получают амбру, чудесную „кровь двух братьев“ и много алоэ».

Аль-Хамадани также сообщал:

«Жители же Адена говорят, что там вовсе не бывал никто из румов, но среди жителей острова были монахи, а потом исчезли. И поселились на нем люди Махры и хариджиты⁸, распространилась там проповедь ислама, а затем увеличились хариджиты числом и напали на всех, кто там был из мусульман, и перебили всех, за исключением десятка. Там есть мечеть, в местечке, которое называют Сук».

Здесь аль-Хамадани упоминает об известном морском пути из Адена в Восточную Африку. Корабли арабских мореходов сначала направлялись на юго-восток, затем огибали Сокотру и шли к Африке. Интересно, что аль-Хамадани, повторяя известные сведения о том, что на острове поселились «румы», как тогда называли византийцев (т. е. жителей Восточной Римской империи), в то же время высказывает сомнение по этому поводу. Однако христианство на острове все же существовало. Инте-

⁷ Фарсах — арабская мера расстояния, примерно 6 км.

⁸ Хариджиты — религиозная мусульманская секта, возникшая в VII в. Хариджиты выдвигали идею равенства всех мусульман (арабов и неарабов) и требование выборности духовного и политического главы религиозной общины-государства.

ресно также упоминание о борьбе хариджитов с мусульманами-суннитами⁹. Хариджитов на острове уже давно нет, сейчас все сокотрийцы — сунниты шафиитского толка¹⁰. При султанах здесь жили еще только несколько ханбалитов — выходцев из Омана, да несколько персов-шиитов, но сейчас их тоже не осталось.

Оксфордской экспедиции, пытавшейся найти какие-либо следы пребывания греков на острове, не удалось обнаружить ничего, кроме остатков нескольких зданий в местечке под названием Сук (по-сокотрийски — Шек), которое в прошлом, как считают, было столицей Сокотры. Сейчас Сук — маленькая деревушка, обитатели ее, преимущественно африканского происхождения, живут в соломенных хижинах и в домиках, сложенных из обломков коралловых рифов. Но стоит Сук на берегу лагуны, куда, вероятно, в древние времена заходили корабли. Здесь же должны были жить и ионийские греки, о которых писали греческие и арабские историки.

Английский исследователь Н. Опп нашел в горах Сокотры остатки зданий, которые, несомненно, были построены более развитым народом, чем теперешние обитатели пещер. Хотя нельзя определенно утверждать, что это руины христианских построек, Опп допускал, что здесь могли стоять каменные часовни.

Мне представляется вполне достоверным существование на острове греческой колонии. Вероятно и то, что именно греки побудили местных жителей принять христианство. А вот рассказанная Якутом история, будто греки не хотели жениться на местных женщинах и поэтому вымерли, не похожа на правду. Но вопрос о судьбе греческой колонии, как и другие, еще ждет своего решения.

Были найдены также другие сооружения, свидетельствующие о высоком уровне развития древних обитате-

⁹ Сунниты и шииты — последователи двух основных направлений в исламе, возникших уже вскоре после зарождения этой религии. Суннизм возводит все религиозные положения к Корану и *сунне* (предания о пророке Мухаммаде), в шиизме, кроме того, решающее значение придается духовному руководству *имамов*, которые обязательно происходят из потомков Али (зятя Мухаммада).

¹⁰ Ханбалиты и шафииты — последователи двух (из четырех основных) суннитских правовых школ. Ханбалиты выделяются среди других школ особой строгостью в соблюдении обрядовых и правовых норм.

лей острова. Около Ферагея обнаружены остатки древней мощеной дороги. Другая вымощенная камнем дорога, ведущая в долину Хадибо, найдена и в центральной части острова. Сейчас она заросла, заброшена и забыта. В Кишне было выявлено несколько похожих друг на друга, тщательно выложенных из камня террас.

Любопытная находка была сделана близ дороги из Губбы в Калансию, на расстоянии примерно восьми километров от известной горной вершины Джабаль Абалан; это естественное углубление в земле (в известняковом массиве) в форме круга диаметром около 30 метров. Сверху найдены остатки каменной кладки, располагавшейся концентрическими кругами. Директор Департамента древностей Аденской колонии Д. Б. Доу высказал предположение, что это остатки оросительных сооружений или водохранилища.

С самолета Доу видел также на склонах горы к западу от Калансии квадратные каменные площадки, обнесенные по периметру низкими каменными стенами.

К сожалению, пока еще не идентифицированы обнаруженные на Сокотре камни с геометрическими значками, напоминающими буквы древнеаравийского алфавита. Эти камни, как предполагают исследователи, могли использоваться в качестве алтарей.

Итак, свидетельства древних историков недостаточно четки, а обнаруженных на острове памятников материальной культуры прошлого пока еще слишком мало, чтобы решить определенно вопросы, связанные с этнической историей островных жителей: какая часть населения острова может считаться подлинными аборигенами? Откуда и когда они пришли на остров? Как складывался тип сокотрийцев на протяжении веков их существования? До сих пор остаются правомерными слова Бальфура, руководителя первой серьезной научной экспедиции, в течение шести недель работавшей на острове в 1880 г.:

«То, что сделано экспедицией, лишь часть того, что должно быть сделано... Так случилось, что на острове, лежащем лишь в трех неделях пути от Англии, живет народ, происхождение которого затеряно в легендах, язык которого не указывает на его прямых родственников, который, как сообщается в имеющихся источниках, ранее достиг определенной ступени цивилизации и принял христианство, а затем покинул эту ступень, повер-

нул вспять... В настоящее время на одной только Сокотре имеется такое изобилие материала для исследования и изучения, которое вознаградит следующую экспедицию».

Оксфордская экспедиция 1956 г. поставила одной из своих задач сбор проб крови местных жителей с целью ее последующего исследования в Листеровском институте в Лондоне. Эта задача была успешно выполнена, 99 проб были доставлены в Лондон в замороженном виде (экспедиция возила за собой по острову огромный ке-росиновый холодильник, поражавший воображение местных жителей). Анализ крови по ряду показателей обычно дает обширный материал для изучения расовых признаков и генетического родства той или иной этнической группы. Однако исследование крови сокотрийцев не дало никаких сенсационных открытий. Ученые лишь отметили, что состав крови островитян свидетельствует об их «чисто арабском происхождении». Для получения более полных данных необходимо было бы провести сопоставительный анализ крови всех групп населения Южной Аравии, в частности махрийцев и дофарцев. Было бы интересно установить, в какой степени сокотрийцы, махрийцы и дофарцы близки между собой. Родство их языков, историческая общность подсказывают, что это близкородственные между собой народы, но не исключено, что наука преподнесет нам какой-нибудь сюрприз.

Как-то перед закатом солнца я стоял на берегу моря в лагуне, окруженной маленькими домиками Сука, пытаюсь представить себе разные века сокотрийской истории. Вот к берегу подплывает диковинная галера, с которой слышится египетская речь — торговцы благовониями приехали из Древнего Египта в легендарную «страну Пунт». На берег сходит их охрана, рабы несут тюки с товарами... Проходят века, и теперь на остров ступают греческие воины, легионеры-римляне. С востока спешат, подгоняемые муссоном, индийские корабли, груженные зерном и рабынями. На берегу индийцев уже ждут груды черепаших панцирей, мешки со смолой «драконова дерева»... Новая смена действующих лиц: загорелые арабские мореходы высаживаются в лагуне, исполненные решимости обратить островитян в свою религию... Теперь здесь безлюдно и тихо. Легкий плеск едва заметного прибоя почти не нарушает тишины. Медленно опу-

скается солнце, оно багровеет, касаясь воды, и все вокруг тоже окрашивается в багряные тона — цветовая ре-минисценция о кровавом прошлом благоуханного острова.

Глава III

«ЛУЧШИЕ В МИРЕ КОЛДУНЫ»

Сокотра издавна была известна как «колдовской остров»: древнеегипетское название острова — Па-анч — означало «остров духов». Ведьмы, духи, джинны, волшебство всегда были привычными для сокотрийцев понятиями. Еще в XIII столетии Марко Поло писал:

«Вы должны знать, что на этом острове живут лучшие в мире колдуны. Архиепископ запрещает им здесь действовать как только может, но безуспешно, так как они уверяют, что этим занимались еще их предки и поэтому они также должны делать это... Я представлю вам пример их колдовства. Если корабль отплывает при сильном попутном ветре, они поднимают ветер, дующий ему навстречу, и заставят корабль вернуться обратно. Они вообще могут заставить ветер дуть так, как они пожелают, вызывая бури и стихийные бедствия. Есть и другие виды колдовства, которое они проделывают, но о них лучше не говорить в этой книге».

Может быть, под другими видами колдовства Марко Поло имел в виду волшебные чары прекрасных сокотриек? Или же их таинственную способность превращаться в морских чудовищ? Про некоторых женщин на Сокотре до сих пор говорят, будто они после наступления темноты преследуют людей и пожирают их. Сокотрийцы верят также, что демон под названием *малейарид* принимает обличье летучей мыши и птицы, что некий джинн по ночам появляется в лагуне у Хадибо... Во времена Марко Поло на острове практиковалась страшная казнь: подозреваемого в колдовстве человека связывали и на трое суток оставляли на вершине холма. Если за это время над ним или поблизости выпадал дождь, его забивали камнями до смерти. Не менее жестокой была церемония вызывания дождя. Если сухая погода затягивалась, по жребию

выбирали жертву, которую ставили в центре круга сородичей, и возносили моления луне. Если дождь не начинался, жертве отрубали обе руки.

Даже в XIX столетии бедунцы еще в деталях помнили обряды лунопоклонства, существовавшие когда-то у их предков. Рассказывают, что в начале поста, в период засухи или при стихийных бедствиях они обращались с молениями к луне в своих храмах и пещерах для захоронения. Среди ритуалов, исполнявшихся во время восхода и захода луны, были жертвоприношения и курение благовоний. В числе молений, с которыми аборигены обращались к ночному светилу, содержалась просьба, чтобы луна охраняла островитян от смешения с чужестранцами. Ежегодно вокруг храмов шествовали процессии сокотрийцев, неся перед собой крест. Если жрец хотел показать, что светило недовольно поклонением, он приказывал отрубить пальцы человеку, несшему крест, после чего тот считался мучеником.

И сейчас в поверьях и обычаях сокотрийцев сохранились следы астральных культов, распространенных в древности среди жителей юга Аравии — сабейцев и химьяритов. До сих пор, если случится засуха, жители горных деревень собираются в сумерки на поляне, поют культовые гимны и приносят в жертву скот. Хотя горцы и обращают свои моления о дожде к Аллаху, нетрудно догадаться, что Аллах лишь заместил старое божество — луну. Кстати, луна и по сей день считается почтенным светилом у арабов, наследников сабейцев и химьяритов. На Сокотре есть колдуны, гадающие по луне и звездам, и местные жители верят, что они могут узнать судьбу человека, а также вызвать дождь или наслать болезнь на человека или скотину.

Следы древних культов можно проследить в обрядовых песнях сокотрийцев. Песнопения до сих пор занимают большое место в их жизни. Песни сопровождают островитян везде: на свадьбах, похоронах, в периоды обильных дождей и в периоды засухи. Жизнь и смерть, радость и горе — все сопровождается пением, на каждый случай существуют специальные песни. Изучение сокотрийского фольклора, несомненно, помогло бы приоткрыть завесу над прошлым Южной Аравии, одного из тех краев, где в древности зародились великие цивилизации. Конечно, сокотрийский фольклор складывался

Мой проводник Амер

в различные периоды. В нем, вероятно, есть и более древние слои, и то, что затем принесли махрийцы, и позднейшие вкрапления.

Я прошу нашего проводника Амера спеть мне несколько ритуальных песен. Я уже знаю, что у сокотрийцев есть песни-моления о дожде, обращенные к Аллаху, и есть свадебные, похоронные и другие обрядовые песни. Амер соглашается спеть не без тщеславного удо-

вольствия. Ему льстит репутация хранителя и знатока древних сокотрийских обрядов. Однако он говорит:

— Мы не любим петь иностранцам. Наш язык, наши песни — это все, что у нас есть. Мы не хотим, чтобы чужие понимали наш язык. Вот сейчас — мы можем жить спокойно, говорить между собой обо всем, и никто не поймет, что мы говорим.

Да, до сих пор не только ни одному европейцу, но и ни одному арабу не удалось научиться сокотрийскому языку. Странная, полная непривычных и неразборчивых звуков, быстрая сокотрийская речь все еще остается непонятной для других.

Образованные сокотрийцы порой несколько стесняются своего языка. Они гордятся отличным знанием арабского и с воодушевлением рассуждают о том, что с развитием острова, в особенности с развитием системы образования на Сокотре, все жители острова перейдут на арабский язык. Печальная судьба для древнего, удивительного языка! Везде я старался убедить своих друзей в том, что в будущем необходимо организовать изучение и преподавание сокотрийского языка в школах острова, создать национальную письменность, не дать языку погибнуть.

...Песня Амера тянется долго. Ее мелодия однообразна, пожалуй, утомительна для европейца. В словах

трудно различать отдельные звуки, все они как бы сливаются в сложный звуковой поток. Бедуин произносит большинство звуков в нос, с полузакрытым ртом. Та-рам-ра-ра-ра, та-рам-ра-ра-ра — ритм песни четкий и простой. Вот Амер заканчивает пение, и я прошу его перевести слова на арабский язык. Это ему явно трудно — в арабском Амер не силен. Он передает содержание всего в нескольких фразах.

Позже в Адене мне пришлось долго сидеть у магнитофона с двумя сокотрийскими юношами, работающими в столице республики. Они слушают записанную на пленку песню Амера напряженно, то и дело просят вернуться к началу фразы, пытаюсь понять все слова, разобрать смысл. И все же многое остается неясным.

— Это очень старый язык, — говорит Ахмад, — таких слов, какие встречаются в этой песне, сейчас почти никто не употребляет. Я не знаю, что они обозначают, но я знаю, что так говорили наши предки.

Песня, действительно, интересна. Попытаюсь приблизительно перевести ее:

Кто вместе со мной здесь еще отругает этих людей?
Как только кто-нибудь умрет, по нему плачут,
Кричат «уай», «он умер» и режут своих овец.
Только почему же эту овцу не зарежут ради дождя,

воздавая Аллаху?
То, чего вы требуете именем всех пророков, лучше было бы дождем,
а не воздаянием покойнику.

Почему вы не попросите Аллаха, чтобы он дал вам дождь?

Если вы попросите, у вас будет и молоко, и масло, и пахта.

Все, кто молит именами пророков, хороши,

Только не вы, которые режете овец по мертвому,

Зачем вы делаете это для мертвого?

Если вы не принесете в жертву овец ради дождя,

Вас поглотит море и горы разверзнутся под вами.

Когда уже пошел дождь, вы говорите: нет дождя.

Вам Аллах посылает благословение, а вы не цените его,

Значит, вы его не заслуживаете.

Если вы получаете от Аллаха благословение,

Вы должны благодарить его за это.

Я советую вам, детки:

Если овца пойдет отсюда к далекому месту,

Не останавливайте ее на пути, чтобы зарезать.

Пусть она идет к своему месту.

Может быть, ее сердце привязано к тому месту.

Она найдет траву и поест ее,

Она поест вместе с коровой.

Она найдет насыщенный водой камень, высосет из него

немного воды и побежит.

Если вы остановите ее по дороге и прирежете ее,
Аллах накажет вас за это.
Все вы погибнете, и останутся одни только женщины без мужчин.
Каждый человек одарен каким-либо благом.
И потому, у кого есть одна пальма, принесет она плоды
в сезон урожая,
И когда наступит ночь, срежет он их.
И придут еще девять человек и срежут ветки с плодами,
Насытятся и возьмут с собой и принесут в свои дома.
Если тот, у кого есть всего одна овца,
Считает ее неполноценной, —
Он подоит ее и наполнит бурдюк из шкуры молодого козленка.
Он насытится из него и насытит всех своих домочадцев
И всех, кого захочет.
И даже больной насытится молоком овцы.

В этой песне много неясных мест, но в ней можно найти и немало интересного. Так, в начале песни некто, отстаивающий, видимо, заветы предков, призывает не закалывать овцу на поминках по умершему, а резать овец только при молениях о дожде (или же в благодарность Аллаху за дождь). Можно ли толковать это как возражения тех, кто принес с собой мусульманские обычай и веру в Аллаха, против старых языческих обычаев, в частности против заклания овцы на тризне? Или основное содержание песни — древнее обращение к божеству с просьбой даровать дождь?

Примечательно, что эта песня взывает и к совести сокотрийских горцев, среди которых распространено воровство овец и коз в период засухи. Песня убеждает не доить и не резать овцу, пришедшую издалека, — за это накажет бог. Если уж приходится «заимствовать», то лучше подоить скотину соседа, который в другой раз подоит твою скотину, — такова мораль горцев.

Есть основания полагать, что в давние времена сокотрийцы были также и камнепоклонниками. Напомню, что почитание камней метеоритного и вулканического происхождения было одной из форм древних аравийских верований — об этом сообщали античные авторы. Задолго до возникновения ислама в VII в. н. э. был известен в Аравии большой метеорит — «черный камень» Кааба, которому поклонялись местные жители. Их вера в божественное происхождение Каабы была столь сильна, что основоположник мусульманства Мухаммад, предавший анафеме всех прежних арабских идолов, не рискнул под-

вергнуть сомнению божественность «черного камня»: и почитание его стало составной частью мусульманской обрядности. Ежегодно в месяц паломничества (хаджжа) множество мусульман съезжаются в священный для них город Мекку, где совершают вокруг Каабы ритуал поклонения.

Британский майор Спенсер Кук, который провел на Сокотре двенадцать месяцев в 50-х годах, отмечал, что даже и в это время островитяне все еще сохранили обычай камнепоклонства.

Возможно, что загадочные каменные окружности, которые, по предположению Доу, представляют собой остатки системы орошения, а также мегалиты и храмы, виденные путешественниками на западе острова, были связаны именно с камнепоклонством. Ведь других следов развитого земледелия на острове нет, а именно земледелие требовало бы устройства оросительной системы. Допущение о существовании земледелия основано только на том, что сабейцы, когда-то переселившиеся на остров, были земледельцами, а также на том факте, что природные условия острова благоприятны для развития земледелия.

У жителей острова очень сильна вера в неограниченную власть сверхъестественных сил. Поэтому остров зачастую до сих пор называют «островом духов» или «островом легенд». Здесь, действительно, постоянно можно слышать легенды и предания о сверхъестественных существах, джиннах и духах, называемых по-сокотрийски *дидь'ихен* (в единственном числе — *дэд'хэ*). Действиям этих существ приписывают многое из того, что случается с людьми. Кроме того, сокотрийцы верят, что некоторые люди, обладая чудодейственными способностями, могут общаться с духами, подчиняя их своей воле.

Мне рассказывали, как во времена англичан (на острове в течение нескольких лет находилась база британских ВВС) «дух» напал на одного англичанина, заночевавшего в горах.

— *Дэд'хэ* переломал ему все конечности, так что никто и не видал даже, — рассказывает мне Шорьхер, старый пастух из Хагьера. — А англизы (англичане) прислали за беднягой большую стрекозу (вертолет).

— Не из твоей ли деревни этот *дэд'хэ*, *йо бебэ* (папаша)? — смеюсь я.

Но лицо старика остается непроницаемым, он укоризненно говорит мне:

— Кто же это мог сделать, кроме *дэд'хэ*? Наши люди никогда не осмелились бы напасть на англичанина.

— Почему? — задаю я вопрос.

— Того человека, который плохо обошелся с англичанами, убил бы султан, — отвечает Шорьхер.

— Да разве султан разыскал бы виновного? Ведь к вам мало кто мог добраться, — удивляюсь я.

— Что ты, султан был ходок, из наших, он бы сам полез в горы вместе со своими прихвостнями, от него не спрячешься, — отвечает старик.

Даже сегодня сокотрийцы верят, что глухой ночью по горам разгуливает сам дьявол. Они все еще опасаются пресловутой горы на юго-востоке острова. На Сокотре бытуют рассказы о превращении людей в ослов, «мускусных котов» и стервятников, а также о смертях и болезнях, вызванных колдовством. «Ведьм» так боятся, что однажды британскому офицеру предложили четыре дойные коровы и шесть коз, если он убьет местную ведьму.

Английский полковник И. Снелл описал последние суды над ведьмами на Сокотре, свидетелем которых в 1955 г. ему довелось быть:

«Как всегда бывает в тех местах, где ведьмы составляют общепризнанную часть населения, на Сокотре человека могут обвинить в колдовстве просто по злобе, из мести или из неприязни, таким образом ежегодно 15—20 человек отправляют на судилище. Здесь считают, что мужчины тоже могут заниматься колдовством, как и женщины, но я никогда не слышал, чтобы перед судом предстал хоть один мужчина. Обвинения излагают перед племенными вождями, городскими старостами или самим султаном, а все суды происходят в Хадибо, столице острова.

После того как обвиняемую доставят под стражей в Хадибо, султан или тот, кто правит в его отсутствие, внимательно изучает причины обвинения, доказательства и, насколько это возможно, характеры обвиняемой и обвиняющего. Затем, если он считает, что дело достаточно серьезное, он поручает специально выбранному человеку провести суд или испытание.

Этого испытующего (как бы получше назвать его?) выбирают примерно из полдюжины других, которые счи-

таются знатоками. Насколько я мог удостовериться, это не обязательно „наследственные“ знатоки, хотя бывает и так. Однако они непременно должны обладать способностью „изгонять злых духов из безумных“; обычно эти люди одновременно являются и местными лекарями. Испытующий получает за работу сорок рупий. Его сначала призывают к султану и заставляют поклясться на Коране, что (а) он правоверный мусульманин, (б) он сам не колдун, (в) во время испытания он не совершит такого действия, которое могло бы поставить под сомнение его мастерство и (г) он проведет испытание со всей справедливостью и тщательностью. Эта клятва определенно противоречит мусульманскому учению и дает еще одно указание на неортодоксальность веры островитян.

Затем вызывают обвиняемую и спрашивают ее, признает ли она себя виновной в колдовстве или не признает. Вообще, она может сделать признание в любой момент испытания и таким образом считать себя „самоосужденной“ и освобожденной от испытания. Если она не признает своей вины, ее препоручают испытующему, и он готовит ее к испытанию, которое состоится на заре следующего дня в присутствии всех жителей города и всех желающих присутствовать. Ночью испытующий и его подручные крепкими веревками связывают обвиняемой руки и ноги, а затем прикрепляют два пятифунтовых мешка камней, один ей на грудь, другой — на поясницу. Наконец, вокруг пояса ей обвязывают конец длинной веревки, и приготовления закончены.

На заре обвиняемую сажают в лодку и отвозят в определенное место у берега, в миле к востоку от Хадибо. Там ее пересаживают в каноэ. Испытующий и его помощники выводят его в море, пока не достигнут места, где глубина воды три местных сажени, около пятнадцати футов (4,5 м — *В. Н.*). Дно моря в этом месте очень пологое, и поэтому они уходят, наверно, на полмили от берега.

Начинается испытание. Обвиняемую вытаскивают из каноэ и бросают в море, ослабив длинную веревку, привязанную к ее поясу. Если женщина сразу пойдет на дно, ее тут же втаскивают обратно в каноэ и осматривают, не пристали ли к ней снизу песчинки. Если следы песка обнаружены, то погружение повторяют дважды, раз обвиняемая идет ко дну, значит, она выдержала ис-

пытание, тогда ее объявляют невиновной. Если же она ведьма, то непременно всплывет на поверхность моря в вертикальном положении, так что голова и плечи останутся сухими, и медленно двинется к берегу, пока не доплывет до отмели.

Если в результате испытания она признана виновной, она еще раз предстает перед султаном, чтобы выслушать свой приговор. В старые времена ведьму всегда приговаривали к смерти и сбрасывали со скалы Рас Кур, к западу от Хадибо, но в наши дни осужденную ждет высылка. Ее немедленно отправляют под конвоем в город Калансию (порт на западе острова, в который часто заходят лодки) и сажают в первую отходящую лодку, независимо от ее направления. Стоимость отправки оплачивается родственниками осужденной или из ее состояния, и ей разрешают взять с собой любое движимое имущество. Однако дети этой женщины остаются на острове.

В ноябре 1955 г. состоялся суд над тремя женщинами. Одна из них — старуха лет семидесяти — призналась, что она „ведьма“, еще на берегу, за минуту до испытания. Она была признана „самоосужденной“ и освобождена от „купания“. Две другие женщины поплыли к берегу и были признаны виновными.

Насколько я знаю, против обвинителей, чьи суждения опровергаются испытанием, не предпринимают никаких действий. Причина этого заключается в том, что они в действительности не обвинители, а лишь „те, кто сообщает о подозрительных действиях“. Что же касается действительного испытания, то, поскольку все приготовления проводятся тайно, трудно судить, не спрятал ли испытующий под жалкие одежды обвиняемой какой-нибудь поплавок. Очень возможно, что испытующий использует какой-то поплавок, если он сам убежден в виновности обвиняемой.

В любом случае эта практика все еще существует на острове. И я убежден, что несчастные женщины, которые объявлены виновными, как бы им ни было жалко самих себя, сами верят, что они ведьмы и поэтому справедливо наказаны.

Иногда возникает затруднительная ситуация, когда какой-нибудь добросовестный консульский служащий отправляет обратно высланную сокотрийку — к великому

огорчению султана, который не имеет никакой международной власти, чтобы помешать этому».

О способности островитянок общаться с нечистой силой ходит много легенд. Вот одна из них.

Одна женщина из Кишна вышла замуж за сокотрийца. Но он оставил ее, и та прожила в одиночестве семь лет. Она стала тосковать и как-то пожаловалась на свою печальную судьбу подругам, с которыми в один из первых дней месяца мухаррам¹ она купалась в ручье, а затем плясала при свете луны. Одна из подруг предложила ей вечером следующего дня пойти одной на берег моря, сказав, что там она увидит огромного морского зверя, на которого должна сесть верхом, и тогда тот отвезет ее к мужу. Женщина испугалась и не пошла, но подружка опять повторила свой совет, сказав, что теперь она встретит у моря уже не зверя, а огромную птицу, между крыльев которой должна сесть, и та полетит, куда она пожелает. Так и случилось. Проведя ночь с мужем и собравшись домой, женщина решила на всякий случай запастись доказательствами истинности своего путешествия и незаметно забрала с собой кинжал и кольцо мужа. Вскоре обнаружилось, что она забеременела, соседки стали злословить по этому поводу, как она и предполагала, и тогда она показала им кинжал и перстень мужа.

Для проверки правдивости человека на острове существовал «детектор лжи» явно арабского происхождения. Им служила обыкновенная головешка. К языку человека, подозреваемого во лжи, прикладывали горящую головню: если он издавал крик, следовательно, он виновен, и его приговаривали к смерти, если же огонь не причинял ему боли, его признавали невиновным и освобождали. Этот обычай был также распространен среди бедуинов египетских пустынь.

Исследователи часто обращают внимание на то, что Сокотра во многом отличается от прочих мусульманских стран, и охота на ведьм, неизвестная арабскому миру, поскольку ислам не признает колдовских способностей за обычным человеком, служит этому еще одним доказательством. Замкнутость жизни острова и противодействие внешним влияниям породили здесь необычные тенденции. Религиозная история Сокотры — смесь язычест-

¹ Мухаррам — первый месяц мусульманского лунного года.

ва, христианства и мусульманства. Пожалуй, ни одно из этих верований не выступало здесь в чистом виде, а всегда включало элементы другого. Даже сейчас, когда все жители острова исповедуют мусульманство шафиитского толка, оно имеет здесь ряд особенностей.

Религиозная жизнь и верования сокотрийцев, испытавших много влияний, до сих пор мало изучены. Она представляется загадочной и дает поводы для самых смелых спекуляций. Арабские исследователи сокотрийцев считают их давними мусульманами. Другие ищут в их культуре следы христианских верований и обычаев. Третьи считают, что в душе сокотрийские горцы остались анимистами, а из припесенных на остров мусульманских верований и обрядов восприняли лишь внешнюю сторону, да и то не в полной мере. На острове мечети имеются только в больших поселках, таких, как Хадибо или Калансия, а в деревнях отсутствуют. Я, так же как и мои предшественники, заметил полное невнимание островитян к ряду основных обязанностей мусульман, в частности к регулярной молитве.

Существует мнение о том, что христианство успело пустить глубокие корни на острове и исламу не удалось полностью вытеснить его. Одна из распространенных легенд традиционно приписывает массовое обращение сокотрийцев в христианство святому Фоме, попавшему на остров по пути в Индию. Рассказывают, что его судно потерпело кораблекрушение, и из его обломков он построил здесь первую христианскую церковь. Когда в 524 г. н. э. на Сокотру приехал из Эфиопии греческий монах Косьма Индикоплевст, он обнаружил, что христианство уже прочно укоренилось на острове и что сокотрийские христиане подчинялись несторианскому католикусу Вавилона. В XIII в. Марко Поло сообщал, что жители острова — христиане, у них есть свой архиепископ, который не подчиняется римскому папе, но признает верховную власть архиепископа Багдадского.

Остатки христианских верований на острове различные путешественники обнаруживали в течение еще нескольких столетий. Один португальский автор сообщал в XVI столетии: «Сокотрийцы называют себя христианами, но не знают ни проповедей, ни крещения, так что из всего христианства у них есть только название». В те времена сокотрийцы еще держали в своих алтарях крест

и носили его на груди. В каждой деревне был свой священник, который твердил молитвы и курил благовония. Сокотрийцы часто повторяли слово «аллилуйя», а вместо колокольного звона трясли деревянными трещотками. Столетием позже кармелитский священник Винченцо обнаружил на острове странные следы христианства. Хотя жители, казалось бы, исповедовали христианскую религию, они почти ничего не знали о ней и практиковали диковинное смешение обрядов и ритуалов: обожествляли луну, считали запретным употребление опьяняющих напитков и свинины, совершали обрезание, но почитали крест и носили его во главе своих процессий. Отец Винченцо сообщал, что они собирались в своих грязных, темных и маленьких церковках по три раза в день и трижды в ночь. Кармелитского священника удивило, что в церквях воскуривали благовония, ежедневно смазывали алтари коровьим маслом, а на алтарь ставили крест и свечу. Среди сокотрийцев, как он сообщает, было широко распространено колдовство, а в старом возрасте люди часто кончали жизнь самоубийством. У каждой семьи была особая пещера для захоронения своих умерших. Сокотрийцы были строго моногамны.

Когда в 1541—1542 гг. Сокотру посетил Франциск Ксавье во время своего путешествия в Индию, там уже не было ни архиепископа, ни священников и, хотя службы отправляли регулярно четыре раза в день, следов христианства оставалось ничтожно мало. Франциск обнаружил, что сокотрийцы более не совершали обряда крещения, однако знак креста еще помнили.

Остатки христианства на Сокотре сохранялись вплоть до XIX в. Около Эриоша были обнаружены руины круглых зданий, которые, возможно, были церквями.

Некоторые ученые считают, что христианство в прошлом не укоренилось и не могло укорениться в сокотрийской среде, теперь же искать какие-либо остатки христианских верований и обрядов на острове и вовсе бессмысленно. Боттинг полагал, что верования островитян можно охарактеризовать как языческо-мусульманские. Мне это представляется натяжкой: ведь ислам и так включил в себя множество доисламских верований жителей Аравии. Боттинг наблюдал, что островитяне произносили молитву на ломаном арабском языке, явно не понимая смысла. Но ведь так молятся многие мусульманские на-

роды; произносят аяты Корана, не понимая языка, на котором они написаны. Но в другом Боттинг прав: еще не удалось, да и едва ли удастся, найти какие-либо остатки христианства в современном сокотрийском обществе. Что же касается древних обычаев и обрядов, соседствующих на острове с мусульманскими, то этот вопрос нуждается в особом исследовании.

Скорее всего, следы христианства нужно искать не в обрядах и верованиях людей, а в археологических памятниках прежних эпох.

В 50-х годах С. Кук сообщал, что в западной части острова он обнаружил «храм наподобие маленького Стоунхенджа с амфитеатром, протертым ногами и ягодицами многих людей». находка напоминала примитивную христианскую часовню, хотя храм мог быть и дохристианским. Как бы то ни было, это святилище, очевидно, было построено до зарождения ислама.

На Сокотру ислам принесли махрийцы, колонизовавшие остров несколькими волнами. В 1507 г. португальцы нашли на острове мусульман, а после их ухода ислам победил там окончательно.

В 1800 г. ваххабитские сектанты², основавшие позднее королевство Саудовской Аравии, высадились на острове, разрушили все могилы, церкви и кладбища на побережье около Хадибо и установили строгий контроль за соблюдением жителями обязанностей правоверных мусульман. Однако подробности этого нашествия, к сожалению, неизвестны, хотя, вероятно, в ваххабитской литературе сохранились какие-то сведения о самом походе и о том, каковы были его последствия для жителей Сокотры.

Однако сейчас сокотрийцы уделяют своим религиозным обязанностям мало внимания. Жители Дирьхо рассказывали мне, будто в районе Рас Муми живут «плохие мусульмане», которые совсем не постятся и не молятся, хотя именно это — минимум, требуемый мусульманской религией от правоверных.

То, что в старые времена сокотрийские христиане жили не только в горах Хагьера, но и в районе высокогор-

² Ваххабиты — последователи религиозно-политического течения, возникшего в исламе в конце XVIII в. Ваххабиты выступали за «очищение» ислама от «чужестранцев», появившихся в ходе развития этой религии.

ного плато близ Рас Муми, пока не подтверждено археологическими исследованиями. Возможно, последующим экспедициям удастся узнать что-либо новое об этом районе.

Сокотрийцы панически боятся «дурного глаза». Видимо, этим объясняется их страх перед фотоаппаратом. Но если мужчины все-таки соглашаются фотографироваться, то сделать фотографии женщин почти невозможно. Даже хорошо снаряженная и долго пробывшая на острове Оксфордская экспедиция не смогла запечатлеть на пленку хотя бы одну сокотрийку. Один из членов экспедиции поджидал «добычу» на углу улицы, надеясь сделать снимок, пока вышедшая из-за угла женщина не успеет сообразить, что ее снимают. Однако сокотрийки, и не видавшие прежде фотоаппарата, обнаружили поразительно быструю реакцию: они обращались в бегство ранее, чем незадачливый фотограф успевал щелкнуть затвором.

Несколько лет назад на острове побывали кувейтские журналисты, которых тот же Амер так же водил к себе в горы, в Дирьхо. Корреспондент журнала «аль-Араби» Салем Зубайль захотел сделать из поразившей его воображение первой красавицы селения Туммы, соседки Амера, *cover girl* — «девушку для обложки». Миллионы читателей одного из самых популярных иллюстрированных журналов арабского мира так и не увидели бы цветной фотографии прекрасной сокотрийки, если бы не помощь Амера, которому удалось уговорить девушку сниматься. Прошло несколько месяцев, и Тумма узнала, что ее изображение появилось на бумаге, которую рассматривает множество людей. Это так потрясло девушку, что кожа на лице и груди ее покрылась красными пятнами, потом начался отек или какая-то опухоль. В течение года девушка оставалась обезображенной, «звезду обложки» невозможно было узнать... И теперь уговорить кого-либо из девушек Дирьхо позировать перед камерой невозможно: они убеждены, что их постигнет участь Туммы.

Снимок Авинны, белокожей стройной девушки из Хадибо, нам удалось получить только тогда, когда мы (в отсутствие мужа) клятвенно заверили, что ее изображение уедет в далекую северную страну и никто из соотечественников никогда его не увидит.

Авинна — одна из признанных красавиц Сокотры

В кузове грузового автомобиля по пути из Моури в Калансию мне удалось сфотографировать еще одну женщину, которая, к моему удивлению, охотно согласилась сниматься: вероятно, она была вдовой или брошенной женой. Чертами лица она напоминала индианку и сильно отличалась от окружающих ее женщин, которые, как только в моих руках появлялась камера, с воплями закутывали голову платком.

Мужья весьма своеобразно относятся к внешности своих жен. Мне рассказывали, как один из европейских гостей на острове, желая сделать комплимент видному в Хадибо человеку, сказал тому, что его жена необычайно красива. Приветливый до этого хозяин переменялся на глазах. Почему его жена красивая? Что это значит? — спросил он гостя, а затем дал понять, что тому пора уходить: такой «комплимент», как и любые замечания чужого мужчины о внешности жены, воспринимаются как оскорбление.

Одно из известных исследователям суеверий на Сокотре связано с тем, что жители острова часто закрывают рот полоской материи, закрепленной за ушами. Иногда в рот берут бороду, превращая ее таким образом в подобие кляпа. Это объясняется боязнью мифической смертоносной мушки *диасар*, проглотив которую, человек якобы погибнет. Сокотрийцы утверждают, что *диасар* — живородящая муха, откладывающая не яйца, а личинки. Однако никому из путешественников не удалось не только увидеть это зловещее насекомое, но хотя бы узнать о достоверном случае гибели человека от мухи. В Хагьере я тоже встречал людей с закрытыми повязками ртами, с любопытством поглядывающих на меня, столь уязвимого для невидимого врага. Не завязывали рот только ста-

рики. Они объясняли это тем, что долгий опыт научил их слышать жужжание мухи и вовремя закрывать рот.

Боттинг тоже сообщал о повязках на рту. Во время работы на острове экспедиционный врач неоднократно предпринимал попытки обнаружить какие-либо следы злосчастной мухи, но безуспешно. Однажды произошел интересный случай. К врачу прибежал торговец

Бедуинка

жемчугом, который якобы проглотил зловредную муху. Окружающие тряслись от страха, готовясь стать свидетелями ужасной смерти. Торговец умолял врача спасти его, но как тот ни старался, никаких следов мухи в организме пострадавшего он не обнаружил. Торговец жемчугом не только остался в живых, но и демонстрировал завидное здоровье. Поэтому члены экспедиции сочли все рассказы о мухе мистификацией. Экспедиционный врач предположил, что сокотрийцы объясняют так пневмонию. Мне тоже представляется, что защита от мухи — это своеобразный профилактический и знахарский обряд, связанный с какой-то распространенной на острове инфекцией, например вирусом гриппа, или целым комплексом болезней. Это подтверждается и тем, что на пресловутую муху сокотрийцы сваливают самые различные заболевания. Так, считают, что муха может отложить личинку в глаз, нос или полость рта человека, и тогда эти органы поражают разные недуги. В этих случаях больные по совету местных знахарей промывают рот и горло настоем табака или употребляют другое полоскание, чтобы уничтожить «личинки». Очевидно, что на самом деле эти болезни вовсе не связаны с мухой. У всех народов существовали прежде магические ритуалы и заклинания, обороняющие от болезней. Иногда эти ритуалы несли в себе некое рациональное зерно, например предостережение от об-

щения с заразным больным; иногда не приносили никакой практической пользы. Защита рта от мухи у сокотрийцев напоминает другой обряд у так называемых болотных арабов, живущих на заболоченных землях юга Ирака. Уилфред Тезигер, известный исследователь этой этнической группы, проведенный в болотах несколько лет, сообщал, что мальчики, которым сделали обрезание, затыкают ноздри тряпками, вешают лук вокруг шеи, не едят рыбу, творог и арбузы, воздерживаются от питья жидкости, ограничиваясь несколькими глотками воды в день, пока рана не заживет. Считается, что даже запах теплого хлеба может привести к воспалению раны. Здесь та же предпосылка: при отсутствии антисептических средств и при общей антисанитарии любая ранка легко воспаляется. Эта болезнь мистифицируется, и примитивное общество использует магические средства для защиты от нее.

Ритуальный характер носит и один из видов лечения на острове. Знахарь делает несколько надрезов на макушке больного человека и отсасывает кровь через бараний рог, сопровождая операцию определенными жестами и заклинаниями. (Бараньи рога вообще применяются в местной «медицине»: они также служат банками, их ставят на тело больного, предварительно подержав над огнем.)

В отчете Оксфордской экспедиции упоминается еще об одном, якобы ритуальном, лечении на острове — обмазывании белой глиной. Однако, побывав на острове, я выяснил, что этот способ (не имеющий, кстати, широкого распространения на Сокотре) ничуть не магический. Просто близ Хадибо есть залежи белой глины, обладающей целебными свойствами, она применяется для врачевания кожных заболеваний. Здесь оксфордские ученые приняли обыкновенное лечение за ритуал островитян.

К самым древним общеаравийским обычаям, несомненно, относится обряд обрезания. Изучение этого ритуала у аборигенов Сокотры весьма существенно для науки, в частности для определения типа древней южно-аравийской культуры, ее влияния на сложение арабо-мусульманской культуры. В арабистике степень этого влияния до сих пор недооценивают, так как древняя южно-аравийская цивилизация пока еще мало изучена. Часть исследователей считает, что обычай обрезания был рас-

пространен в Южной Аравии с давних времен, другие ученые приводят возражения.

У жителей прибрежных районов обрезание делают мальчикам в возрасте пяти-шести лет, как и положено по мусульманским обычаям. Однако у горцев обрезание еще сохранило черты языческого обряда инициации, который совершается с наступлением половой зрелости в двенадцать-четырнадцать лет. День обрезания у горцев — большой праздник. Это посвящение юноши в мужчины. О своеобразии этого древнего аравийского обычая в сокотрийском варианте я слышал давно, поездка на остров давала возможность его увидеть. У арабов-мусульман обрезание давно уже перестало быть торжественным актом, утратило связь с древними обрядами, к которым оно восходит, у африканских племен сходство еще сохранилось. Обрезание во многих мусульманских странах давно уже делают хирурги. Такого ритуального действия, как на Сокотре, не увидишь более нигде в арабском мире.

Наслышавшись о трудностях, с которыми в Африке сопряжено посещение подобных церемоний иностранцами, я ожидал большего сопротивления, когда попросил одного из старейшин Дирьхо пригласить меня в ближайший день, когда деревня готовилась «посвятить в мужчины» несколько подростков. Старец нерешительно возразил, что это неинтересно, что обряд уже не тот, да и неизвестно, когда это будет. Тем не менее вскоре я получил приглашение.

И вот наступил день торжества. На поляне собралась вся деревня: мужчины расселись полукругом впереди, женщины — поодаль, тоже полукругом, за ними — ребяташки. В центре, около специального валуна, на который сажают юношей, — знахарь, один из почитаемых людей племени. К валуну подводят виновника торжества. Мальчик садится на камень, скрестив ноги. Тотчас начинают бить *табли* — местные барабаны, под их ритмичную дробь мужчины и женщины поют, подбадривая юношу: «Сегодня тебе сделают обрезание, и ты станешь мужчиной... Сегодня мы зарежем много баранов и будем праздновать твое рождение...» Ритм *таблей* убыстряется, к юноше приближается старик с остро отточенным ножом — это просто расплющенный кусок железа, вставленный в рукоятку из козлиного рога, таким же ножом

режут скот, рубят кустарник. Одно-два движения — и операция закончена. Мальчик сидит неподвижно, не смотря на боль: ведь главное условие посвящения — выдержка, нельзя ни вздрогнуть, ни вскрикнуть, иначе прослывешь трусом или порченным. Терпеть помогает торжественность обстановки, ободряющее пение, громкие удары *таблей*. Кровь ничем не останавливают. После совершения обряда юношу уводят в хижину. Его семья закалывает барана и приглашает на угощение всех соседей. Через несколько дней новоиспеченный мужчина уже за работой: доит и пасет коз, сбивает масло.

Глава IV.

МАХРИЙСКАЯ КОЛОНИЗАЦИЯ

Европа в период раннего средневековья была поглощена своими делами, и после IV в. о Сокотре поступало мало новых сведений. Арабские географы и историки, повествуя об острове, часто пересказывали сообщения римлян и греков. Тем не менее некоторые данные этого времени представляют интерес. К X в. относится известие, что на острове жило 10 тыс. вооруженных мужчин. В XIII в. великий итальянский путешественник Марко Поло писал, что все сокотрийцы — христиане, они питаются молоком, мясом и рисом, занимаются рыбной ловлей, охотой на китов (?) и торговлей. На остров еще заходило много торговых кораблей. Кроме того, Сокотра служила базой пиратам, продававшим жителям острова свою добычу. Далее вплоть до XVI в. ничего определенного и точного о Сокотре не сообщалось. Конечно, можно уверенно говорить, что за это время потомки греческих, арабских и индийских поселенцев перестали быть «чужестранцами», превратились в сокотрийцев, переняв язык и обычаи местных жителей, образовали единое население.

В конце XV — начале XVI в. интересные сведения о Сокотре можно найти в книгах знаменитого арабского лоцмана из Омана Ахмада ибн Маджида (впоследствии именно он провел корабли Васко да Гамы от сомалий-

ского порта Малинди до побережья Индии). Ибн Маджид сообщал, что на Сокотре жили *ахмадж ан-наса* — христианское население, близкое, по мнению Ибн Маджида, к варварам. Этим сокотрийских «варваров» считали потомками греков, о которых сообщали средневековые арабские географы.

В XV в. на Сокотру с континента приплыли махрийцы — племена прибрежного аравийского района Махры, расположенного напротив острова, видимо, достаточно близкие к сокотрийцам по языку и обычаям (ведь сами сокотрийцы, скорее всего, тоже были переселенцами из Южной Аравии, но они смешались с более поздними колонистами из других стран). Махрийцы к тому времени были ревностными мусульманами.

Ибн Маджид писал: «Амр бен Афрар и Бану Абд ан-Наби ас-Сулеймани аль-Химьяри, оба из шейхов Махры, построили там крепость и правили частью местных жителей, принуждая их работать на себя; они обложили их налогом: с каждого мужчины тюк камеди, а с каждой женщины — одеяло местной выделки¹». Далее Ибн Маджид сообщал: «Они (аборигены. — В. Н.) убили Ахмада бен Мухаммада бен Афрара, который правил ими после смерти своего отца. Тогда прибыли братья его отца вместе с соплеменниками, отомстили за него, силой заставили их работать — и поставили Ибн Абд ан-Наби править ими. Сейчас они говорят, что остров приносит несчастье тому, кто им правит. Там есть коренное население, которое, когда к ним приходит чужеземец, дает ему питьевую воду и пищу, свою одежду и своих женщин. Ими правит женщина, а что касается их женитьбы, то это находится в руках священников, которые обитают в их церквах; они женят людей по ее совету, но в наше время ее власть закончилась, ослабела».

Из заметок знаменитого лоцмана видно, что в 1489 г. Сокотра уже находилась в руках махрийцев. Вероятно, махрийцам не удалось установить непосредственный контроль над всем островом (об этом пишет Ибн Маджид, а также свидетельствуют многие события, происшедшие позднее, во время португальского завоевания). Они лишь облагали население натуральным налогом.

¹ Эти одеяла — *шамли* и сейчас представляют собой один из важных предметов производства на острове.

Между махрийцами и коренным населением существовал определенный антагонизм, что подтверждается убийством аборигенами махрийского шейха. Своеобразный матриархат, описанный Ибн Маджидом, не вызывает особого удивления: на определенной ступени развития общества это естественно. Как сообщают, в некоторых горных племенах острова брак до сих пор заключают по желанию и выбору женщины.

Колонизаторами Сокотры выступило махрийское племя «бану Афрар», жившее в районе современного города Киши на побережье Аравии. Португалец Барруш писал, что к португальскому завоеванию, т. е. к 1507 г., Сокотра находилась под управлением султана Кишна уже 26 лет. Таким образом, колонизация была завершена примерно в 1481 г. Махрийский форт Сук, центр тогдашней Сокотры, находился к востоку от современной столицы острова Хадибо, он был построен еще до 1481 г. и перестроен после португальского завоевания. Форт располагался в 350—400 м от гавани на мысе, который португальцы называют то Соко, то Сото или Косо (по-видимому, испанский и португальский вариант арабского слова *сук* — «рынок»). Ссылаясь на португальцев, а также на тот факт, что арабские историки тоже называли это место «Сук», все исследователи (в том числе и изучавший средневековые хадрамаутские хроники английский ученый Р. Б. Сэрджент) считают это название подлинным. В сокотрийском языке, действительно, есть заимствованное из арабского языка слово *сук*, и около гавани, куда в древности могли заходить корабли с иноземными товарами, возможно, существовал рынок. Однако сами сокотрийцы называют это место «Шек», что никак не связано с рынком, а восходит, как мне представляется, либо к сокотрийскому слову *шко* — «вооруженный», либо к корню *шеке* — «быть близким, приближаться» (в данном случае к морю).

Арабские средневековые историки, например Ибн аль-Муджавир и аль-Хамадани, сообщают не только о гавани, но и о существовании города под названием Сук. Ибн аль-Муджавир описывает этот город. О форте в Суке, расположенном к востоку от Хадибо, в 1541 г. сообщает португалец Жуан ди Кастру и даже публикует его рисунок. Т. Бент также помещает Сук к востоку от Хадибо.

Сейчас от форта осталась только груда камней и часть кирпичной кладки, но в XV в. это было мощное по тем временам оборонительное сооружение. Как отмечают многие специалисты по южноаравийской архитектуре, руины напоминают крепости стиля «яфи», которые до сих пор сохранились в области Яфи² и в Хадрамауте. Замечательным образцом этого стиля служит бывший дворец правителя султана Касири в Сейуне — северной столице Хадрамаута. Крепости «яфи» квадратные или прямоугольные в плане, по углам прямоугольника, образованного стенами, высятся цилиндрические крепостные башни с бойницами наверху. Яфисцы, строившие эти твердыни, называли их *хисн би-ма'асырих* — «крепость с башнями».

Форт в Суке, по данным археолога Оксфордской экспедиции П. Шинши, впервые обследовавшего его, и директора Департамента древностей Аденской колонии Д. Б. Доу, имел около 25 м в длину и 20 м в ширину.

В сотне метров на юго-восток от главного форта была расположена еще одна постройка такого же типа, от которой, как и от форта, осталась только часть кладки. Кладка была скреплена известковым раствором. Башня в северо-восточном углу здания достигает 3,6 м в диаметре. Исходя из того, как ориентирована восточная стена здания, также прямоугольного в плане, Доу думал, что это могла быть мечеть. К северу от руин предполагаемой мечети находятся остатки церкви Богоматери Победы, выстроенной португальцами в ознаменование взятия форта. Церковь эта была построена на месте другого, более старого здания, которое было либо церковью, либо мечетью (хотя для мечети оно неверно ориентировано). Об этом свидетельствуют остатки древнего известкового пола, обнаруженного археологами под первым. Девять колонн первичной постройки, от которых сохранились только основания, сложенные из камней, скрепленных известковым раствором, любопытны тем, что все имеют

² Яфи — высокогорная область в Йемене; населяющие ее племена издавна были известны воинственностью и силой. До сих пор в горах Яфи стоят высокие сторожевые башни, которые строились чуть ли ни у каждого дома. Башни, выстроенные примитивными средствами, тем не менее поражают строго цилиндрической формой, что свидетельствует о замечательном мастерстве яфисцев, потомственных строителей.

различное сечение (т. е. колонны были разной формы). Одна колонна в плане образует квадрат, другая — восьмиугольник, третья — звезду, еще одна — окружность. Сохранилось и изображение этого здания — на рисунке, выполненном в 1541 г. Жуаном ди Кастру. Рисунок весьма детальный, хотя в нем и не соблюдены современные правила перспективы и масштаб. Можно узнать даже пики гор Хагьера. Не видна только крепость у Габаль Хавари, горы, возвышающейся над Суком.

Т. Бент еще в 1897 г. писал об остатках еще одного форта в долине Ферагея, к югу от Хагьера. Рядом с крепостью видны развалины древнего города. Крепостные стены, сложенные из огромных валунов, достигали 30 м длины, 1,5 м высоты, а толщиной доходили до трех метров! Вероятно, строители знали, как поднимать и транспортировать тяжелые камни. Можно предположить, что Ферагей в древности был каким-то важным центром: либо там были плантации деревьев, дающих камедь, либо заросли ароматических растений.

В 1956 г. до описанных Бентом развалин добрались Дж. Уикли и П. Шинни. Форт стоял в том месте, где долина сужается. Постройки сложены из необработанных кусков скалы, главный форт в плане похож на треугольник. Массивные стены высотой 3,6—4,5 м из крупных гранитных валунов красноватого цвета соединяли две башни. Под одной из стен находился искусственный бассейн, который, очевидно, служил рвом: когда в долине была вода, она заполняла его. Третья башня была расположена как бы на вершине треугольника. Около нее были обнаружены остатки маленьких комнат и внутреннего двора, часть стены. Один из путешественников высказывал мнение, что это развалины португальской крепости. Однако Шинни пришел к выводу, что ничего специфически португальского в этих развалинах нет, но, судя по архитектуре строения и его местоположению, можно сказать с уверенностью, что здесь была крепость. Видимо, махрийцы во время колонизации острова в XV—XVI вв. использовали ее как опорный пункт. Крепость полностью контролировала главную дорогу с севера на юг острова, она стояла в самом сердце территории, занимаемой аборигенами, а поэтому была идеальной базой для дальнейшего продвижения махрийцев вглубь или для карательных рейдов. Правда, мы не знаем, на-

сколько активно население сопротивлялось махрийскому проникновению на остров. Можно допустить, что колонизация проходила относительно мирно, тем болсе что сокотрийцы не были фанатиками христианства, которые активно сопротивлялись бы внедрению ислама.

Но вскоре махрийским шейхам суждено было пережить тяжелые времена. Вот что сообщает «Хроника Шанбаля» о главном событии 1507 г.:

«В этом году неверные франки взяли Сокотру, убив там сына ат-Тау'ари аз-Зувейди с пятью десятками мусульман, и выстроили там крепость».

Как нам известно, это произошло в апреле 1507 г. Двадцатишестилетнее правление шейхов рода Афрар было на несколько лет прервано.

Глава V.

ПОРТУГАЛЬСКИЕ КОНКИСТАДОРЫ

Начало XVI в. открывает период в истории острова, о котором известно, пожалуй, больше, чем о любом другом. Это было время португальской колониальной экспансии в страны бассейна Индийского океана. Как раз в эти годы португальцы основали свою огромную, но недолговечную колониальную империю в Индии, Африке и Персидском заливе.

Португалия, которая в XV—XVI вв. была наряду с Испанией крупнейшей морской державой мира, долго искала путь из Европы в Индию. Весь XV век португальские корабли бороздили океанские просторы, заходя все дальше на юг вдоль западного побережья Африки. Наконец в феврале 1488 г. Бартоломеу Диаш первым из португальцев обогнул южную оконечность Африки и вышел в Индийский океан.

В 1497 г. португальцы снарядили в Индию экспедицию Васко да Гамы. В июле 1497 г. три его корабля — «Сан-Габриэл», «Сан-Рафаэл», «Бэрриу» и небольшое транспортное судно отплыли из Лиссабона, прошли вдоль всего западного побережья Африки, обогнули мыс Доброй Надежды и, продвигаясь вдоль восточного

побережья, в 1498 г. прибыли в сомалийскую гавань Малинди. Таким образом португальцы первыми из европейцев открыли юго-восточное побережье Африки и посетили несколько прибрежных пунктов на этом побережье (до Малинди). Но честь крупнейшего подвига в истории мирового мореплавания — пересечения Индийского океана — принадлежит не столько Васко да Гама, сколько великому арабскому лоцману Ахмаду ибн Маджиду. Ибн Маджид был взят на борт португальского флагмана в Малинди. По своей лощи он привел португальские корабли в индийский порт Каликут. В конце августа 1498 г. Васко да Гама, установив связи с правителем Каликута и приняв на борт груз пряностей, тронулся в обратный путь.

Открытие регулярного морского пути из Европы к Малабарскому побережью Индии имело огромное историческое значение для всего мира. Португальцев же оно сделало колониальными хозяевами многих стран Азии. В 1502 г. Васко да Гама во главе флотилии из двадцати кораблей вновь отправился в Индию, основал ряд фортов на Малабарском побережье и, ограбив многие города и жестоко подавив сопротивление местного населения, с богатой добычей вернулся в Лиссабон. Но Сокотру португальцы открыли для себя лишь в 1503 г. Это сделал капитан Фернандиш Перейру.

В 1505 г. другая португальская флотилия под командованием Франсиску ди Алмейды вышла из лиссабонской гавани. На борту кораблей находилось тысяча пятисот солдат. Алмейде предстояло провести еще более широкую завоевательную кампанию в Восточной Африке. Ему был дан приказ создать шесть военно-торговых опорных пунктов на пути между Восточной Африкой и Индией. Алмейда установил полное господство португальцев в прибрежных районах Восточной Африки.

Португальцы начинали свои отношения со странами, расположенными в этом регионе, с торговли, а потом завоевывали их. 5 апреля 1506 г. знаменитый португальский адмирал Тристан да Кунья по приказу короля Португалии Мануэла во главе эскадры из четырнадцати кораблей отчалил из гавани Лиссабона, взяв курс на Индию. На следующий день поднял флаг его помощник Алфонсу д'Албукерки, последовавший за ним еще с шестью кораблями. Они обогнули мыс Доброй Надежды, но, до-

бравшись до Малинди, пришли к выводу, что в этом сезоне уже слишком поздно пересекать океан, чтобы плыть в Индию. Командиры португальской эскадры поручили своим агентам собрать сведения о местах, пригодных для стоянки на сезон бурь. После недолгого совещания было решено плыть на Сокотру и переждать там несколько месяцев, пока установится хорошая погода. Кроме того, португальцы считали население острова христианским и решили основать там форт, который мог бы охранять морской путь в Индию. Вот что происходило в январе 1507 г., по истечении десяти месяцев со времени отплытия экспедиции из Португалии¹:

«Не заходя ни в одну землю, плыли они и бросили якорь в Соко (Сук. — *В. Н.*), который был главным портом острова и где обитали местные жители. В праздничный день, с флагами, реющими на всех кораблях, они отсалютовали острову артиллерией, так как его населяли христиане. Но когда Тристан да Кунья увидел там выстроенный арабами форт, окруженный стеной и крепостными башнями с высокой башней в центре, что сильно расходилось со сведениями, полученными их королем Мануэлом, он послал за Алфонсу д'Албукерки и всеми капитанами флота. Он сообщил им, что его господин — король приказал ему построить на этом острове крепость и оставить ее командиром Алфонсу ди Норонью для охраны и защиты христиан, которые жили на острове со времен Святого Фомы, что король велел распространять имя Господа на всех землях, которые они завоевывали».

Арабский форт на острове оказался неприятным сюрпризом для португальцев. Все попытки договориться с шейхом, командовавшим фортом, потерпели неудачу. Арабы не только отказывались покинуть крепость, но и вообще не хотели иметь никаких дел с невесть откуда взявшимися португальцами. Тогда адмирал Тристан да Кунья, положившись на малочисленность гарнизона (а также на бога), решил атаковать форт. Высадка была очень трудной, так как море было беспокойным, а берег не давал прикрытия. Алфонсу д'Албукерки на маленькой лодке сам произвел разведку побережья и «возле пальмовой рощи обнаружил бухту, где море было более спо-

¹ Здесь и далее использован материал книги: Albuquerque Alfonso. Commentaries of the Great Alfonso Dalbuquerque, ed. by W. de Gray Birch. London, 1875.

койным, и, хотя она была далековата, они все же решили высадиться там».

«Великий Алфонсу д'Албукерки приказал своему племяннику дону Алфонсу ди Норонье привести в готовность его лодку с сорока мушкетерами, взять с собой пушку, порох для нее, ядра и двух бомбардиров, а также кабрию (подъемное устройство. — В. Н.) и две веревочные лестницы для того, чтобы штурмовать стены форта, если это будет необходимо. Сам он собирался плыть за ними на корабельном ялике вместе с доном Антониу ди Нороньей, доном Жуаном ди Лима, его братом доном Жерониму ди Лима и другими идальго».

День еще только занимался, когда атакующие отплыли к острову: впереди Тристан да Кунья, в арьергарде Алфонсу д'Албукерки. Проплывая вдоль берега, д'Албукерки заметил, что море почти успокоилось и что они могут высадиться и здесь. Он увидел, как из крепости вышел арабский шейх с сотней людей, направляясь к частоколу, который они воздвигли ночью, чтобы помешать португальцам высадиться в лагуне. Тогда д'Албукерки приказал Норонье начать высадку немедленно, но, прежде чем моряки успели это сделать, шейх заметил их и послал восемьдесят человек обратно в крепость, а сам с двадцатью другими людьми остался, чтобы преградить путь Норонье.

«Когда они столкнулись, между ними завязалась схватка, в которой пустили в ход и абордажные крюки, и пики, и несколько из тех восьмидесяти были ранены. Дон Алфонсу Норонья вступил в единоборство с арабским капитаном, и удары абордажных крюков уже чуть было не сразили его, как появился Алфонсу д'Албукерки с остальными своими людьми и покончил с шейхом».

Арабские воины, увидев, что их предводитель убит, бросились к крепости.

«Пока они добрались до крепости, — пишет португальский хронист, — наши люди убили восемь из них, остальные же обратились в бегство и, миновав крепость, скрылись в горах. Арабы, наблюдавшие со сторожевой башни, как наши люди приближаются к крепости, стали бросать сверху камни, и это утомило их. Алфонсу д'Албукерки ударили по темени большим камнем с карниза, и он тотчас же пал на землю в ужасном состоянии. Но при этом он не потерял сознания, приказал людям вплот-

ную окружить крепость и послал Нуну Важа ди Кастелу-Бранку доставить ядра, подъемное устройство, лестницы, топоры и тараны, чтобы взломать ворота крепости. Когда Нуну Важ принес лестницу, Алфонсу д'Албукерки приказал приставить ее к стене, и наши люди начали подниматься. Первым был Гашпар Диаш ди Акасери ди Сал, поднявший свой флаг, и Нуну Важ с флагом Жоба Кеймаду, а за ними последовали другие».

В упорной схватке на стенах и башнях форта многие из захватчиков лишились жизни. Но исход битвы был предрешен: силы были неравны. Понесся большие потери, арабы укрылись в главной башне, португальцы же с помощью топоров и таранов прорвались внутрь форта и блокировали дверь, ведущую в башню, ожидая прихода Тристана да Куньи. У частокола в лагуне тот встретил лишь слабое сопротивление арабов, многие из них были уничтожены, остальные бежали в горы. Затем он присоединился к д'Албукерки, войдя внутрь форта. Из полутора сотен арабских воинов оставалось в живых всего двадцать пять, но они были недосыгаемы в крепко запертой каменной башне. Португальцы попытались взять башню приступом, поднимаясь наверх по приставной лестнице, но вскоре поняли, что понесут большие потери, так как представляют отличную мишень для стрел, летящих в них сверху. Антониу ди Норонье арабы снесли бы голову, не отведи д'Албукерки удар своим щитом. Тогда Тристан да Кунья решил вступить в переговоры с оставшимися арабами, поскольку им не было смысла продолжать битву, — ведь форт фактически был уже в руках португальцев.

Однако арабы ответили, что они «весьма обязаны достойному господину за его желание пощадить их жизни, но, сообщив им о гибели их предводителя, он представил им достаточный повод, чтобы отклонить милость, поскольку фартакцы (т. е. махрийцы, от названия мыса Рас Фартак, находящегося на побережье Махры. — В. Н.) не привыкли возвращаться живыми домой, оставив своего предводителя мертвым на поле боя, тем более что он был сыном их властелина. Потому он и мог поступать, как ему угодно, что сдаваться они не собирались».

Португальский адмирал, услышав гордый отказ от капитуляции, послал своего пажа Жуана Фрейри, Нуну Важа ди Кастелу-Бранку и еще троих молодцов взо-

браться на геррасу башни и разведать, нельзя ли оттуда проникнуть внутрь. Первым поднялся Жуан Фрейри, но когда он перепрыгивал через парапет башни на террасу, арабы его заметили, открыли дверь, ведущую на террасу, и убили смельчака.

У Нуну Важа был арбалет, а из лодок принесли два «бискайских кола». Под таким прикрытием португальцы полезли по лестнице, несмотря на удары арабских копий и стрел, и, наконец, прорвались в башню, где уничтожили всех арабов, кроме одного, который затем служил у них лоцманом в путешествиях вдоль аравийского берега.

Атака португальцев началась в шесть часов утра, к часу дня они полностью захватили крепость. Трофеев там оказалось немного — кое-какие продукты, снаряжение да меч, на котором по-латыни было написано: «Да поможет мне Бог».

Кроме упомянутого воина выжил еще один араб — слепой старик, которого португальцы нашли у колодца. «Я могу видеть только одно, — сказал он им, когда его привели, — путь к свободе». Он был освобожден.

Итак, сражение у стен сокотрийской крепости оказалось непредвиденно тяжелым. Португальцы долго помнили сопротивление защитников крепости. До сих пор хранится в одном из музеев Лиссабона картина художника Жоржи Коласу «Штурм Сокотры», — воспоминание об этой битве.

«На утро следующего дня Тристан да Кунья со всеми своими людьми отправился в мечеть мавров (т. е. арабов. — В. Н.): она стала главной церковью, которую они называли именем Богоматери Победы. В ней отец Антониу ди Лоурейру, из францисканского ордена, отслужил мессу».

После богослужения Тристан да Кунья беседовал с аборигенами-христианами. Он объявил, что милостивый король послал его с воинами защитить жителей от произвола арабов и что им теперь нечего бояться. Взамен этой защиты он просил островитян сохранять мир и спокойствие в отношениях с португальским гарнизоном, снабжать его продовольствием, а также изучать основы и обряды христианской веры, которые они давно позабыли.

Португальцы отремонтировали крепость и назвали ее фортом Святого Михаила. Там был оставлен гарнизон в

сто человек под командованием дона Алфонсу ди Нороньи. 1 августа 1507 г. эскадра Тристана да Куньи отплыла в Индию. Еще через десять дней Алфонсу д'Албукерки со своими шестью кораблями отправился в Ормуз, в районе Персидского залива, предоставив людей гарнизона самим себе.

Когда через семь месяцев Алфонсу д'Албукерки вернулся на Сокотру, он застал своего племянника, начальника гарнизона Алфонсу ди Норонью, серьезно больным. Четверо из его людей погибли, остальные были в очень плохом состоянии. Арабы, бежавшие в горы, убедили местных жителей в том, что франки (так называли всех европейцев) пришли обратить их в рабство. Островитяне восстали против португальцев, разграбили крепость, убив несколько человек, и прекратили снабжение гарнизона продовольствием. В результате португальцы терпели всяческие лишения: им пришлось есть пальмовую кору и дикие плоды. Лодки их сгнили, корабли нуждались в ремонте. Д'Албукерки разделил поровну все продовольствие, которое у него было, а также выплатил гарнизону жалованье за все восемь месяцев.

В мае все корабли португальского флота встали на сезонную стоянку на Сокотре.

«Тогда Алфонсу д'Албукерки со всеми силами, что у него были, пошел войной на туземцев. Будучи изрядно побиты и приняв кару за убийство наших людей, они обратились с просьбой заключить мир. Он согласился удовлетворить их желание при условии, что они будут ежегодно выплачивать людям в крепости контрибуцию в 600 голов овец, 20 голов коров и 40 мешков фиников».

После того как карательная кампания была успешно завершена, Алфонсу д'Албукерки отплыл с Сокотры. В ноябре 1509 г. он стал вице-королем Индии и больше не возвращался на остров. Гарнизон же еще год-два вел борьбу за существование, а потом, истощенный болезнями и недоеданием, убрался с острова. После этой первой зимы, когда португальский флот едва не унесло в море юго-западным муссоном, остров уже не использовали для зимней стоянки, хотя в последующие годы португальские корабли, бороздившие океан, время от времени заходили на Сокотру заправляться водой. Невзирая на тропическую жару, португальцы в своих шлемах и панцирях проникали везде, жгли и крушили, расширяя гра-

ницы великой португальской империи, которой вскоре суждено было умереть. Гоа, Ормуз, Аден, Малакка, африканские города подверглись ожесточенным атакам португальских конкистадоров.

Альфонсу д'Албукерки был одним из самых удачливых завоевателей. Он принимал участие в завоевании Малабарского побережья Индии. Долго просуществовала созданная португальцами в Индии колония Гоа (она была воссоединена с Индией только в 1961 г., а Португалия официально признала ее независимость лишь сейчас, после свержения фашистского режима). Д'Албукерки не дал проникнуть в Индию туркам-османам, два раза он обстреливал из своих пушек Аден. Под его командованием были завоеваны как Сокотра, так и Ормуз в Персидском заливе. Он заключил с эфиопами договор о помощи в борьбе против стран мусульманского мира, но это не помогло завоевателям: их удачи скоро прекратились.

Сейчас мало что на Сокотре напоминает о португальцах. От тех времен осталась мечеть, превращенная ими в храм Богоматери Победы, руины форта (по арабским источникам, махрийцы разрушили крепость после того, как ее покинули португальцы, и построили новую в другом месте), завезенные из Португалии апельсины (по сокотрийски они называются *тэнэжс*, что происходит от португальского *ларинжа*), а также некоторые названия: Галасуна, может быть, Калансия, гора Делафонте, расположенная к востоку от Сука (по-сокотрийски — Шек).

Сохранилось ли что-нибудь в памяти сокотрийцев от той далекой эпохи? Нет, местные жители не вспоминают о своем прошлом, и все исследователи приходят к выводу, что португальское нашествие было «проходным эпизодом» в истории острова. Однако мне довелось слышать от патриархов горных племен, которых я расспрашивал об их старых песнях, что не так давно в некоторых районах острова еще знали песни, где говорилось о том, что когда-то горцы жили в другом краю, где они были свободны, богаты и счастливы. Но затем их «за грехи» выселили из той благословенной земли и привезли на остров, где они и живут уже много лет. Откуда возник этот мотив в сокотрийском фольклоре? Может быть, португальцы в соответствии с принятой в средние века практикой ссылали на остров опальных подданных короля и

захваченных в плен пиратов? Мне рассказывали, что такие песни были распространены в районе Рас Муми — одном из наиболее недоступных участков острова. Именно там встречается близкий к европейцам тип жителей. Возможно, это потомки ссыльных португальцев.

Точно неизвестно, где махрийцы построили свою новую крепость в XVI в. Боттинг высказал предположение, что в районе холма Хасун в долине недалеко от Хадибо. Еще Томас Роу, посетивший остров в 1615 г., писал, что видел там форт, но ему не разрешили приблизиться к стенам. Стены эти, по словам Роу, казались очень толстыми, а сам форт был расположен на высоте, контролировавшей всю долину. Он был совершенно неуязвим. В 1956 г. П. Шинни пытался сфотографировать остатки стен и замерить их, но ему помешал страшной силы ветер, дувший на холме. По словам Шинни, скорость ветра достигала 96 км в час.

Португальская империя просуществовала недолго. Другие европейские державы стремились принять участие в захвате и дележе восточных богатств. Но Сокотре суждено было снова кануть в забвение — на этот раз на триста лет. Со второй четверти XVI вплоть до середины XIX в. почти ничего не известно об острове. Можно только предполагать, что именно в этот период относительной изоляции на Сокотре окончательно сложились те основные группы населения, которые мы сегодня там встречаем.

Глава VI

СУЛТАНЫ И КОЛОНИЗАТОРЫ

Разбитые португальцами махрийцы тем не менее не собирались распрощаться с Сокотрой навеки. Хадрамаутский летописец Шанбаль сообщал, что в 1509—1510 гг. в Кишне умер «шейх родов ат-Тау'ари и аз-Зувейди». Р. Б. Сэржент предположил, что речь могла идти о сыне того шейха из группы родов ат-Тау'ари, который был убит португальскими завоевателями в 1507 г. (португальские историки, описывавшие взятие махрийской крепости, называли его «хаваджа Ибрахим»). Другие сыновья того же шейха в следующем году (т. е. в 1510—

1511 г.) совершили рейд на Сокотру, нанеся удар по португальскому форту. Об этом также сказано в «Хронике Шанбалья»:

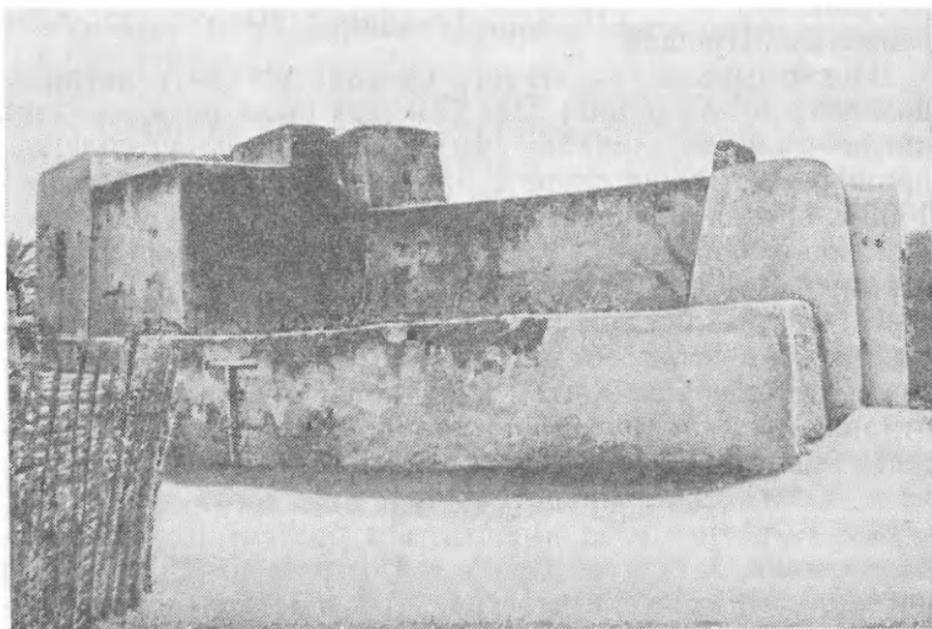
«В этом году Хамис и Амр, сыновья Саада бен аз-Зувейди, совершили набег на Сокотру, которая была тогда в руках франков. Они вошли в страну и заключили с ними (видимо, с сокотрийцами? — В. Н.) договор, но франки пошли против мусульман и стали биться с ними. Около десятка неверных было убито, мусульмане одержали верх над ними и захватили часть их имущества...»

В связи с этим сообщением Сэржент вспоминает, что, по словам португальского автора Кастаньеды, португальцы оставили форт по единственной причине, которая заключалась в следующем: «Население страны в общем более дружелюбно относилось к маврам, чем к нам, и часто восставало, когда мавры приходили с войной». Возможно, что это определение мотивов ухода португальцев несколько преувеличено, но, так или иначе, найти общий язык с местным населением им не удалось.

Вскоре также пошатнулось господство Португалии в районе Персидского залива, и слава первой морской державы, вытеснившей из этого региона арабских, персидских и индийских мореходов, померкла. Первый сильный удар португальцам здесь нанесли войска султана Омана Насера бен Муршида бен Султана (он правил Оманом в течение двадцати четырех лет, начиная с 1624 г.). Султан Насер вынудил португальцев, находящихся в этом районе, платить ему джизью (налог, которым мусульманские правители облагали немусульман), изгнал их из ряда пунктов и ограничил их торговлю.

Итак, в 1511 г. португальцам пришлось покинуть Сокотру, и с тех пор главными хозяевами острова стали махрийцы. Крепость была отстроена заново, а церковь Богоматери Победы разрушена. Махрийцы основали династию султанов, которая правила островом вплоть до революции 1967 г. Постепенно они начали вытеснять коренных жителей в горы, прежние обитатели прибрежных районов смешались со скотоводами-горцами. Вскоре махрийская колонизация была завершена, и остров пришел в то состояние, в каком мы находим его сейчас.

Власть в султанате Махры и Сокотры (или Кишна и Сокотры, как еще называлось государство махрийских султанов) переходила по очереди от одной ветви мах-

В Хадибо

рийского племени «бану зийад» к другой. Столицей султаната был город Киши в Махре (теперь шестая провинция НДРЙ). В Махре также находились другие крупные города султаната: Сейхут, Гайда (ныне столица шестой провинции НДРЙ). С некоторого времени султан постоянно жил на острове Сокотра, а в Кишне его замещали родственники. Султан редко выезжал с острова, разве что на паломничество в Мекку. Из стран Восточной Африки доставляли рабов для работы и военной службы и рабынь для гарема и домашней работы.

В 1834 г. лейтенанты индийского колониального флота Уэлстед и Кратенден совершили с моря первое обследование и топографическую съемку острова. В своем рапорте они отозвались об острове благоприятно, и британское правительство решило создать там базу для заправки углем кораблей, идущих в Индию. Султану предложили продать остров британской короне. Однако султан отказался продавать то, что, по представлению махрийцев, было даром божьим. На переговорах с англичанами султан сказал главе английской группы: «Мы оба должны выполнить свои обязанности: ты — перед своим пра-

вительством, я — перед своим племенем, Аллах тому свидетель. Прощай».

После отказа строптивного султана уступить англичанам остров по сходной цене Сокотра была оккупирована английскими колониальными войсками, но угольно-заправочная станция скоро стала ненужной, так как в 1839 г. англичанам досталась добыча более крупная: английской колонией стал Аден. Вскоре англо-индийский гарнизон, страдая от малярии, покинул Сокотру. В 1876 г. англичане заключили с султаном договор, в соответствии с которым султан обязался гарантировать защиту грузов и пассажиров британских кораблей на острове, не отдавать остров другой иностранной державе и не разрешать иностранцам создавать там поселения без согласия на то британского правительства. Еще через десять лет, в 1886 г., остров стал именоваться протекторатом Великобритании, а султан Кишна и Сокотры избрал его для постоянного местожительства. Английские авторы, отстаивая интересы британского колониализма, пишут, что Сокотра «вряд ли могла сохранить независимость», что ей была уготовлена судьба зависимого «подзащитного» государства, так как султанат не имел своей армии, союзников, денег, население его было малочисленным и он все равно не выстоял бы один перед лицом любого другого государства. Однако колонизаторы ничего не дали Сокотре, лишь сохраняя ее за собой как резервный стратегический пункт на случай войны или других обстоятельств. Вся «помощь» Великобритании ее сокотрийским «подзащитным» ограничилась редкими подачками островитянам в случае голода и эпидемий — посылкой партии лекарств или продуктов.

В конце XIX в. остров снискал репутацию одного из самых опасных мест для проходящих пароходов. Особенно опасным было плаванье близ Рас Муми, так как скорость течения и сила ветра там чрезвычайно велики. Судна, которые плывут из Суэца в Индию, специально предупреждают, чтобы они дальше обходили восточную оконечность Сокотры. Сочетание течения и ветра может привести к тому, что судно с силой бросит на скалистый берег, который к тому же неизменно окутан туманом и облаками. Под водой скрываются страшные рифы, грядой выходящие от мыса в море. Много кораблей потерпели крушение и затонули, напорвшись на эти рифы. Два

наиболее крупных кораблекрушения произошли в конце прошлого века.

В 1887 г. в ночной темноте германский пароход «Одер» налетел на рифы у Рас Муми. На борту находился тигр, которого везли в Берлинский зоопарк. Когда оставшиеся в живых покинули борт корабля, тигр выбрался из клетки. Аборигены долго ждали на берегу, надеясь пробраться на корабль и поживиться брошенным имуществом, но тигр все ходил по палубе, будто страж, худея на глазах, но продолжая рычать. Когда они, наконец, все-таки забрались на судно, от тигра остался лишь скелет, обтянутый кожей.

Через десять лет на том же месте произошла еще более страшная катастрофа. Первокласное почтовое судно «Аден», водоизмещением 3925 тонн, перевозившее 138 пассажиров, экипаж и ценный груз (чай, олово, шелк, а также почту) вышло из Коломбо в начале июня в разгар довольно сильного юго-западного муссона. Судно уже запаздывало на 27 дней, когда в прессе появились сообщения о том, что «неизвестный пароход в опасном состоянии наблюдали у восточной оконечности Сокотры». На следующий день, во время празднования юбилея королевы Виктории, новости получили подтверждение. «Аден» потерпел крушение, приведшее к большим человеческим жертвам. За многие годы забвения название острова стало объектом внимания многих стран. Празднование юбилея королевы было омрачено трагедией, а в английском парламенте начались дебаты о ее причинах. Почему на Сокотре не построен маяк, коль скоро мимо острова пролегалла оживленная судоходная линия? Сама королева выразила соболезнование семьям погибших.

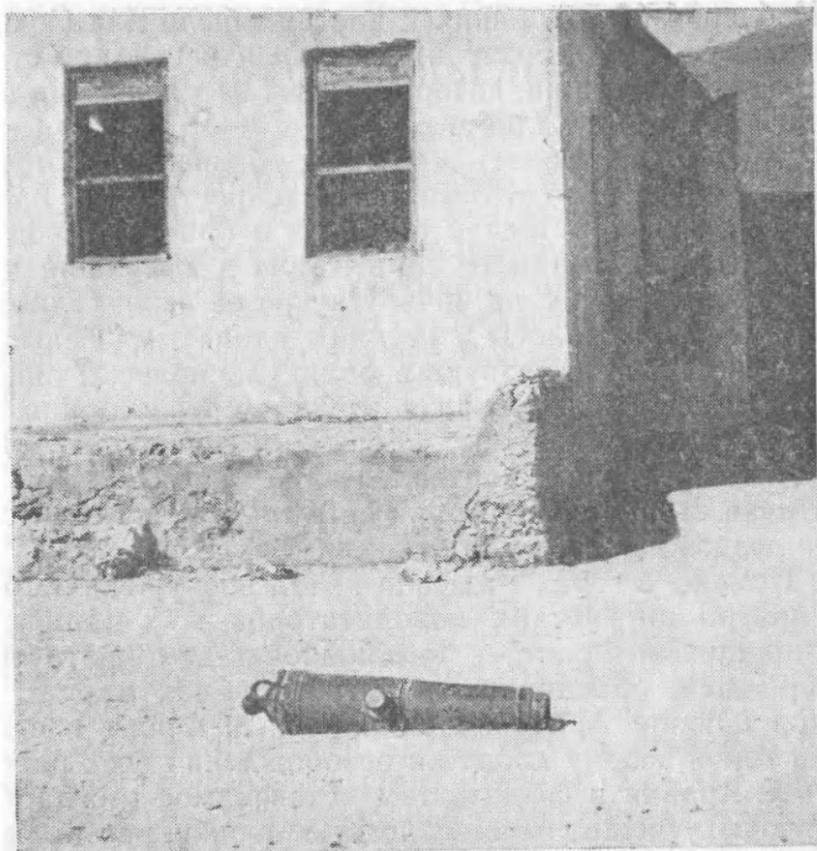
«Аден» налетел на скалы Рас Муми ночью 9 июня 1897 г., не имея возможности сориентироваться и разглядеть что-либо, поскольку двое суток все было закрыто густым туманом. И только 26 июня были спасены немногие оставшиеся в живых, которым удалось продержаться на обломках, — девять пассажиров, три офицера и четыре матроса-индийца. Всего погибло девяносто три человека.

Во время второй мировой войны на Сокотре находилась английская военно-воздушная база. После окончания войны база была эвакуирована за ненадобностью.

Покидая Сокотру, англичане забрали с собой все, что было на базе, даже единственный на острове движок. Только обломки самолетов да остатки сложенных из необработанного камня казарм остались на острове.

Когда у меня в руках оказалась фотография последнего султана Сокотры — Исы, я долго рассматривал султанскую, худощавую фигуру правителя. Султан был запечатлен во время возвращения из паломничества в Мекку к мусульманским святыням. На нем длинное белое одеяние и белая *куфийя* (головной платок), которую удерживает *укаль* (головной обруч) черного цвета, — так же одеваются саудовские короли. Рядом с султаном — лысый, обнаженный по пояс негр мощного телосложения. Это Абдалла, телохранитель и палач султана. Сокотрийцы рассказывали мне, что серьезные экзекуции происходили на острове довольно редко. Суровым наказанием считалось отрубить кисти рук — наказание, предписанное исламом за воровство, и смертная казнь, которую ислам предписывает производить путем постепенного отрубания головы (именно так на центральной площади столицы Саудовской Аравии эр-Рияда совсем недавно при огромном стечении народа был казнен убийца короля Фейсала — эмир Фейсал). Боттинг сообщал, что смертная казнь на острове была очень редка и что султан обычно назначал способ казни, соответствующий преступлению, исходя из древнего кодекса — око за око, зуб за зуб: задушившего приговаривали удушить, перерезавшего горло — зарезать. Незадолго до прибытия на остров Оксфордской экспедиции в Хадибо был публично удушен бедуин, из ревности задушивший свою жену.

В периоды засухи и голода у Абдаллы было много работы — страдавшие от голода островитяне воровали, несмотря на угрозу страшного наказания. Сокотрийцы рассказывают, что на экзекуцию собирали все население Хадибо. Абдалла захватывал и выворачивал предплечье приговоренного, а затем обыкновенным ножом медленно резал кожу, затем ткани и кость, отделяя кисть правой руки. После этого он окунал обрубок в кипящий рыбий жир. Жители острова уверяют, что казнимый не только не терял сознания, но не издавал ни звука и даже улыбался — бедуины народ гордый. Отрубленные кисти привязывали к шесту и вывешивали на площади. Такой жестокий способ наказания до сих пор применяется в не-

*К стволу этой старинной пушки
на центральной площади Хадибо
привязывали жертв экзекуции*

которых наиболее отсталых и консервативных мусульманских государствах Арабского Востока. Если одорукий совершал кражу вторично, ему отрубали и кисть левой руки. Говорят, что наказанных за воровство высылали в Мукаллу (порт в Хадрамауте) или в Маскат, однако по другой версии, их отправляли обратно в горы. Тем не менее ни членам Оксфордской экспедиции, ни мне не довелось встретить на Сокотре безрукого человека. Впрочем, в условиях острова такой человек был обречен на скорую гибель. Но в одной из провинций НДРЙ я видел йеменца, ездившего на заработки в Саудовскую Аравию. В 1973 г. тамошние власти обвинили его в серьезной краже и, лишив обеих рук, отправили из страны обратно в Йемен.

Избиения провинившихся плетью были для Сокотры обычным делом. Жертву привязывали к стволу старой португальской пушки, которая до сих пор лежит на центральной площади Хадибо.

Сурово наказывалась женщина, обвиненная в проституции, которая довольно широко распространена на острове. Женщину обнажали до пояса и бичевали, вода по улицам города. Затем ее сбрасывали в высохший колодец и оставляли там на ночь. Наутро ее извлекали оттуда и смазывали волосы и ресницы ядовитым белым соком эуфорбии. Сок разрушал фолликулы волос, и они выпадали. Если сок попадал в глаза, жертва слепла. Наказанных высылали в Мукаллу, где и сейчас еще можно встретить безбровую и безволосую женщину.

Новая страница в истории острова, начинающая путь к его возрождению, была открыта в октябре 1963 г., когда в Йемене, в горах Радфана начал вооруженную борьбу против английских колонизаторов и их марионеток Национальный Фронт — революционно-демократическая организация, объединившая в своих рядах многих патриотов Южной Аравии. Национальный Фронт поставил перед собой задачу добиться освобождения всех районов Южной Аравии и создать там независимое государство. Патриоты успешно вели нелегкую борьбу против колонизаторов, которые использовали в военных действиях самое современное оружие, танки, артиллерию, авиацию. В июне 1967 г. бойцы Национального Фронта в течение двадцати дней удерживали центральный район Адена — Кратер, не допуская туда англичан. Был освобожден также эмират Дали, а к сентябрю патриоты контролировали практически все эмираты Южной Аравии, за исключением карликовых государств, расположенных в районе Хадрамаута и Махры. К 29 ноября территория Южной Аравии была полностью освобождена, а 30 ноября под натиском бойцов Национального Фронта, прибывших на Сокотру из Махры и Хадрамаута, и поддерживавших их жителей Хадибо пал последний султанат Южной Аравии. Освобожденная Сокотра вошла в состав провозглашенной в тот же день Народной Демократической Республики Йемен. С тех пор 30 ноября празднуется в НДРЙ как День независимости. За годы прогрессивного независимого развития во всей Южной Аравии и на Сокотре произошли большие изменения.

СОКОТРИЙЦЫ ДОМА

Все дома жителей прибрежных районов острова построены по одному принципу. Участок, где располагаются жилые и хозяйственные помещения, обнесен либо стеной, сложенной из ракушечника, либо изгородью из пальмовых веток. В домах побогаче в каменную стену вставлены деревянные двери. Войдя за забор, видишь маленький домик, сложенный из того же ракушечника, обмазанного глиной, или *нурой*. Часто он состоит всего лишь из одной жилой комнаты (*дарфин*) да кладовой (*махзан*), в которой хранятся продукты. Полы застланы пальмовыми циновками — *хасыр*, на циновках — кипа шерстяных одеял, в которые заворачиваются во время сна жители всего юга Аравии. Эти одеяла, по-арабски *шамля*, можно встретить на рынках Адена, Мукаллы, Сеюна и других городов Южной Аравии. По-сокотрийски такое одеяло называется *халхель*. Делают его из козьего волоса и овечьей пряжи, ткут неширокую полосу на примитивных домашних станках. Каждое одеяло сшито из таких полос шириной около пятнадцати сантиметров, длиной — метр восемьдесят сантиметров. Размер среднего одеяла 120×180 см, но я слышал, будто один английский морской офицер купил в Хадибо одеяло длиной в пятнадцать метров. Большинство одеял черные и серые, но иногда по бокам они украшены полосками из крашеной шерсти. *Шамли* используются и как ковры, и как одеяла.

Кроме одеял, циновок да нехитрой утвари вроде *мусфи* — корзин из пальмовых листьев (по-арабски *замбиль*) — в комнате часто ничего нет.

Рядом во дворе стоит еще один маленький домик, всего в одну комнату. Это *мухазра* — помещение для приема гостей. Напротив — кухня, умывальня и туалет. А в углу двора — небольшой огорожок, и рядом с ним — открытый колодец. На некоторых участках растут одна-две пальмы. Все, что огорожено стеной, сокотриец именует *ко'эр* — «дом».

Кроме этого типа жилища встречается еще один, завезенный сюда из глубин африканского континента:

круглая хижина, целиком сплетенная из пальмовых веток и листьев. На Сокотре она называется *стэрэ*. Я встречал целые деревни, состоящие только из *стэрэ*, в которых живут выходцы из Африки.

Пальма — основной материал не только для изготовления утвари, но и для строительства. В домах, построенных из ракушечника, пальма используется для постройки крыши. Сначала на стены сверху устанавливают перекладыны из стволов дерева *митерер*, а на них кладется сетка, сплетенная из пальмовых веток, — *зифна ди миджрюд*. Ветки связываются веревкой *хатми*, тоже изготовленной из пальмового волокна. Настил из стволов *митерера* и пальмовых веток образует крышу дома.

Довольно часто мне приходилось бывать в доме учителя Абдаллы. Попал я туда из-за собственной беспечности: приехал на остров с его натуральным хозяйством без запаса провизии. Пока я раздумывал, как решить «продовольственную проблему», гостеприимные хозяева — власти Сокотры — поставили меня на довольствие к единственному на острове повару, который обслуживал... тюрьму, готовя пищу заключенным. Тюремная пища мне понравилась: каждое утро повар-негр приносил мне *хубз* — лепешку из грубой муки, в обед кашу из рисовой сечки и жареную рыбу, иногда даже мясо. Однако вскоре сокотрийские власти решили проявить обо мне еще большую заботу. Один из сотрудников губернатора объяснил мне, что повар, конечно, неплох, но руки моет редко, поэтому меня отправляют столоваться к лучшему кулинару острова — учителю Абдалле, приехавшему двенадцать лет назад на остров из Хадрамаута. Абдалла оставил первую семью в Мукалле, женился на сокотрийке, остался здесь насовсем. В местной школе Абдалла преподавал основы мусульманской религии — «закон божий». Так я стал посещать дом старого Абдаллы три раза в день, получив возможность наблюдать хотя бы немного «внутреннюю жизнь» сокотрийцев.

Хотя семья Абдаллы, как и большинство других сокотрийских семей, еле сводила концы с концами, все-таки питались в этом доме хорошо. Войдя в дом, мы совершили традиционный обмен приветствиями и, наконец, уселись в углу комнаты, опершись о подушки, прислоненные к стене. Оглядевшись, я увидел традиционные для

Резная дверь в Калансии

любого дома циновки, одеяла, около окна — транзистор. С потолка свешивалась веревка, поддерживавшая большой лоскут ткани, свернутый вдвое. Это местная колыбель. Сыну Абдаллы Ахмеду уже пять лет, но он все еще спит в такой люльке. Дверь из комнаты распахнута во внутренний двор, где сейчас кипит работа. Миловидная молодая жена учителя, присев в углу, растирает к обеду *бисбас* — острый красный перец, без которого для жителя материка немыслима никакая еда. *Бисбас* закладывают между двумя камнями и трут, пока он не превратится в кашу. На костре из деревянных чурок варится в горшке рис. Вся посуда в доме глиняная, местного изготовления.

Боттинг писал, что их экспедиция проявляла большое внимание к гончарному ремеслу на острове, видимо, весьма древнему. Члены экспедиции отмечали, что в пещерах горцев нет ничего, кроме козлиных шкур да глиняных горшков. Однако экспедиции не удалось собрать достаточно материалов по развитию гончарного дела у островитян. Я зарисовал форму сосудов во многих домах сокотрийцев, записав назначение каждого. Почти в каждом доме на острове есть *сафлаха* — большая глиняная кастрюля, в которой варят рис и мясо. Воду носят в *гисфа* — небольшом кувшине с узким горлом. *Кер* — маленький сосудик с ручкой и носиком служит для приготовления кофе и чая. Из глины сделана также и *сафия* — большой сосуд для мытья, стоящий на полу. Иногда в этом сосуде варят *марак* — бараний бульон. В доме также обязательно есть *сирбад* — большой горшок для хранения воды. *Фули* — кастрюля, по форме похожая на *сафлаху*, используется для кипячения молока. В одном из глубинных районов острова я видел еще *маальяка* — деревянную ложку, используемую в хозяйстве, хотя едят все жители юга Аравии только руками.

Интересно, что глиняные сосуды изготовляют не везде, а только в определенных селениях. Жители Калансии, по моим наблюдениям, привозят глиняные горшки из Хадибо, так как в городе рыбаков Калансии этого промысла нет. Молодой рыбак, ездивший на заработки в Хадибо, на строительство дороги, возвращался со мной на военном грузовике в Калансию и каждый раз при особо сильном толчке хлопал меня по колену и просил держаться в сторонке от его драгоценных горшков, которых

Женщины за изготовлением горшков

дожидается дома его жена. Выполнить эту просьбу было трудно, так как в пропыленном кузове пассажиров набилось как сельдей в бочке, — а по дороге подсаживались все новые и новые: доехать на машине до самой Калансии — редкая роскошь.

Горцы Сокотры тоже выделывают горшки, но гончарный круг им неизвестен, и они вручную лепят свою посуду из глины, а потом обжигают над огнем.

Вот и сейчас на огне во дворе Нур, жены Абдаллы, дымилось вкусное варево в большой *сафлахе*.

— Я жил на острове еще при султানে, — рассказывает мне Абдалла. — Когда женился здесь, совсем стал сокотрийцем. Жизнь тут спокойная, но трудно все же. Часть моего маленького жалованья приходится высылать первой семье в Мукаллу.

Часто случается, что на остров долго ничего не привозят. А ведь без риса, без муки и сахара не проживешь!

Абдалла показывает мне детишек, которых родила ему Нур — Ахмада и Фатхийю. А через некоторое время

Маленькая Фатхийя, дочь Абдаллы

несут обед. Сначала на пол стелют большую круглую пальмовую циновку — *меряхт*, затем на нее ставят блюдо с рисовой сечкой — *кас-касом*, поверх которой лежат куски баранины. Сполоснув руки, мы, т. е. одни мужчины, садимся вокруг циновки, и каждый приступает к еде, набирая в горстку рис со своего края, предварительно одобренный подливкой из красного перца. Острую пищу запивают водой. Мне хозяин приносит баранью голову—здесь

это считается большим лакомством. Абдалла торжественно разделяет голову, протягивает мне сначала глаза барана, затем язык, отрезав от него кончик, и, наконец, уши. После обильной трапезы на блюде видны только обгрызенные кости да немного риса. Блюдо уносят во двор, где остатками будут обедать женщины — увы, такова мусульманская традиция.

На следующий день я с интересом наблюдал, как Нур мелет зерно на каменной зернотерке. Этот примитивный способ сохранился на Сокотре, вероятно, еще с первобытных времен. Работа нелегкая, но женщина проделывает ее с изяществом и ловкостью. Зернотерка, в сущности, — два камня. В центре нижнего — большого и круглого, с ровной поверхностью — намертво закреплена палочка, на которую надет другой, меньший камень с дыркой в середине. Ровные поверхности обоих камней трутся друг о друга, как жернова. У края верхнего камня выдолблена еще одна дырка, поменьше, в которую вставлена длинная ручка. За эту ручку Нур методично вращает верхний камень по нижнему, изредка подсыпая через отверстие в центре пригоршни зерна. Зернотерка стоит на круглой пальмовой циновке, на нее сыпается мука с краев камня.

Нур смущена моим вниманием: непривычно, чтобы чужой мужчина разглядывал женщину за таким сугубо домашним занятием. Она то скромно опускает глаза, то исподтишка быстро поглядывает на меня и, наконец, спрашивает:

— Что, твоя жена так не растирает зерно?

— Нет, — отвечаю я несколько растерянно, — в Адене всегда можно купить готовую муку.

— Хорошо в Адене, — вздыхает Нур, продолжая энергично крутить жернов. Теперь, кажется, между нами установилось взаимопонимание.

После первого знакомства с сокотрийским домом у меня вскоре состоялось второе. Вместе со своими друзьями из военного гарнизона в Моури, куда я приехал их навестить, я получаю новое приглашение.

Наш «лэндровер» бросает из стороны в сторону, вези машину ночью по каменистой дороге, соединяющей Моури с деревней Кедах на северном побережье острова, нелегко даже такому опытному шоферу, как Хасан. Мы едем в гости к жителям Кедах, нас пригласила на ужин Халима — одна из самых почитаемых женщин деревни. Свет фар вырывает из мрака причудливые пейзажи острова — спутанные ветви кустарника, напоминающего мотки колючей проволоки, разбросанной на желто-красной поверхности равнины, бутылкообразные деревья, с их блестящими серо-коричневыми стволами, над которыми торчит масса лишенных листьев веток. Изредка в полосе света мелькают изящные в серо-белых полосах

Сокотрийское приветствие

фигурки ослепленных фарами «мускусных котов». Наконец, лучи фар упираются в невысокую стену, сложенную из камней, скрепленных глиной, — это «крепостная стена» Кедаха. Мы выходим из машины под возгласы: «*Алкахаб!*» («добрый вечер») — нас встречают. При свете фар встречающие — тут и мужчины и женщины — здороваются с приезжими за руку, а с Амером по-сокотрийски: соприкоснувшись несколько раз носами. Касание носами обычно троекратное, родственники, прежде чем потереться носами, прикасаются носом к руке друг друга, между кистью и локтем; в знак особого почтения младший родственник, склонившись, дотрагивается носом до колена старшего. Так же приветствуют друг друга в некоторых племенах юга Аравии и Персидского залива.

Мы выключаем фары и оказываемся в полной тьме. Твердая, горячая рука берет меня за руку — нас ведут в деревню.

Хижины жителей Кедаха, как и большинство домов прибрежных и равнинных районов Сокотры, сложены из камней, скрепленных глиной, под пальмовой крышей. Скрипит деревянная калитка, и мы входим в маленький дворик, где все приготовлено для праздничной трапезы. Двор застелен циновками, у стены несколько подушек — это место для гостей. Начинаются приветствия.

— *Алкахаб. Биси бикин гоэр?* — говорит нам хозяйка дома Халима, симпатичная женщина лет сорока. Это означает: «Добрый вечер. Нет ли среди вас больных?» — сокотрийцы всегда задают этот вопрос, приветствуя гостей. Уверив хозяйку, что мы абсолютно здоровы,жимаем руку Марьям, молодой сокотрийке с большими выразительными глазами. В ушах у Марьям две огромные серебряные серьги кольцами. Волосы сзади стянуты в два пучка и перекинуты на грудь. Женщины здесь держатся свободно и непринужденно. Это понятно. Ведь здесь, на Сокотре, женщина выполняет все основные виды хозяйственных работ. Она пасет и доит овец и коз, носит воду из колодца, готовит пищу, сбивает масло, растирает на камнях зерно, воспитывает детей, тклет *шамли*.

Мужчины тоже пасут скот вместе с женщинами, ловят рыбу, а летом собирают финики, поднимаясь по стволу с помощью сплетенного из пальмовых листьев пояса, обхватывающего спину сборщика и дерево. Мужчины

также строят хижины, но и тут им помогают женщины. А местные хижины приходится перестраивать довольно часто, рассказывают мне хозяева, так как в сезон дождей часть глины, скрепляющей камни, смывается, и многие дома разваливаются. Ведущую роль сокотрийской женщины в хозяйстве отметил еще Ахмад ибн Маджид, лоцман Васко да Гамы, описывая свое посещение острова.

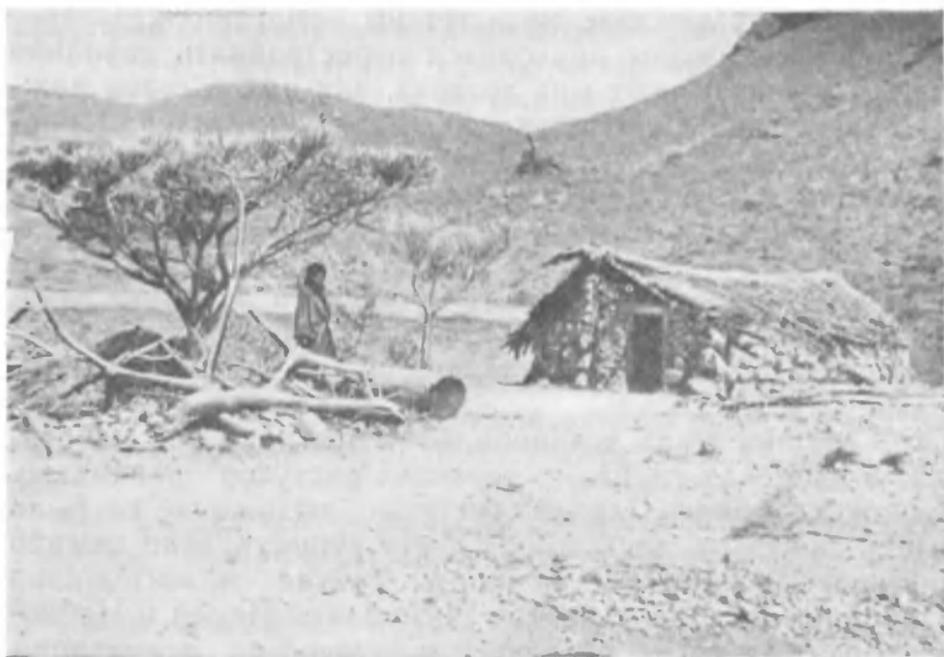
Не случайно и в поверьях островитян женщине отводилось особое место: она часто наделена сверхъестественной силой, связана с таинственными джинами и духами.

Женщина была хозяйкой дома там, где она работала: в племенах горцев, в деревнях пастухов равнинных районов острова. Однако при этом положение ее было очень тяжелым, поскольку в быту существовало немало обычаев, унижающих женщину. Сейчас правительство Народной Демократической Республики Йемен и Национальный Фронт¹ — правящая политическая организация страны — ведут борьбу за раскрепощение женщины. На острове, в городах и поселках создаются женские комитеты. В Хадибо, где положение женщины было особенно трудным, она теперь играет активную роль в общественной жизни.

Сокотрийки, как и другие женщины Востока, имеют много детей. В недалеком прошлом на Сокотре, в частности в Хадибо, был распространен обычай отдавать детей на воспитание в бедуинские семьи. Некоторые семьи практикуют этот обычай до сих пор. Решение отдать ребенка в другую семью принимается родителями еще во время беременности. Ребенка забирают сразу же после рождения и выкармливают примерно до шести лет. Раньше сами бедуины отдавали своих детей на воспитание в другие семьи. Когда женщина принимала это решение, у входа в пещеру зажигали огонь, показывающий всем, что семья готова отдать ребенка.

После длительных приветствий и пожеланий здоровья мы устраиваемся у стенки, облокотясь на подушки, за-

¹ Национальный Фронт вместе с двумя другими прогрессивными партиями НДРЙ — Народно-демократическим союзом и Партией народного авангарда — после объединительного съезда, состоявшегося в октябре 1975 г., вошел в Объединенную политическую организацию — Национальный Фронт.

В селении Кадуб на северном побережье Острова

тем полукругом рассаживаются и хозяева, мужчины и женщины. Все женщины принарядились, они умашены благовониями: кожа натерта желто-зеленым маслом и ярко блестит при свете керосиновой лампы. Кисти рук и босые ноги разрисованы ярко-алой краской: черточками, точками, завитками. Эти узоры различны: они зависят от социального и семейного положения женщины. У замужней дамы полностью окрашены последние фаланги пальцев на руках, вверх от них идут линии, между которыми нарисованы ряды точек. Ступни тоже покрыты краской, а стопы над ними украшены точками. Сокотрийки любят украшения, нет ни одной из них, кто не носил бы серебра, те, что побогаче, надевают золотые безделушки. Серебряные браслеты на руке чуть выше локтя носят также дети, а в горах даже мужчины. На побережье мужчины не носят украшений. Зато женщины, кажется, решили компенсировать эту скромность обилием навешенных на себя побрякушек. И прежде всего бросаются в глаза серьги. Большие кольца с утолщением внизу, с замысловатыми перепонками, они так и оттягивают

ухо. А ведь у большинства женщин, сидящих с нами за трапезой, в мочке уха проколото по две дырки и в каждую вдето по две серьги! Я встречал на Сокотре женщин, у которых продырявлено по краю все ухо от мочки до верхнего края. А однажды в горах мне попала «рекордсменка»: в каждом ухе у нее висело по двенадцать серег, почти касаясь плеча! Одеты женщины в черные, темно-зеленые, желтые или красные платья, обшитые по краям серебряной ниткой. Платья широкие, они запахищаются и скрепляются вокруг талии поясом из металлических чешуек, заканчивающихся кольцом, на которое нанизано... несколько ключей. Обычных маленьких ключей, как от наших «английских замков». Эти ключи не имеют никакого практического назначения, так как замков здесь нет, но они — неременная часть женского наряда и предмет, приносящий счастье. У некоторых женщин у пояса позванивают несколько десятков ключиков. На руки надевают многочисленные браслеты — иногда по десять штук на каждую, кольца, на шею — цепочки из грубо обработанного серебра, которое привозят из Хадрамаута. В ноздре часто видна сережка-бусинка из золота. Многие, в том числе мужчины (особенно горцы), носят на шее амулеты, охраняющие их от «дурного глаза» или от болезней.

Завязывается разговор, который активно поддерживают женщины. Аромат благовоний смешивается с пряным запахом вареной козлятины: на кухне довариваются два козла, зарезанные специально для гостей, — ощутимый удар по семейному бюджету. Мужчины больше иронически посмеиваются, поглядывая на беседующих с гостями женщин, и лишь изредка вставляют несколько слов. Женщины рассказывают, как трудно им жить, как много приходится работать женщине, как было бы хорошо, если бы детям жилось лучше. Земледелия здесь не знают, как и в других районах острова, лишь у некоторых домов крохотные грядки, где растет немного овощей. В хижине Халимы почти пусто: на стенках висят круглые плетеные циновки, выполняющие роль обеденного стола, кое-какая домашняя утварь, на полу одеяла, несколько подушек. Странно видеть в этой лачуге швейную машину «Зингер», встречающуюся однако на острове довольно часто: сокотрийки сами шьют свои платья из материала, доставленного с материка, из Хадрамаута.

Вскоре приносят блюда с кашей из рисовой сечки, называемой здесь *каскас*, на *каскасе* дымятся куски мяса. Мы приступаем к еде. Гостям подкладывают лучшие кусочки: печень, язык. *Каскас*, политый бульоном, надо скатывать в шарики обязательно правой рукой и затем отправлять в рот: левая рука нечистая, ею мусульмане не совершают омовение, и прикасаться к пище ею нельзя. Я аккуратно складываю обглоданные кости на соломенный поднос, на котором стоит блюдо: ведь после ужина хозяева не выбросят их, они раздробят каждую косточку, тщательно высосут, а остатки еще выварят. Мясо, равно как и рис, здесь едят очень редко. Но сейчас мы пируем. Обильную еду запивают водой, потом подается чай с козьим молоком. К такой роскоши жители Сокотры стали привыкать недавно, поскольку и чай и кофе привозят с материка, а в горах и по сей день многие не пробовали ни того, ни другого.

После чая мужчины закуривают. Трубками служат берцовые кости барана, с одного конца в них набивают дешевый голландский табак, который завозится на остров хадрамаутскими купцами.

Халима рассказывает мне о своем походе в Хадибо — столицу Сокотры, когда там гостили советские моряки. Капитан научно-исследовательского судна «Изумруд», несколько дней стоявшего на рейде у берегов Сокотры, Станислав Александрович Плотницкий вряд ли в полной мере представлял себе, что означала для жителей острова, лишь за последние два года чуть-чуть приобщившихся к современной цивилизации, первая на острове демонстрация фильмов, которые привезли с собой на берег ребята с советского корабля. На центральной площади Хадибо, возле здания бывшего султанского дворца, на стене которого был прикреплен экран, прямо на земле рассаживались мужчины, а потом, когда уже начинался просмотр, за ними полукругом садились женщины. В течение трех дней смотреть на «живое зеркало» сходились даже скотоводы из отдаленных районов острова. Представьте себе такую картину: ветхое глиняное здание с решетками на окнах, покрытая песком площадь, от которой в разные стороны разбегаются узенькие, кривые улочки. Посреди площади валяется ствол старинной пушки из португальского форта XVI в., выполнявший при султанах роль эшафота, вокруг — разношерстная толпа людей,

Молодые сокотрийцы на борту «Изумруда»

большинство из которых понятия не имеют не только о далеком Советском Союзе, но и вообще о каких-либо краях дальше Хадрамаута, и — советские фильмы на экране! Особый успех имели картины о Великой Отечественной войне. Трудно поверить, что в наше время кино может вызывать такое изумление. Для островитян оно было вовсе не постижимым, женщины то и дело вскрикивали: «Йа Мухаммад! Йа Мухаммад!» («О Мухаммад!»). Этот возглас, обращенный к пророку, сокотрийцы издают по любому поводу: он может выражать и удивление, и радость, и ужас, и восхищение, а также служить заклинанием.

Халима, прослышав о «живом зеркале», вместе с другими жителями Кедаха шла в кино целых четыре часа. Теперь она рассказывает мне:

— Очень красиво было. Только сильно страшно, когда показали вот такого большого человека — голова у него с этот дом! Слава Аллаху, что недолго хоть, а то мы уж хотели убежать. А потом этот большой джинн явился мне ночью, только Мухаммад меня и охранил.

Этим «большим джинном» оказался... Олег Попов в фильме о советском цирке, который наши моряки показали островитянам. Это его простодушное лицо, крупным планом возникшее на экране, так напугало суеверных женщин.

Мы покидаем гостеприимный дом, женщины провожают нас до машины, приглашают приезжать еще: их гостеприимство, кажется, беспредельно.

Через несколько дней мы едем на восток, в сторону Рас Муми — восточной оконечности острова. Машины здесь ходят не часто, да и вообще первая машина на острове появилась лишь три-четыре года назад. По пути то и дело встречаются бедуины, которые, издали завидев на равнине машину, выходят на дорогу и машут руками, прося подвезти. Скоро наш открытый «лэндровер» набит до отказа, машина тяжело подпрыгивает на камнях, обдавая нас красной песчаной пылью. Мелкая пыль садится на волосы, набивается в брови и ресницы, превращая всех в сгненно-рыжих. Бедуины то и дело просят остановиться: с непривычки их все время тошнит. Еще и по сей день бедуины, спустившись с гор в долину или на побережье, пугаются автомобиля, так как видят его впервые. Тем не менее держатся они перед этим незнакомцем с достоинством. Один такой горец попался нам близ Рас Муми. Он увидел наш «лэндровер» на берегу моря (мы остановились, чтобы утолить жажду неподалеку, в пещере у пастуха). Старый сокотриец, гордо держа бритую голову, смело приблизился к машине. За ним робко следовала молодая жена в длинном зеленом платье, с ребенком на руках. Другой малыш, остриженный так, что на макушке торчал хохолок, а вокруг головы оставался лишь тоненький ореол волос, держась за руку матери, с любопытством разглядывал незнакомое «существо». Подойдя к машине, бедуин остановился у мотора и начал разговор, обращаясь к «лэндроверу»:

Мон е? Ми'о'о гедакк? («Кто ты? Откуда ты пришел?»).

Пришлось нам познакомиться с семейством с «пришельцем». Прокатившись вдоль берега, бедуины, видимо, остались довольны, хотя вслух своего восхищения не выразили.

По дороге на восток, в нескольких километрах от столицы, виднеется несколько домишек, построенных, вероятно, недавно. Возле них сидят под навесом из веток несколько бородатых людей. Они похожи на йеменцев, да и одеты все в *футы* — йеменские мужские юбки, а один даже в брюках. Выходим из машины, знакомимся: в самом деле — йеменская речь. Оказывается, что это та самая «группа развития», о которой я так много слышал в Адене. Так называют высланных на остров шулеров, которые в дешевых кофейнях Адена дочиста обирают за карточным столом приехавших в город и «загулявших» (т. е. слегка одурманенных катом, который жуют по праздникам все йеменцы) крестьян и других провинциалов. Правительство ведет борьбу с этой категорией людей и высылает мошенников на Сокотру, где они в течение нескольких лет должны рыть колодцы: воды на острове катастрофически не хватает. Бывшим шулерам привозят инструменты и еду (стоимость которой вычитают из их зарплаты). Чтобы не обижать, их назвали «группой развития острова». Наверное, мудрое решение. Шулеры угощают нас хорошим йеменским кофе, жалуется на свою судьбу, на скверное питание, на рисовую сечку, которую им привозят вместо риса, и вновь — в который раз! — принимаются подсчитывать, сколько времени им понадобится, чтобы закончить работу. Через несколько месяцев они вернутся домой.

Мне рассказывали, что в горах Рас Муми обитают люди, находящиеся на наиболее низком уровне развития и более других похожие на европейцев. Они белокожи, стройны, голубоглазы и светловолосы. Островитяне считают, что именно там живут самые красивые женщины острова. Однако горные районы Рас Муми труднодоступны, и мы откладываем путешествие туда, которое требует серьезной подготовки, на следующий раз.

Теперь на очереди — поездка в Калансию. Считается, что название Калансия происходит от города Валенсия (Валенсия) в средневековой Андалусии — мусульман-

ской Испании. Возможно, это название, как и многие другие на острове — Моури, Дишас, Галасуна, Муми, — принесли сюда португальцы. Однако другая версия возводит имя города к греческому «экклесиа». Калансия — второй по величине после Хадибо город Сокотры (сейчас здесь живет полторы тысячи жителей), расположенный на западной оконечности острова. Это город рыбаков.

Бросается в глаза безупречная чистота желто-рыжих глиняных построек и ослепительно белых стен домов, окрашенных *нурой* — известью местного производства. *Нуру* готовят из обломков коралловых рифов, которые здесь, так же как в Хадибо и в прибрежных областях Аравии, обжигают в круглых ямах, выложенных изнутри камнями. Куски кораллов перекладывают слоями пальмовых веток и поджигают их. Еще примечательны двери калансийских домов: деревянные, с красивыми резными накладками, которые украшены металлическими шишечками.

Калансия — крупнейший на острове производитель сушеного акульего мяса. Местные рыбаки с небольших баркасов — *хури* или *самбуков* ловят акул, называемых здесь *льхум*, тут же на берегу разделяют, вынимая внутренности и обрезая плавники, затем складывают в углубление, сделанное в земле, и заливают соляным раствором. Мясо солят и высушивают на солнце от одного до трех месяцев, пока оно не станет похожим на деревяшку: твердое, темно-коричневого цвета, несъедобное на вид. Для употребления в пищу куски сушеного акульего мяса распиливают и варят.

Из печени акулы вытапливается жир, которым смазывают лодки. Считается, что акулий жир хорошо останавливает кровь. Сокотрийские рыбаки продают свою продукцию и в Африку, и в Хадремаут, на рынках которого сушеное акулье мясо пользуется большим спросом. И в Хадремауте, и в прибрежных районах юга Аравии, а также в Восточной Африке акулье мясо — один из основных продуктов питания.

Акул ловят несколькими способами, вернее, с помощью различных снастей. Сети — по-сокотрийски *люй-ух* — на острове редки. Для ловли в основном используют перемет — *шакка*. Между двумя поплавками — *буя* — крепится веревка — *кайд*, на которой болтаются

несколько крючков — *эклъхэ*. Один из поплавков снабжен веревкой с якорем — *барруси*. Перемет с наживкой из рыбы на крючках оставляют на ночь. Утром рыбаки выходят в море на маленькой лодке — *хури*, чтобы проверить перемет, и собирают добычу. Акул также бьют с помощью *мсалля* — гарпуна с веревкой, его бросают в акулу, подплывшую к лодке, вокруг которой на воде разбросана приманка. Ударом по голове акул добивают и отвозят на берег.

В Калансии ловят также много другой рыбы. Иногда рыбакам попадаются гигантские морские черепахи. Этих безобидных животных осталось в мире не так уж много, но мясо черепахи и ее яйца здесь не деликатес, а обычная пища, которой семья может кормиться несколько дней. На берегу валяется много черепаших панцирей и черепов — это все, что остается от морских красавиц, достигающих в длину двух метров.

Когда-то прибрежные поселки Сокотры славились древнейшим промыслом сокотрийцев — ловлей жемчуга. Еще древние египтяне привозили из «страны Пунт» жемчуг. Сейчас искателей жемчуга на острове осталось немного. В весенне-летний сезон они выплывают в море на больших лодках, с которых опускаются на довольно большую глубину. Ныряльщик сначала осматривает дно моря сверху, опустив в воду жестяную банку, в которой вырезано окошко, прикрытое стеклом. Увидев жемчужницу, ныряльщик зажимает нос прищепкой из бараньего или коровьего рога, набирает в легкие побольше воздуха и, прихватив груз для ныряния, чтобы быстрее уйти на дно, стремительно бросается вниз. Наверху кто-нибудь страхует его, дежуря у веревки, которой ловец привязан к лодке. В целом сокотрийский жемчуг уступает по качеству бахрейнскому (т. е. тому, который вылавливают в Персидском заливе). Как правило, он мелок, крупные жемчужины почти не встречаются. Еще меньше среди улова жемчужин необычных оттенков: розового, голубого, золотистого, а самый дорогой сорт, так называемый черный жемчуг, попадаетея совсем редко. Ныряльщики продают жемчуг купцу-перекупщику, который, в свою очередь, переплавляет его аденскому купцу или ювелиру. С ловцами он часто расплачивается товарами и продовольствием, которые получает с материка. В результате искателям жемчуга достается лишь ничтожная

доля от рыночной стоимости жемчуга, который они добыли. Но все-таки на фоне общей бедности жителей острова уровень их жизни довольно сносен. Зато продолжительность жизни гораздо ниже: изнурительное ныряние без всяких вспомогательных приспособлений и длительное пребывание в соленой воде губительно сказываются на здоровье. У ловцов жемчуга портится зрение, трескается и изъязвляется кожа, от давления воды на барабанные перепонки болят уши, голова.

Раньше жемчуг находили, как рассказывают, в каждой десятой раковине, теперь он встречается гораздо реже. Когда ныряльщики узнают, что на остров приехал какой-нибудь чужестранец, они иногда предлагают ему купить у них немного жемчуга, надеясь выручить за него побольше, чем у скупщика. В Хадибо за мной долго ходил старик с воспаленными глазами, пытаюсь всучить мне горстку мелких, низкосортных жемчужин, аккуратно завернутых в красную тряпицу.

Знаменитый арабский путешественник Ибн Баттута (1304—1378) писал о ловле жемчуга в Персидском заливе:

«Когда наступает месяц апрель и месяц май, туда приходит много лодок, в которых находятся ныряльщики и купцы из Персии, Бахрейна и Катыфа. Каждый раз, когда ныряльщик собирается нырнуть, он прикрывает лицо маской, сделанной из панциря животного *гайлям*, то есть черепахи, а ноздри закрывает с помощью зажима, также сделанного из такого панциря. Затем он привязывает себя за пояс веревкой и ныряет. Ныряльщики различаются по времени, которое они могут провести в воде: одни могут пробыть там час или даже два, другие меньше. Когда ныряльщик достигает дна моря, он находит там жемчужницу, прилепившуюся среди мелких камней в песке. Тогда он либо отрывает ее рукой, либо откалывает железным ножом, который у него для этого приготовлен, и кладет в кожаный мешок, который висит у него на шее. Если ему не хватает воздуха, он дергает за веревку, это чувствует человек в лодке, который держит ее, и вытаскивает его на борт. У него забирают раковины, вскрывают их и вырезают мясо железным ножом. Если им повезло, они находят там жемчуг. Тут собираются все: и старые и малые. Султан берет себе пять штук, а остальные скупают находящиеся в лодках куп-

«Рамса» — ночное гуляние в Хадибо

цы, которым ныряльщики обычно должны, и они забирают жемчуг в счет долга...»

С тех пор мало что изменилось в положении ныряльщиков, которым приходится поднять со дна моря не одну тысячу жемчужниц, чтобы продать скупщикам пригоршню жемчуга.

Отведав акульею мяса с рисом, политым акульим бульоном, мы сидим в хижине калансийского рыбака Ахмада и слушаем рассказы о рыбацком промысле. Начался сезон ветров, и жизнь здесь сейчас замирает. Рыбаки не выходят в море, жители сидят по домам. Ветер достигает порой такой силы, что невозможно идти, навстречу несетя вихрь из пыли и мелких камней, сечет лицо, больно бьет тело. На морском атласе адмирала И. С. Исакова Сокотра в июне — августе выделяется среди прочих районов мира темно-желтым пятном: здесь дуют одни из самых сильных океанских востров. Сезон ветров, селей и засухи уносит немало жизней, не только животных, но и людей. В это время прекращается всякая связь с остро-

вом. Даже самолет может сесть на естественный аэродром в Моури только в редкие часы затишья, наступающие не каждый день с трех до пяти часов дня.

Несмотря на ветер, особенно усиливающийся с одиннадцати часов вечера, с наступлением темноты здесь раздаются звуки *таблей*, почти единственного музыкального инструмента островитян. Это молодежь собирается на *рамсу* — ночную пляску. Под ритмичные удары *таблей* и ладоней собравшихся, в полном мраке или же при свете луны юноши и девушки, опьяненные ритмом, танцуют, то двигаясь рядами навстречу друг другу, то расходясь, бешено притоптывая босыми ступнями. *Рамса* иногда продолжается до рассвета: работать все равно невозможно.

Глава VIII

НА СОКОТРИЙСКОЙ СВАДЬБЕ

С Ахмадом, молодым парнем из Хадибо, нас связывает старая дружба. Когда отец юноши Хамудеш серьезно заболел (у него, очевидно, была пневмония), помог только привезенный мной на остров пенициллин. Ахмад поведал мне, что давно хочет жениться — ведь ему уже двадцать лет, — да отец не позволяет. И вот наконец Ахмад пришел ко мне, чтобы пригласить на свадьбу: его давнее желание сбылось.

— Женитьба — дело серьезное и, наверное, требует большой подготовки? — спросил я юношу, когда мы уселись на пальмовые циновки и налили себе по чашке ароматного чая с козьим молоком и кардамоном.

— Да, чтобы жениться, надо встать на ноги: ведь придется содержать семью, — пояснил Ахмад.

— Но ведь у вас, на Сокотре, *махр* (выкуп за невесту) невелик, уж, наверное, десяток баранов у тебя набралось бы? — расспрашиваю я.

— Не только в *махре* дело, — ответил Ахмад. — Даже если бы у меня не хватало этих денег или баранов, я бы мог одолжить у родственников или у других людей — мы всегда помогаем друг другу, и мои родители многим

помогли. В крайнем случае я пошел бы за помощью в горы, к соплеменникам. Только пока я не смогу содержать семью и вести свое хозяйство, родители все равно не позволили бы мне жениться.

— А теперь отец согласен?

— Да, теперь он сразу согласился, даже пообещал заплатить за меня *махр*, — сообщил юноша. — Я было попросил приятеля пойти со мной к отцу, чтобы уломать его, но этого не потребовалось.

— Кого же ты выбрал, — поинтересовался я, — го-рянку?

— Да мне было все равно, кого выбирать, — просто-душно признался Ахмад, — лишь бы жениться, ведь я уже взрослый! А приятель посоветовал одну девушку, она дочь Хамдинну — *мукаддама* (вождя) племени Ка'рехи.

— Наверное, красивая девушка?

— Наверное, — охотно согласился юноша.

— А ты получил согласие родителей девушки и ее самой? Был у них?

— Что ты, я там не могу появиться до свадьбы, — ответил Ахмад. — Когда мой отец согласился, он позвал с собой моего приятеля и отправился к родителям девушки. Они говорили с отцом Фатмы, старым Хамдинну. Старик сначала заупрямился, сказал, что сомневается, пора ли Фатме выходить замуж. Он, мол, даст ответ только после того, как ее осмотрит *шибиб* и скажет, что девушку можно выдать замуж.

Позднее мне подробнее рассказали об этом обычае, принятом на острове. На Сокотре, как, впрочем, и в Йемене, часто женятся очень рано. Девушки выходят замуж в тринадцать-четырнадцать лет. Иногда родители выдают замуж десяти-двенадцатилетних девочек. Сами родители, как правило, не знают, сколько лет их дочери, и, чтобы определить, созрела ли она, приглашают опытную старуху, *шибиб*, каких много в каждом селении. *Шибиб* определяет, пришла ли девушке пора вступать в брак, а также удостоверяет ее девственность. Юноши в основном женятся в более позднем возрасте, но состоятельные семьи иногда женят и тринадцатилетних. Я встречал молодого человека лет под тридцать, у которого уже есть внук.

— Но отец уговорил старика, сказал ему, что я не *арби* и девушку не обижу, даже если она еще ребенок, —

продолжал Ахмад. — С этим можно и подождать, главное — жениться.

Арби — буквально «араб», но здесь это значит «чужак». Так называют всех приезжих на остров с материка. Чужаки часто приезжают сюда жениться на сокоотрийках. Дело в том, что *махр* здесь намного меньше, чем на континенте. Совсем недавно можно было жениться всего за пять динаров (один динар — чуть больше двух рублей) — заплати их семье девушки, и она твоя. Сейчас выкуп чуть больше, и жениться труднее, но все-таки проще, чем в Йемене. *Махр* до сих пор кое-где платится в натуральном виде — овцами и козами. Раньше бедная семья зачастую отдавала девочку в жены старику, предложившему хороший *махр* и богатые подарки всем членам семьи. Еще проще, чем с женьитьбой, обстояло дело с разводом: муж оставлял женщину и забирал обратно деньги или скот, заплаченные за нее; на них он мог жениться еще не один раз. До революции 1967 г. богатые купцы, владельцы рыбачьих лодок — *хури* и *самбуков*, родственники султана Бин Афрара жили с женой два-три года, а потом меняли ее на более молодую. Теперь новый закон о семье, принятый в НДРГ, запрещает возвращение выкупа, а также ограничивает двадцатью годами максимум разницы в возрасте между супругами. В Хадибо мне показывали старика, который был известен особой широтой в семейной жизни: он женился более шестидесяти раз! Завидев в моих руках камеру, старик вприпрыжку бросился к дому, прикрывая руками лицо: недавно у него отобрали и его лавки, и *самбуки*, которыми теперь владеют сами рыбаки, и старый греховодник боится всего на свете.

— Смотри, Ахмад, — говорю я парню, — может, тебе не стоит жениться на такой молодой?

— Не беспокойся, если *шибиб* не позволит, я к ней не прикоснусь, пока не подрастет, — уверяет Ахмад и продолжает: — Потом Хамдинну согласился, они договорились о *махре*, о подарках и о том, что свадьба состоится сегодня. Сегодня утром мать и брат увели девушку в гости и вернутся с ней только после захода солнца, чтобы она не видела приготовлений к свадьбе и ни о чем не догадывалась.

— А что будет дальше? — интересуюсь я.

— Часов в пять около дома ее будет ждать группа

мужчин. Один из них неожиданно набросится на нее, напугает, а другие начнут бить в *табли* и петь. Потом будет *тарьх* — обряд украшения девушки. Фатму введут в дом, женщины уложат ее в постель и сообщат о предстоящем замужестве. Примерно в течение часа женщины будут веселиться, петь, стучать в *табли* и рассказывать ей обо мне. Затем женщины уйдут, и с ней останутся только родственники.

— А если она не согласится? — спрашиваю я.

— В конце концов она обязательно согласится. Ведь все девушки рано или поздно выходят замуж, как же иначе? — убежденно растолковывает мне Ахмад. — А потом ей нужно будет выбрать двух свидетелей, которые вместе с моим отцом и приятелем пойдут к *кады* и подтвердят, поклявшись на Коране, что девушка согласилась выйти за меня замуж по доброй воле, самолично и без битья. Свидетелями могут быть родственники девушки, например ее отец. Тогда *кады* запишет нас мужем и женой.

И вот наступает праздничный вечер. У дома Хамдину собирается много народу, в одной стороне — мужчины, в другой — женщины. Отец Ахмада пригласил на свадьбу сына две группы музыкантов — *маальма* и *тэлюд*. *Маальма* знают арабский язык, они играют на флейтах, бьют в *табли* и распевают арабские ритуальные песни, предписанные мусульманским культом для исполнения на свадьбах. *Тэлюд* тоже играют на *таблях* и поют, но на сокотрийском языке, и поют они чудесные самобытные народные песни, которые сокотрийцы передают из поколения в поколение с незапамятных времен.

— *Уау, йе уау*, — твердят *тэлюд*, запевая очередной куплет, а весело отплясывающие гости вторят им и с силой бьют в ладоши, чеканя удары так, что оглушительные хлопки образуют вместе с грохотом *таблей* неповторимый ритмический рисунок. Вот несколько юношей, выстроившись в ряд, подпрыгивают на одной ноге под аплодисменты и возгласы окружающих. Воодушевившись, они изо всех сил вбивают босые ноги в пыль. Навстречу им двигается другой ряд, из девушек. Их движения грациозны, глаза скромно опущены вниз, шаги более медленны, девушки подрагивают плечами, колышутся красные, желтые, зеленые и черные платья, обшитые серебряными нитками, позвякивают многочисленные ук-

рашения. Долгий танец показался бы однообразным, если бы не волшебный ритм, который даже меня заставляет подпрыгивать на месте, хлопать в ладоши и трясти головой.

— Где же невеста? — спрашиваю я счастливого Ахмада.

— Она сидит дома вместе с дядей и матерью. — отвечает юноша. — Сегодня она не имеет права выйти из дому, да и завтра еще целый день просидит дома взаперти, а к вечеру я приду туда со своими подарками и только тогда проведу у нее первую ночь. Когда мы станем мужем и женой, то проживем в доме Хамдинну еще два-три дня, а потом я заберу ее к себе. Через несколько дней у нас дома будет еще один праздник, на который я позову только родственников и соседей, в том числе и всех соседских женщин тоже, тогда Фатма будет участвовать в торжестве вместе с ними.

Тем временем приносят угощение, и начинается пир. На циновки, расстеленные во дворе дома Хамдинну, ставят большие подносы, на которых дымятся горы риса, политого соусом из красного перца. Сверху — куски вареной козлятины. Мне достаются самые лакомые кусочки — глаза, язык и печень. Насытившись, гости переходят к чаепитию. Музыканты же продолжают играть: для них организуют специальную трапезу после полуночи.

В это же время, часа в два ночи, к девушке пойдут мужчины с женихом в сопровождении Хамдинну. Мужчины, оставшись у дверей, будут петь и стучать в *табли*. В комнату, где ждет оберегаемая дядей и матерью невеста, войдет только сам Ахмад. Он совершит *масх* — одадит будущую жену. Покрасовавшись перед Фатмой, он положит ей на голову денежную купюру — не менее десяти шиллингов. Это символ состоятельности жениха и его способности заботиться о семействе, его первый подарок невесте. Одновременно это несколько запоздалые смотрины. Мужчины будут еще веселиться до рассвета, пока не настанет время утренней молитвы, потом после краткого затишья и завтрака праздник продолжится вновь.

На другой день *гирефэ* — что-то вроде глашатая — оповещает о свадьбе всех женщин поселка, и после полудня все они под веселую свадебную музыку собирают-

ся во дворе невесты. Повеселившись, женщины переходят к торжественной процедуре сбора денег: каждая из них кладет на блюдо определенную сумму, а специально приглашенный писарь — *катиб* — записывает в тетрадку, кто сколько внес. Эти деньги пойдут родителям невесты. В этот день все женщины поселка, имеющие дочерей, возвращают матери Фатмы те деньги, которые она когда-то дарила в день их свадьбы, и добавляют еще кое-что от себя. Когда придет свадьба их детей, Фатма, если у нее к тому времени будет дочь, вернет долги, также добавляя от себя столько, сколько сможет. Эта добавка с новым «процентом» вернется к Фатме, когда придет черед ее дочери. Если у Фатмы не родятся девочки, ее не будут приглашать на сборы денег и возвращать долги придется ее матери. Ведь женщины, не имеющие дочерей, не вносят вклада: может быть, некому будет отдавать долг?

Писарь скрупулезно регистрирует все эти сложные расчеты, хотя, как мне говорили, женщины и без того держат их в памяти многие годы. Так узы взаимной помощи и поддержки связывают поколения сокотрийских женщин. В горах, где денег почти не знают, помощь оказывается в натуральном виде: баранами, маслом.

Вероятно, этот интересный обычай отражает ту большую роль, которую играет женщина в сокотрийском обществе, в его хозяйстве. Однако на свадьбе Фатмы я замечаю, что наибольшее беспокойство по поводу того, договорились ли с *гирефэ* и придут ли вовремя все женщины, проявляет отец Фатмы.

После того как женщины выполняют свой долг, их приглашают на праздничную трапезу. На циновки ставятся миски с жидким коровьим маслом, кружки с молоком, специально для гостей нарезаются бурдюки с набитыми туда еще летом, очищенными от косточек финиками.

В комнате у Фатмы лежит кучка серебряных украшений, подаренных ей родителями: по шесть-десять браслетов на каждую руку, ножные браслеты, несколько пар серег. Вечером Ахмад принесет свои подарки — *сабха*. Это платья различных цветов: желтое, красное, зеленое и черное, а также много благовоний, ароматических масел и притираний, сурьма, чтобы подводить глаза. Через день к Фатме соберутся соседки: посмотреть, какие подарки сделал ей муж.

Обычно, получив подарки от родственников, невеста после свадебного пира уточняет:

— И все эти вещи наши или «напоказ», чтобы люди видели?

Дело в том, что неимущая семья одалживает у родственников или друзей вещи, которые при гостях дарят невесте. Это и есть подарки напоказ — *ди фэнэ* (буквально «для лица»), чтобы гости не осудили семью за скaredность. После того как гости и соседи оценят подарки, разглядят, пощупают их и разойдутся по домам, вещи возвращаются их владельцам. Поэтому сейчас Фатма, узнав, что все дареное останется у нее, очень обрадуется.

Когда невеста впервые входит в дом жениха, там, по старинному обычаю, должны зарезать барана и плеснуть свежей, дымящейся крови у порога ей под ноги, так, чтобы она переступила через кровь, на худой конец, можно облить кровью косяк двери. Соседи проводят Фатму до дома жениха и проверят, соблюдены ли все обычаи...

Только через несколько дней, заглянув в дом Ахмада, я увидел его молодую жену. Девочка лет тринадцати, еще смущенная своей новой ролью, вынесла нам поднос с чаем. Юное лицо ее было смазано ароматичным желтоватым маслом, в одном из крыльев носа блестела золотая мушка, в ушах — большие серьги. Но уже теперь в ней заметна была та горделивость и статность, которые отличают женщин Сокотры.

Глава IX

У ГОРЦЕВ ХАГЬЕРА

Через несколько дней, рано утром я отправляюсь из Хадибо в один из самых труднодоступных районов острова — горный Хагьер. Путешествуем мы впятером: я, проводник Амер, офицер и двое солдат из местного гарнизона с рацией. Здесь может случиться всякое, говорит мне офицер, так как недавно из-под стражи сбежали несколько заключенных. Они укрылись где-то здесь, в горах.

Мы карабкаемся по склону, приступом одолевая очередную подъем. Из-за камней показывается группа лю-

Эти бедняки пришли на побережье за финиками

дей: старик с живописной седой бородой, в одной набедренной повязке, с большим самодельным ножом у пояса, пожилая женщина и молодая девушка удивительной красоты. Большие глаза, опущенные густыми ресницами, тонкий, чуть округленный нос, нежная смуглость кожи подчеркнута яркой зеленью платья, расшитого по краям серебряной ниткой. Девушка — ее зовут Сумма — погоняет осла с поклажей. Семья возвращается домой, в горы, из путешествия на побережье, где они заготавливали впрок финики: очищали их от косточек и складывали в козьи бурдюки. Этих запасов должно хватить до следующего сезона. Сумма не прячется от нас, держится независимо и смело. Амер заводит разговор, а Салех — сопровождающий нас солдат из Адена, с интересом разглядывает девушку, причмокивая языком: эта, кажется, подходит! Салех хочет жениться, а сокотрийки славятся своей красотой, и, что немаловажно для жениха, обладающего

Пещера горца

скромным доходом. — выкуп за невесту на Сокотре гораздо меньше, чем на материке. Позднее Амер рассказывал мне историю Суммы. Три года назад она вышла замуж за соплеменника, но вскоре после брачной ночи он уехал на заработки в один из эмиратов Персидского залива, и Сумма осталась одна. С тех пор от мужа нет никаких известий. Сумма сама ведет свое хозяйство, пасет коз и овец. Сумма может получить развод — теперь женщины часто поступают так, но она не хочет, уж лучше подождать, хоть одной и тяжело. Амер спрашивает, не пойдет ли она замуж за Салеха — посмотри, какой золотой парень! Сумма бросает быстрый взгляд на тощего Салеха:

— Нет, этот очень уж худ, он не остудит моего жара.

Видимо, для сравнения она оглядывает и меня и неожиданно изрекает:

— Вот этот еще, пожалуй, сгодится. Но я все-таки лучше подожду.

Еще несколько часов подъема, и мы попадаем в удивительно красивую горную долину. Неподалеку видны развесистые апельсиновые деревья, на которых висят громадные зеленые плоды. Внизу, в неглубоком ущелье,

журчит ручей. Здесь мы делаем привал. Апельсины на вкус оказываются похожими на лимоны, недаром арабы называют их *лим хали* — «сладкие лимоны». Закусив консервами, спускаемся к ручью напиться. Наклонившись над водой, вижу, как на дне копошатся пурпурные крабы.

Три часа спустя, поднявшись на плато Хагъера, мы, наконец, попадаем к месту жительства горных племен. Перед нами открывается величественный вид: зеленые долины, над которыми высятся белые скалы, где обитают только горные

Молодой горец

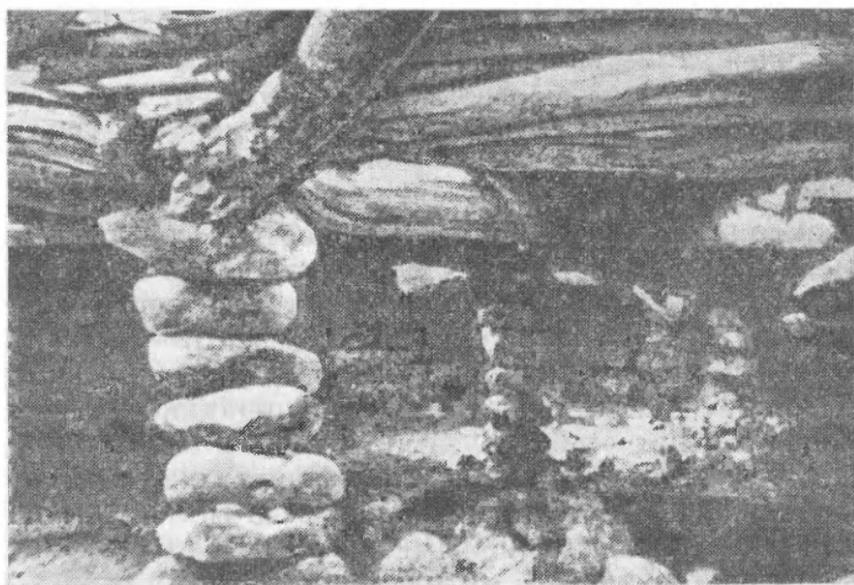
козлы да редкие пещерные жители. Условия существования горцев Сокотры весьма сложны. Неудивительно, что они непревзойденные ходоки: ведь целыми днями им приходится (босиком!) бродить и бегать по горам. Иногда они вынуждены со своим иском и скотом спускаться к побережью. Горец привык быть неприхотливым, он может спать где угодно — на камне, на песке, в пещере.

В горах Хагъера нередко бывает холодно, постоянно моросит мелкий дождь, порой на селение опускается облачная пелена, так что на расстоянии метра не видно ни зги. Одеты горцы лишь в набедренную повязку — кусок грубой, обычно грязно-желтого цвета материи, обернутый вокруг бедер и не достигающий до колен. Иногда на плечи накинут второй такой же кусок, но большей частью мужчины ходят обнаженными по пояс. Живут горцы в пещерах или в домах, сложенных из каменных валунов, причем не скрепленных между собой. Все убранство составляют несколько циновок да горшков, в очаге горит огонь. Натуральное хозяйство горцев

почти не знает обмена, они изолированы от внешнего мира отсутствием горных дорог — и у них нет даже спичек. Наверное, это одно из немногих мест на земном шаре, где огонь до сих пор получают первобытным способом: либо высекают ударом камня о камень, либо добывают трением двух палочек. Палочки сделаны из дерева, растущего только на Сокотре. В одной из них — небольшое углубление. Сидя на земле, горец зажимает кусок дерева между ступней и, вставив в углубление конец второй палочки, начинает быстро крутить ее ладонями сверху вниз, одновременно надавливая на нижнюю палочку. Вскоре нижняя деревяшка начинает тлеть, в сделанный сбоку ямки надрез подсыпают труху или сухой навоз — и костер готов. Вся операция занимает у горцев не более двух минут. Признаюсь, я долго пытался научиться получать огонь таким путем, растер в кровь руки, но только после десятиминутного трения над моей экспериментальной установкой начал куриться дымок.

Удивляют жилища горцев, сложенные из камней. Камни довольно большие, кажется, что поднять их вручную невозможно, и вовсе не понятно, почему все это ненадежное сооружение не разваливается на глазах. Однако каменные хижины стоят весьма прочно. Мы заходим в один из таких «домов». Вместо дверей — прямоугольное отверстие. Внутри всего одна «комната», пол застлан соломой, у стены — нехитрая утварь. Снаружи перед входом — маленькая площадка, окруженная невысокой, примерно в полметра, оградой из тех же камней — это хозяйственный двор. Возле каменного жилища — огромная плоская глыба, приподнятая с одного конца чуть более чем на полметра подложенными под нее камнями. Оказывается, это «супружеская спальня» хозяев. Дети спят в «доме», родители же забираются на ночь под каменную плиту, где их ждет соломенное ложе.

В горах, на отшибе от селения, стоит домик Тануфа. Тануф довольно состоятельный хозяин, у него голов пятнадцать коров и несколько десятков коз и овец. Около дома — грядки (на площадке не более сотки), где растут кое-какие овощи. Подобные грядки около домов можно встретить на Сокотре часто, тут сажают помидоры, тыкву, лук, зелень, но в таком мизерном количестве, что огород служит скорей украшением дома, своего рода цветником, чем подспорьем для семьи. У Тануфа трое де-

Внутренность большого «дома»

тей: мальчики семи, девяти и одиннадцати лет. Они тоже обнажены по пояс, но вместо холщевых повязок на них настоящие хадрамаутские *футы* — мужские юбки, перетянутые наверху широким поясом. *Фута* основная мужская одежда всего юга Аравии, а также некоторых областей Восточной Африки и Юго-Восточной Азии.

Мальчики помогают Тануфу пасти и доить коров. Рыжие с черными и белыми пятнами коровы очень низкорослы и худосочны. Но нрав у них агрессивный: на пастбищах они тотчас нападали на нас, норовя боднуть.

У каждой горской семьи — свое пастбище. Границей между пастбищами, принадлежащими разным семьям, служат невысокие, сложенные из камней оградки. Скот привыкает пастись на своем пастбище, но иногда он уходит и в горы, в заросли, отыскивая траву. Не берусь решить, овцы ли узнают своего хозяина, или хозяин знает каждую овцу — только животное, которое может встретиться порой в самом неожиданном месте, обязательно имеет хозяина и никогда не пропадет. Тануф рассказывает, что здесь вся земля разделена на семейные участки, если же овца уже съела всю траву на своем пастбище, она переходит на участок соседа.

— Конечно, — разъясняет мне Тануф, — ведь дом принадлежит человеку, а пища — от Аллаха. Какая соседу выгода, если я умру от голода? Пусть лучше сегодня моя коза поест у него, а завтра, глядишь, его скотину придется выручать.

Да, здесь общинная солидарность еще берет верх над сложившимися уже отношениями частной собственности. Но собственность на скот существует, она сохраняется даже внутри семьи: в доме Тануфа три четверти коз и овец принадлежит его жене, одна четверть — ему. Если он захочет оставить жену и уйти к молодой, то заберет каждую четвертую козу и овцу. На принадлежащих ему животных стоит особое клеймо. Все козы и овцы, родившиеся от его коз и овец, также представляют его собственность. После смерти родителей весь скот будет поделен поровну между сыновьями, а если у Тануфа с женой родятся еще дочери, то им будет выделена доля в два раза меньшая, чем сыновьям. Но если одна из дочерей выйдет замуж за богатого, а другая за бедного, то доля первой может быть отдана второй.

Хозяйство горцев Сокотры остается натуральным. Сейчас правительство ИДРЙ разрабатывает планы развития острова, которые предусматривают помимо создания земледельческих хозяйств на острове преобразование мелких натуральных хозяйств скотоводов в товарные. Это будет очень длительный и трудный процесс. Рассказываю Тануфу, что в будущем он будет членом кооператива, ему и его детям не надо будет с утра до ночи бегать по горам, овцы не будут умирать от болезней, так как в кооперативе имеется ветеринарный врач. Правительство станет доставлять горцам рис, муку, сахар, спички, люди тоже смогут ходить к врачу, а овец и коз, которых тогда расплодится очень много, будут отправлять на материк, и стране не придется покупать мясо за границей.

— Чтобы я продал свою овцу?.. — ужасается Тануф. — Она поедет на корабле, а я буду на это спокойно смотреть? Уж лучше я умру! Мы и так все помрем с голоду: что же нам есть, если мы начнем отправлять в Аден своих овец?

Скот кормит сокотрийца. В горах много коз и овец, но продают их хозяева неохотно. Прежде, когда на Сокотру почти никто не приезжал, коза здесь стоила 3—4 шил-

линга (30—40 копеек). Сейчас мои проводники выторговывают у Тануфа овцу на обед за 20 шиллингов. Разумеется, это тоже гроши, но теперь приезжих из Адена на острове больше, они получают государственное жалование, и на острове лучше знают, какое применение найти деньгам. Тануф купит на эти деньги рисовую сечку. Амер быстро режет животное, разделывает, вынимает дымящуюся кровавую печень и раздает всем по куску, а мне, гостю, — первому. Надо есть — сырая печень не только здесь, но и у любого бедуина во всем арабском мире — самое лакомое угощение.

Пока готовится обед, на который мы пригласили и хозяев, Тануф доит коров: время здесь дорого ценится. Мальчики тут же сбивают масло — методично колотят козьим бурдюком, в который налито молоко, о камень. Основной продукт питания горцев — пахта. Дети Тануфа выросли на пахте и финиках. Мясо и рыбу им приходилось есть всего несколько раз в жизни. Рис они впервые попробовали год назад.

Горцы не только отличные ходоки, но и ловкие прыгуны. Молодежь любит состязаться в прыжках. Прыгают либо с камня на камень, либо три раза подряд на обеих ногах — вроде спортивного тройного прыжка, только ноги сжаты вместе, так прыгать гораздо труднее. Я спрашиваю детей Тануфа, умеют ли они прыгать. Еще бы! Мальчуганы с удовольствием выстраиваются в ряд и, присев, прыгают трижды, как зайцы. Побеждает средний — Иса. Я измеряю его прыжок — примерно двенадцать метров. Мы восхищенно цокаем языками, и ободренный мальчик — ему всего девять лет — лезет на камень, чтобы продемонстрировать нам свое искусство еще раз. Он хочет перескочить на другой острый и неровный валун, метрах в четырех дальше. Я приготавливаю камеру, но замечаю недобрый предупреждающий взгляд отца.

— Не надо снимать, — дергает меня за рукав Амер. — Если Иса сорвется, он сильно расшибется, и отец будет считать, что виноват твой дурной глаз, а горцы народ горячий.

Почему-то мне вспоминается, с какой точностью один из соплеменников Амера метал свой самодельный нож, и рука с камерой невольно опускается. А мальчик ловко взлетает вверх и благополучно приземляется. Остается

завидовать крепости его босых ног, которые с размаху опускаются на острые камни, неровности которых я ощущаю даже сквозь резиновую подошву спортивной обуви.

У старшего сына, Мухаммада, вся грудь и правая часть головы в больших шрамах. Это следы *кайй* — народного врачевания, когда-то распространенного во всем арабском мире, да и сейчас сохранившегося в глухих деревнях Египта, Северной Африки, Аравии. *Кайй* — прижигание огнем. Видимо, у мальчика было воспаление легких, а может быть и туберкулез, которым здесь больна чуть ли не половина жителей. Местный знахарь, раскалив на огне докрасна металлический прут или нож, прикладывает его несколько раз к больным местам — туда, где «прячется болезнь». Этот жестокий способ скорее опасен, чем полезен, в антисанитарных условиях жизни на острове: ожоги легко воспаляются, в них попадает инфекция. Но сильный болевой шок может порой действительно «выгнать» первую боль. Одни умирают, другие выздоравливают. Прижиганием лечатся все, редко встретишь на острове человека без страшных следов раскаленного железа.

Молоко и молочные продукты — основная пища горцев-скотоводов. Наиболее ценный молочный продукт — *хам'и* (по-арабски — *самн*). Это коровье масло, приготовляемое местным способом, его высоко ценят на побережье и даже за пределами Сокотры. *Хам'и* довольно густая мутно-желтая жидкость, по составу близкая к топленому маслу. В примитивном хозяйстве горцев сбивание масла — трудоемкий процесс, один из главных видов их хозяйственной деятельности. После дойки молоко сливают в козьи бурдюки, в них же сбивают масло. Для этого бурдюк в течение нескольких часов бьют о камень. (В других частях Аравии масло тоже сбивают в бурдюке, но бурдюк вешают на веревке.)

Другой немаловажной статьей неразвитой сокотрийской экономики является добыча сока алоэ. Горцы срезают старые, толстые листья этого растения, встречающегося повсюду на острове, и складывают их в круг на козьей шкуре, вырыв углубление в земле. Сверху наваливают все новые и новые партии, под их тяжестью из нижних рядов листьев начинает выделяться сок, стекает на шкуру. Сок сливают в бурдюк, высушивают, а полученный порошок продают. Часть этого продукта идет за

границу, где используется как дезинфицирующее, кровеостанавливающее и слабительное средство. В частности, высушенный сокотрийский алоэ используется как слабительное в Индии.

Конечно, в развитых странах теперь достаточно эффективных современных лекарств и необходимости в лечебном соке уже нет.

Пожалуй, кроме этих продуктов, мускуса, добытого из желез «диких котов», да камеди «драконова дерева», сокотрийцы ничего не производят на продажу.

Естественно, изготовление масла и сбор этих веществ не занимает все время бедуина. При натуральном хозяйстве жизнь представляет собой постоянную борьбу за существование. Но, если хозяйственная деятельность горцев более или менее ясна и открыта наблюдателю, многих ставит в тупик почти полное отсутствие у них иных занятий, которые засвидетельствованы у других, пусть даже отсталых народов. Горцы Хагьера мало курят, не употребляют кофе или чая, почти не знают музыкальных инструментов и редко поют. Здесь не распространены почти никакие игры, редки пляски, никто не рисует, не режет по дереву, не изготавливает каких-либо произведений искусства или ремесла. Можно ли считать, что горцы острова остались фактически на уровне каменного века, не зная ни гончарного круга, ни изготовления металлов, ни земледелия, ни мореходного искусства? Именно к такому заключению пришла Оксфордская экспедиция, но мне кажется, что с окончательным ответом нужно подождать.

Сокотрийским языком до сих пор не удалось овладеть ни одному иностранцу. В этом языке для европейцев особенно сложно произношение, в том числе так называемые латеральные, или боковые, звуки, при произнесении которых звуковая щель между зубами закрывается языком и воздух пропускается через правую и левую сторону, в щель между языком и щекой. Трудны также гортанные и некоторые другие звуки. Речь сокотрийцев быстра и неразборчива, и, кроме того, язык имеет несколько говоров, в частности сильно различаются между собой наречие горцев и наречие жителей прибрежных районов.

У многих путешественников, изучавших островитян, складывалось неправильное представление об их фольк-

лоре, языке и обычаях из-за скрытности сокотрийцев, из нежелания посвящать чужих в тайны своего языка. Но даже те немногие записи, которые мне удалось сделать на острове и во время моих встреч с сокотрийцами в Адене в течение 1972—1975 гг., показывают, что в сокотрийском языке достаточно красок для передачи различных оттенков чувств; в речи островитян есть самобытный юмор, беседа их бывает свободной и непринужденной, она полна образными сравнениями, метафорами и другими выразительными средствами. Сокотрийцы часто используют понятные им одним (а зачастую понятные лишь узкому кругу соплеменников) образы, поговорки, иносказания. Со слов Ахмада мне удалось записать несколько четверостиший, расшифровать которые мне самому никогда бы не удалось. Вот два четверостишия, которыми игриво обмениваются молодой женатый мужчина, пытающийся соблазнить понравившуюся ему девушку, и сама девушка, которая с достоинством отчитывает незадачливого кавалера. Тот говорит девушке:

Агиринхи может насытиться
Только двумя ужинами,
Коли в утробе его колики
И десять рыбин.

Интересно, что, обращаясь к девушке, сокотриец называет себя по имени, «Агиринхи», а не говорит «я». Пожалуй, такой откровенный разговор с девушкой невозможен в любой мусульманской стране, но Сокотра дает примеры удивительного сочетания примитивного консерватизма и вольности, полного подавления женщины и вместе с тем — ее ведущего положения в семье. Молодой человек говорит понравившейся ему девушке, что ему недостаточно одной женщины, ему надо «два ужина», т. е. две женщины, ибо «утроба» его ненасытна. Девушка отвечает:

Не здесь ты отрубил голову барану
И не здесь пообедаешь,
Коли ты не насытился в своем доме
И не собрал плодов со своих пальм.

Это решительный и насмешливый отказ на проски ухажера. Однако разобраться в этих намеках под силу лишь местным жителям.

А вот четверостишие, в котором жители деревни пытаются усовестить молодого воришку из своего племени:

Как стыдно такой черной и большой
Голове с волосами ступеньками;
Начинается утро, заходит солнце, —
А ты все сидишь в маленькой каморке!

Крупная голова с густыми черными волосами — знак красоты юноши. Он, видно, модник — острижен «ступеньками», т. е. волосы его лежат волнами, вроде как у женщин. Но, поскольку он нечист на руку, ему частенько приходится скрываться в маленькой пещере, чтобы не нашли односельчане, которых он боится.

Интересна одна из сокотрийских притч, записанных Оксфордской экспедицией со слов жителя острова.

«— Йа-ху! — сказал верблюд маленькой пичужке, проходя по дороге.

— Йа-ху! — ответила маленькая пичужка.

— Какой сильный был дождь, — сказал верблюд. — Это, хорошо, так как после дождя колючки зеленеют и становятся очень вкусными. А как у тебя дела?

— Неплохо, — ответила маленькая пичужка, хотя у нее страшно болел живот и она была печальна, так как доктор уехал в Аден. — Неплохо, но я боюсь, что Аллах прогневался на меня. Он послал мне нездоровье. Я думаю, что завтра полечу в Аден.

— Аллах всемогущ, — сказал верблюд и пошел своей дорогой.

Он брел по сухой долине все утро, солнце поднялось уже высоко, и стало очень жарко, а он так и не нашел ни одной колючки, хотя в прошлую ночь небеса пролили на землю сильный дождь. Тогда он лег под большой скалой и стал мечтать о верблюдицах и колючках.

Когда стало прохладней, верблюд снова пустился в путь. Не прошло и часа, как он увидел посреди пустыни верблюжью колючку. Но когда он подошел к ней, то оказалось, что на ее ветвях свила себе гнездо маленькая пичужка.

— Йа-ху! — сказала маленькая пичужка. — Ты не можешь съесть этот куст.

— Я голоден, — возразил верблюд, — а за сто миль вокруг нигде нет ни одного кустика.

— Пять шиллингов, — сказала маленькая пичужка.

И верблюд купил куст и съел его.

А пичужка на эти деньги смогла отправиться в Аден в большой красивой лодке, что избавило ее от хлопот лететь туда. Это была умная старая пичужка, потому что куст-то принадлежал ее двоюродному брату, который был далеко в Маскате!»

Многое для изучения истории и этнографии Южной Аравии могут дать названия племен Сокотры, сохранившиеся с глубокой древности. Часто название племени оканчивается суффиксом *-хо*, имеющим собирательное значение. Например, человека, принадлежащего к племени проводника Амера, называют «дирьхи», а само племя называется «дирьхо», т. е. «дирийцы». Вот названия некоторых горных племен: эсмхо, ширьхо, хэрмокхо, эрьбхо, иль'имирё, хидрьхо, эйсабэ, томэ, эмши', хамэрьхо, илили, кишин, карихи.

Не менее интересны для анализа имена сокотрийцев. Вот некоторые из мужских имен: Коукыхун, Мисильхин, Шорьхер, Сыгьонэ, Тануф, Аблас, Тамнак, Фейдад, Ний-хах, Сэлиш, Фэнтас, Сыййоль, То'хэр.

Мое путешествие в горы Хагьера закончилось в Дирьхо — родном селении Амера, куда мы добрались поздно вечером после дня утомительного пути.

Здесь нас встречает Саид — один из старейшин племени. После долгих приветствий, касаний носами и объятий, Амер представляет Саиду меня и наших сопровождающих. Затем начинаются вопросы: Амер долго не был в своем племени.

— Ну как, уродились ли нынче финики? — спрашивает он Саида.

— Слава Аллаху, есть немного, — отвечает старик.

— А дожди были?

— Слава Аллаху, дождь пошел.

— А вырос ли нынче *заад* (травя, которой питается скот. — В. Н.)?

— Если поможет Аллах, завтра коровам будет что поесть, — говорит Саид.

— Хорош ли приплод у коз? — продолжает спрашивать Амер.

— В приплоде только козлики.

— Жаль, — сочувствует Амер. — Значит, молодых козочек не прибавилось? А не пали ли овцы и козы?

— Слава Аллаху, в этом году погибли только две.

Йа', йа', — как бы выщелкивает старик. Это сокращенный вариант «Йа Мухаммад!» — «О Мухаммад!» Именем мусульманского пророка он заклинает, чтобы падеж скота ограничился двумя овцами. Ведь когда говоришь, что овец пало мало, можно сглазить! Мухаммад должен помочь от сглаза.

Я уже знаю, что если бы падеж скота был массовым (по любой причине), горцы зарезали бы несколько овец и коз в жертву Аллаху. Но этот год был, кажется, удачным.

— Значит, дождь пошел? — переспрашивает наш проводник.

— Дай бог, чтобы он не прекратился до самой зимы.

— А как финики, уже созрели?

— Слава Аллаху!

— Сколько же вы собрали?

— Да бурдюков пять есть, Аллах милостив. Все лучше, чем ничего.

— А как соседи, не обижены, и дожди есть, и финики поспели?

— У всех хорошо, слава Аллаху, — подтверждает Саид.

Я тоже вздыхаю с облегчением. Мне приятно, что мы прибыли в селение в удачное время и не лишим наших хозяев последнего куска.

Собираются родственники и соплеменники Амера. Нас ведут на поляну, где мы садимся у костра, который пылает, несмотря на мельчайший морозящий дождь. Тут же в нашу честь режут двух коз.

Перерезав козе горло, с нее снимают шкуру. Освежать животное — целое искусство, но горцы владеют им в совершенстве. Шкуру отделяют от туши буквально за несколько минут. Коровью шкуру снимают иначе, чем овечью или козью: после выделки кожа крупного животного будет служить подстилкой, а из овечьей или козьей шкуры сделают бурдюк, поэтому и снимают ее «чулком». Даже для обозначения действия, с помощью которого снимают коровью шкуру, овечью или козью, в сокотрийском языке существуют разные глаголы: *гизхил* означает «он снял шкуру с коровы», *дихиш* — «он снял шкуру с овцы или козы».

Неподалеку от нас греются у костра несколько верблюдов, принадлежащих соплеменникам Амера. Сокот-

Подготовка к трапезе

рийский верблюд — это замечательное животное, прекрасно приспособившееся к сложностям местного ландшафта и климата. Он силен, хотя и не столь вынослив, как его аравийский собрат: в жаркую и засушливую погоду его приходится поить ежедневно. Зато он так же устойчив на ногах, как горный козел, и может без особого труда подниматься в горы на высоту до тысячи метров. Только на мокрой, грязной почве верблюд теряет свою обычную устойчивость: его широкие подошвы плохо держатся на грязи и на скользкой поверхности мокрых скал. В сильный дождь верблюд может, поскользнувшись, свалиться в пропасть. Овца, коза и верблюд — животные, которых человек здесь использует универсально. Овцы и козы дают молоко, мясо, шерсть, шкуру. Из них готовят пищу и одежду. Неудивительно, что овцам и козам, особенно плодовитым, горцы часто дают имена. Можно наблюдать, как горцы скликают своих животных, выразительно щелкая языком и одновременно издавая булькающие гортанные звуки.

Не менее универсально использование верблюда. Здесь, в горах Сокотры, с ним может конкурировать, пожалуй, лишь осел. Островитяне боятся перегружать,

Семья горцев

переутомлять верблюда, и вес навьюченной поклажи обычно не превышает 110—120 кг, хотя животное способно нести больше. Верблюдица считается более выносливой, чем верблюд-самец. Приучать к переноске вьюков верблюда начинают с третьего года, но в полную силу он начинает работать лишь с пяти-шести лет. Век верблюда долог — в хороших условиях он может прожить сорок-пятьдесят лет. Но полноценным работником остается примерно до двадцатипятилетнего возраста, а то и меньше.

Селение Дирьхо не похоже на те селения, которые мы видели в других горных районах. Пещеры и дома, сложенные из валунов, разбросаны на большом расстоянии друг от друга, так что их почти не видно и размеры селения трудно определить. У каждой семьи свое определенное пастбище, но люди часто помогают друг другу. Раз-

Амер со своими соплеменниками

ница в жизненном уровне здесь невелика, практически незаметна, хотя некоторые семьи имеют по триста-четыре-реста овец и коз.

Бедуины Сокотры не знают часов. Они измеряют время длиной тени, которую отбрасывает человек в то или иное время суток. Так, они говорят: «Я помолился, когда было четыре ступни, пять ступней» и т. п. Любопытно, что деление дня более дробное, чем у многих других народов. Начинается день с *мисыбихин* — отрезок времени примерно с четырех до шести часов утра, на заре. Затем следует *субх* — утро. Время с половины десятого утра до полудня называется *мсёукахэр*, далее следует *дурх* — полдень. Дневное время после полудня вплоть до четырех-пяти часов называется *аль-асэр*, затем наступает *магриб*, в течение которого постепенно темнеет. После того как сгустятся сумерки, начинается *иль-ишья* — примерно с половины восьмого вечера. *Иль-ишья* длится до наступления полной темноты, когда приходит ночь, которую сокотрийцы называют *хтэ*, полночь же у них именуется *нусф хтэ*.

Два дня в гостях у горцев Дирьхо пролетают незаметно. Я делаю записи сокотрийского языка, с которыми

мне потом предстоит много поработать, разговариваю с местными жителями, расспрашиваю об их жизни и хозяйстве, знакожусь с обрядами. Пещеры и сложенные из камней дома дирийцев почти пусты: вся утварь здешних обитателей состоит из глиняных горшков, бараньих и козлиных шкур да тканых одеял.

Наступает день возвращения в Хадибо. Я прощаюсь с соплеменниками Амера. Он возвращается со мной, вновь покидая жену и пятерых детей. С гордостью показывает Амер родственникам полученные подарки: термос и килограммовую пачку чая.

Хочется приехать сюда еще раз, лучше узнать жизнь горных племен. Мне не удалось разобраться в их племенной организации, в функциях старейшин, родственных связях и во многом другом — широкий простор для исследования. По дороге Амер объясняет мне, что *мукаддам* (вождь) племени выполняет у горцев скромные функции. Он разрешает споры и конфликты соплеменников в случае засухи или другого бедствия, в семейной жизни. Он олицетворяет заветы предков, это самый мудрый человек племени. Если он плохо справляется со своей ролью, племя выбирает вместо него другого человека. Но как это делается, Амеру объяснить не удастся, или он не хочет этого — ведь мы не одни.

Спуск, пожалуй, еще труднее, чем подъем. В ущелье, где протекает прозрачный горный ручей, я сажусь на камень и долго смотрю на желто-голубые, покрытые сизой шапкой облаков пики Хагьера и говорю про себя: «До встречи, Хагьер! Мы еще обязательно увидимся».

Глава X

НАЧАЛО НОВОГО ПУТИ

До 1973 г. жизнь на острове почти не изменилась: для перестройки нужны большие средства, кадры, а у молодой Йеменской республики достаточно забот. Губернатор острова рассказывал мне: «Когда мы прилетели на остров впервые, добираться от аэродрома до Хадибо пришлось пешком — более трех часов мы шли, так как на острове не было ни одной автодороги. Когда мы

На работу

впервые отправились из Хадибо в Рас Муми — к мысу на восточной оконечности острова (эта дорога заняла у нас много часов) — и поднялись в горы, местные жители при виде нас разбежались. Осталась лишь женщина — у нее на руках был больной ребенок, и она не могла убежать вместе со всеми. Мы стали объяснять ей, что нас не нужно бояться, что мы такие же люди, приехали, чтобы помочь им, что мы дадим им рис, лекарства, вылечим ее сына, построим на острове дороги, школы, больницы. Тогда эта женщина первая поверила нам. Теперь горцы не бегут от нас. Они сами приходят к нам со своими заботами и бедами».

На острове созданы первые опытные участки по выращиванию сельскохозяйственных культур. Здесь пробуют выращивать манго, апельсины, сорго, овощи, арбузы, клевер и другие травы. Особенно перспективен район Калансии и Нугеда — на южном побережье острова. Инспектор по сельскому хозяйству на острове Али Абдель Илях сообщил: «Сейчас на острове засеяно всего

900 федданов (1 феддан - 0,42 га) площадей. Результаты обнадеживающие. Мы мечтаем о том, что когда-нибудь наш остров станет развитым высокопроизводительным районом. Сейчас главное — побольше колодцев».

«Работать здесь очень трудно, — рассказывает мне Салем Али, инспектор учебных заведений на острове. — Бедуины не хотят отдавать детей в школы, так как дети уже с 6—7 лет доят и пасут животных, нянчат малышей. Правительство вынуждено создавать для детей бедуинов, не имевших представления о школе, специальные школы-интернаты, куда собирают детей из дальних селений. Там детей бесплатно кормят — пока это главный стимул, побуждающий бедуинов соглашаться отдать детей в интернат. Сейчас отношение бедуинов к школе меняется, многие из них хотят, чтобы дети получили образование. К настоящему моменту на острове действует 14 школ, работает 38 учителей, приехавших из Адена. Все школы построены добровольным трудом, на воскресниках, в которых участвовало все население острова и военнослужащие из местного гарнизона».

Эти школы скромны на вид: просто сарай, сложенные из камней, скрепленных глиной. Но зная, сколько труда и энтузиазма людей, стремящихся привести жителей острова из средневековья прямо в XX век, вложено в эти домики, нельзя не поражаться энергии активистов Национального Фронта, начавших в 1973 г. осваивать остров. Школьные здания примечательны тем, что все они построены с помощью добровольного труда жителей острова, на воскресниках, которые называют здесь *мубадара* — «инициатива». В основном с помощью народных «инициатив» строятся и первые дороги на острове.

Я разговариваю с одной из женщин, участвующих в *мубадаре*, Фатхийей — круглолицей, белозубой, с шоколадной кожей. Вокруг нас в облаке пыли громяхают сброшенные со склона камни — жители Хадибо заканчивают строительство дороги Моури — Хадибо. До 30 ноября 1967 г., когда английские колонизаторы и их марионетки были выброшены с юга Аравии, Фатхийя была рабыней султана Бен Афрара, правившего султанатом Махры и Сокотры.

— Рабами были все мои предки, — рассказывает Фатхийя. — Говорят, что их очень давно привезли из Восточной Аравии работоторговцы. Я целыми днями таска-

ла воду из колодца, прислуживала женам султана. Если султан был нами недоволен, нас били плетью. Мы могли выйти замуж только за рабов, да и то часто по приказу султана, а наши дети были обречены оставаться рабами.

Трудно поверить, что всего семь с небольшим лет назад здесь существовало рабство. Бывшая рабыня Фатхийя теперь член женского комитета на острове, она активно участвует в кампании за раскрепощение женщины, проводимой ячейкой Национального Фронта. Другие женщины также принимают участие в «народных инициативах», занимаются в кружках по ликвидации неграмотности, слушают лекции.

— Мы хотим, чтобы наши дети учились и стали докторами или инженерами, — говорит Фатхийя. — Поэтому мы в Хадибо своими руками построили уже две школы.

Благодаря активным мероприятиям по освоению острова, начавшимся в 1973 г., количество учащихся возросло с 250 в 1973 г. до 1500 в 1974 г.

Убедить бедуинов отдать ребенка в школу-интернат удается не сразу — в сложной борьбе за существование, которую ведет семья горца, каждый ребенок — рабочие руки. Мухаммад, сын Амера, учился в школе, в Хадибо, но недавно убежал в горы.

— А разве ты не хочешь стать инженером или врачом? — спрашиваю я мальчика.

— Хочу. Но как можно жить все время в доме? Даже в пятницу (выходной день у мусульман) нельзя побегать по горам! Я не могу жить в «городе», — объясняет Мухаммад.

Жизнь на равнине, в многолюдном и скученном поселке, представляется мальчику, привыкшему к вольной жизни в горах, совершенно невыносимой.

Скоро на острове откроется первая больница. Около строящегося здания — первого современного здания на Сокотре, опираясь на палку и задумавшись о чем-то, стоит босой старик в огромном тюрбане — как будто со страниц «Тысячи и одной ночи». Старому Хамдинну не может, и он давно мечтает о том, как его положат в никогда не виданную им кровать, а над ним будут навевать прохладу лопасти электрического вентилятора — до сих пор электричества на острове еще не было.

Полицейские из Хадибо

Большую активность во всех начинаниях на острове проявляет ячейка Национального Фронта. Недавно на остров вернулась первая группа сокотрийцев, прошедшая обучение в Высшей школе общественных наук в Адене. Им предстоит выполнить трудную задачу: зажечь идеями научного социализма сердца людей, лишь недавно приобщившихся к современной жизни.

Немалое значение придает руководство страны изучению культуры, обычаев и языка сокотрийцев. Естественно, что с развитием острова многие обычаи и обряды островитян, представляющие огромный интерес для науки, исчезнут, переменится сам уклад жизни сокотрийцев, поэтому с подобной работой надо торопиться. Заместитель министра культуры и туризма НДРЙ Мухаммад Абд аль-Кави говорит:

— Сокотру недаром называют «жемчужиной Аравийского моря». Сейчас на острове происходит множество изменений. В полупервобытную жизнь островитян впервые входит цивилизация. Из периода отсталости они будут перенесены в эпоху прогрессивного развития по

На национальном празднике 22 июня

пути социалистической ориентации. Мы считаем, что в настоящее время всякие исследования острова имеют особое значение: ведь пока новая цивилизация еще не стерла то, что может представлять интерес для науки.

Да, правительство НДРЙ не собирается науки ради консервировать сокотрийскую отсталость: важнее помочь сокотрийцам обрести подлинное счастье и процветание. Секретарь ЦК ОПОНФ Абдалла Базиб, в течение нескольких лет возглавлявший министерство культуры и туризма НДРЙ, рассказывал мне, что руководство страны возлагает большие надежды на Сокотру не только как на экономически перспективный район, но и как на местность, которая привлечет туристов со всех концов мира. Строительство туристского комплекса на Сокотре станет важной жизненной задачей местных жителей.

Большую роль в развитии Демократического Йемена играет помощь Советского Союза и других социалистических стран. В республике работают советские геологи, строители, врачи, специалисты сельского хозяйства, инженеры, деятели культуры и просвещения и многие другие специалисты. Значение помощи СССР для развития молодого государства не раз отмечали руководители НДРЙ и ОПОНФ.

Сокотра тоже не осталась в стороне от плодотворного сотрудничества между двумя странами. На строительстве дорог здесь работали советские машины. Побывали на острове и советские специалисты по животноводству, развитие которого так важно для экономики страны. Построен на острове первый ветеринарный пункт. Скоро он начнет действовать, и бедуинам уже не придется молить бога о том, чтобы их овцы не околевали от болезней.

— Результаты наших первых земледельческих опытов тоже обнадеживающие. Здесь могут хорошо расти овощи, сорго, манго, лимоны, арбузы,— говорит мне губернатор. — Рассказывают, что во времена португальцев жители равнин занимались земледелием, но теперь приохотить сокотрийских рыбаков и скотоводов к земле будет нелегко.

Тем не менее я убежден, что это произойдет. При виде энергии и мужества молодых сокотрийцев и тех, кто приехал, чтобы помочь им в строительстве новой жизни, при виде первых успехов молодой республики, решительно набирающей темпы развития, отменяя зловещие тени колониального прошлого, нельзя не поверить в будущее. Очень много предстоит сделать этим людям, чтобы выйти на дорогу прогресса, но время работает на них.

В один из последних дней моего пребывания на острове, в канун праздника 22 июня — пятой годовщины прихода к власти в стране левого, прогрессивного крыла Национального Фронта, я присутствовал на открытии дороги Хадибо — Моури. Теперь до аэродрома можно ехать на машине. На воскресниках по строительству дороги трудились все население Хадибо и близлежащих деревень, а также военнослужащие местного гарнизона. Празднование годовщины 22 июня стало в Хадибо демонстрацией верности народа тому прогрессивному курсу, который проводит в стране Национальный Фронт.

И вот наш самолет, набирая высоту, делает последний круг над Моури. Глядя вниз, я прощаюсь с зелеными финиковыми рощами прибрежных поселков, желтыми песчаными отмелями в бухтах Хадибо, с окутанными голубовато-серыми облаками пиками Хагьера.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	3
<i>Глава I.</i> «Ноев ковчег» или «страна Пунт»?	9
<i>Глава II.</i> Сокотрийцы — кто они?	26
<i>Глава III.</i> «Лучшие в мире колдуны»	46
<i>Глава IV.</i> Махрийская колонизация	64
<i>Глава V.</i> Португальские конкистадоры	69
<i>Глава VI.</i> Султаны и колонизаторы	77
<i>Глава VII.</i> Сокотрийцы дома	85
<i>Глава VIII.</i> На сокотрийской свадьбе	104
<i>Глава IX.</i> У горцев Хагъера	110
<i>Глава X.</i> Начало нового пути	127

Виталий Вячеславович Наумкин

ТАМ, ГДЕ
ВОЗРОЖДАЛАСЬ
ПТИЦА ФЕНИКС

*Утверждено к печати
Институтом востоковедения
Академии наук СССР*

Редактор *Н. Б. Кондырева*
Младший редактор *Р. Г. Канторович*
Художник *А. В. Озеревская*
Художественный редактор *И. Р. Бескин*
Технический редактор *З. С. Теплякова*
Корректор *И. М. Иванова*

Сдано в набор 18/VIII 1976 г.
Подписано к печати 26/I 1977 г.
А-02817. Формат 84×108^{1/32}. Бум. № 1
Печ. л. 4,25. Усл. п. л. 7,14. Уч.-изд. л. 7,18
Тираж 30 000 экз. Изд. № 3901.
Зак. № 570. Цена 24 коп.

Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука»
Москва К 45, ул. Жданова, 12/1

Полиграфическое объединение
«Полиграфист» Управления издательств,
полиграфии и книжной торговли Мосгор-
исполкома. Москва, ул. Макаренко, 5/16.

Цена 24 коп.